

Том 5, № 2
2008

Учредитель

Государственный университет
Высшая школа экономики

Главный редактор

Т.Н. Ушакова

Редакционная коллегия

К.А. Абульханова-Славская

Н.А. Алмаев

Т.Ю. Базаров

В.А. Барабанщиков

А.К. Болотова

А.Н. Гусев

А.Н. Ждан

А.Л. Журавлев

Г.В. Иванченко

А.В. Карпов

Е.А. Климов

А.Н. Лебедев

Д.А. Леонтьев

Д.В. Люсин

А. Лэнгле

Н.Б. Михайлова

В.Ф. Петренко

А.Н. Подьяков

В.А. Пономаренко

И.Н. Семенов

Е.А. Сергиенко

Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.)

А.М. Черноризов

В.Д. Шадриков (зам. глав. ред.)

Б. Шефер (зам. глав. ред.)

А.Г. Шмелев

Отв. секретарь *Е.М. Лантева*

Редактор *О.В. Шапошникова*

Корректурa *Л.В. Барминой*

Переводы на английский

С.С. Беловой

Компьютерная верстка

Е.А. Валуевой

Адрес издателя и распространителя:

249038, г. Обнинск, ул. Комарова, 6.

Тел. (48439) 7-41-26

E-mail: ig_socin@mail.ru

Перепечатка материалов только

по согласованию с редакцией

© ГУ ВШЭ, 2008 г.

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

СОДЕРЖАНИЕ

Философско-методологические проблемы

В.Д. Шадриков. Психологическое описание нормального человека (идеологические, теоретические и методологические проблемы)3

Специальная тема выпуска:

Менталитет и экономические успехи нации

Н.М. Лебедева. Вступительное слово19

Е.Г. Ясин. Исследование культурных ценностей — общее дело социальных наук25

Ш. Шварц. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий37

Н.М. Лебедева. Ценности культуры, экономические установки и отношение к инновациям в России68

Р. Линн. Интеллект и экономическое развитие89

Короткие сообщения

В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. Динамика восприятия индивидуально-психологических особенностей человека по выражению его лица в микроинтервалах времени109

Т.П. Бутенко. Методика диагностики понимания неопределенности жизненных ситуаций и совладания с ними117

А.Н. Воронин, О.М. Кочкина. Дискурсивные и лингвистические способности в структуре интеллекта человека124

А.А. Горбатков. Исследование позитивно-негативной асимметрии эмоций на разных уровнях субъектного развития133

Е.В. Демина. Лингводидактические опыты психологической диагностики языковой способности144

Памяти О.А. Конопкина152

Резюме выпуска на европейских языках153

Vol. 5, № 2
2008

Publisher

State University
Higher School of Economics

Editor

T.N. Ushakova

Editorial Board

K.A. Abulkhanova-Slavskaja
N.A. Almaev
T.Yu. Bazarov
V.A. Barabanschikov
A.K. Bolotova
A.N. Goussev
A.M. Chernorisov
G.V. Ivanchenko
A.V. Karpov
E.A. Klimov
A. Längle
A.N. Lebedev
D.A. Leontjev
D.V. Lyusin
N.B. Michailova
V.F. Petrenko
A.N. Poddiaikov
V.A. Ponomarenko
I.N. Semenov
E.A. Sergienko
V.D. Shadrikov (Vice Editor)
B. Schäfer (Vice Editor)
A.G. Shmelev
D.V. Ushakov (Vice Editor)
A.N. Zhdan
A.L. Zhuravlev

Managing editor *E.M. Lapteva*

Copy editing

O.V. Shaposhnikova, L.V. Barmina

Translation into English

S.S. Belova

Page settings *E.A. Valueva*

Publisher and distributor's address:
ul. Komarova, 6, 249038, Obninsk,
Russia.

Tel. (48439) 7-41-26

E-mail: ig_socin@mail.ru

No part of this publication may be
reproduced without the prior
permission of the copyright owner

© SU HSE, 2008

PSYCHOLOGY

the Journal of the Higher School of Economics

CONTENTS

Theory and Philosophy of Psychology

V.D. Shadrikov. Psychological Description of a
Normal Individual3

Special Theme of the Issue.

Mentality and economic success of the nation

Editorial19

E.G. Yasin. Research on Cultural Values –
a Common Goal of Humanitarian Sciences25

S. Schwartz. Cultural Value Orientations:
Nature & Implications of National Differences ...37

N.M. Lebedeva. Cultural Values, Economic
Settings, and Aptitudes Towards Innovations
in Russia68

R. Lynn. Intelligence and Economic
Development89

Work in Progress

V.A. Barabanschikov, A.A. Demidov. Dynamics in
Perception of Individual Psychological
Characteristics Based on Facial Expressions
during Micro-intervals of Time109

T.P. Butenko. A Measure of Understanding of
Uncertainty in Life Situations and
Coping with them117

A.N. Voronin, O.M. Kochkina. Discursive and
Linguistic Abilities in the Structure of Human
Intelligence124

A.A. Gorbakov. Examination of
a Positive-Negative Asymmetry of Emotions at
Different Levels of Individual Development133

E.V. Dyomina. Linguistic and Didactic
Experience of Psychological Measurement
of Verbal Ability144

Obituary. O.A. Konopkin152

Summary of the Issue153

Философско-методологические проблемы

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ НОРМАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА (ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ)

В.Д. ШАДРИКОВ

Шадриков Владимир Дмитриевич — научный руководитель факультета психологии ГУ ВШЭ, академик РАО, доктор психологических наук, профессор.

Область научных интересов: психология деятельности и способности человека. Основные работы: «Проблемы системогенеза деятельности», «Происхождение человечности», «Мир внутренней жизни человека», «Способности человека».

Контакты: shadrnikov@hse.ru, iso@hse.ru

Резюме

В статье рассматриваются идеологические, теоретические и методологические проблемы психологического описания нормального человека, дается их содержательная трактовка, показывается вся сложность практической работы в этом направлении.

Понятие психически нормального человека

В психологических исследованиях предпринимались многочисленные попытки дать описание нормального человека через различные тезау-

русы личностных черт. Эти исследования сводились к выделению устойчивых качеств (диспозиций, индивидуальных установок), которые проявляются в определенном поведении в различных ситуациях и на различных временных промежутках.

К таким чертам одни исследователи относили наследственные качества, другие — более широкий круг личностных черт, включая сформированные при жизни на основе устойчивых мотиваций и эмоциональных проявлений, а также различных комплексов личностных качеств. Эти работы составили широкий класс таксономических исследований личностных черт. Однако в целом приходится констатировать, что, несмотря на многочисленные попытки описать психически нормального человека, задача до настоящего времени остается во многом открытой.

В чем причина такой ситуации? Она порождается *идеологическими, методологическими и теоретическими факторами*.

Прежде всего, отсутствует система философских, нравственных, правовых и психологических идей и взглядов на понятие психологической нормы, т. е. отсутствует *идеология* нормального психического развития человека. Что считать нормой? Понятие «норма» происходит от латинского слова «погма», т. е. узаконенное установление, признанный обязательный порядок, установленная мера, средняя величина чего-нибудь. Но в том-то и дело, что *установленной меры* нормального психического развития нет. А нет ее во многом потому, что нет установленного представления о том, какими характеристиками следует измерять сущность человека, т. е. проблема упирается в недостаточную *теоретическую* разработанность представлений о сущности человека. Недостаточно разработанной в этих условиях оказывается и *методология* определения нормального психичес-

кого развития, т. е. принципы, организация, методы и средства диагностики. Несомненно, что все три группы проблем — идеологических, методологических и теоретических — оказываются тесно взаимосвязанными.

Рассмотрим каждую из выделенных проблем более подробно.

Идеологический уровень: что считать нормой? Как мы уже отметили, под нормой понимается узаконенное установление, признанный обязательный порядок, установленная мера, средняя величина чего-нибудь. Однако при определении психической нормы эти подходы не выдерживают серьезной критики. До настоящего времени нет и, надо надеяться, не будет узаконенного установления нормы. Огромные трудности в установлении нормы вносит тот фактор, что человек находится в постоянном *развитии*; поэтому можно говорить только о норме развития. Но и здесь встают огромные трудности, так как процесс развития характеризуется *неравномерностью* и *гетерохронностью*. Разные качества развиваются в разные периоды жизни человека, и развиваются неравномерно, с различной скоростью. Процесс этого неравномерного и гетерохронного развития изучен к настоящему времени явно недостаточно и сводится в основном к проблеме сензитивных периодов развития.

Огромной идеологической проблемой в определении нормы является представленность в поведении человека такого явления, как *компенсация*. Как писал Б.М. Теплов: «Одной из важнейших особенностей психики человека является возможность чрезвычайно широкой *компенсации*

одних свойств другими, вследствие чего относительная слабость какой-нибудь одной способности вовсе не исключает возможность успешного выполнения даже такой деятельности, которая наиболее тесно связана с той способностью» (Теплов, 1985, с. 21). Б.М. Теплов рассмотрел проблему компенсации на примере музыкальной одаренности. Он констатировал, что *«проблема одаренности есть проблема, прежде всего, качественная, а не количественная... Не в том только дело, что у одного человека музыкальный слух лучше, а у другого хуже: у разных людей музыкальный слух может быть качественно различным»* (Теплов, 1985, с. 27).

Важнейшим идеологическим моментом для определения, что такое норма, являются мысли Аристотеля о благотворности середины. О делах, выполненных в совершенстве, отмечал Аристотель, говорят: «Ни убавить, ни прибавить». При этом имеют в виду, что «избыток и недостаток губельны для совершенства» (Аристотель, 2002, с. 35). Благотворность середины столь же характерна и для нравственных качеств человека. «Избыток и недостаток присущи порочности (*kakia*), а обладание серединой — добродетели» (Аристотель, 2002, с. 72). Аристотель детально разбирает и приводит примеры благотворности середины.

Мужество — это обладание серединой между страхом и отвагой, в связи с удовольствием и страданием обладание серединой выступает как благоразумие, а избыток — как распушенность. Для щедрости как середины избыток добродетели выступает как мотовство, а недостаток — ску-

пость, по отношению к чести обладание серединой выступает как величавость, избыток именуется спесью, а недостаток — приниженностью. Обобщая различные виды середины, Аристотель делает вывод, что «обладание серединой похвально в чем бы то ни было, а крайности и не похвальны, и не правильны, но достойны [лишь] осуждения» (Аристотель, 2002, с. 75–76).

Вместе с тем Аристотель отмечает, что «не всякий поступок и не всякая страсть допускает середину, ибо у некоторых [страстей] в самом названии выражено дурное качество (*phaylotis*), например: злорадство, бесстыдство, злоба, а из поступков блуд, воровство, человекоубийство» (Аристотель, 2002, с. 73).

Проблема благотворности середины нашла свое отражение в экспериментальных работах XX века. Так, на основе экспериментов, в которых испытуемым предлагались задачи трех уровней сложности и осуществлялась стимуляция электрическим током различной силы, Р. Йеркс и Дж. Додсон (1908) сформулировали положение об оптимуме мотивации. Н.Е. Введенский (1905) сформулировал закон оптимума—пессимума, в котором отмечал, что эффективность умственной деятельности зависит от оптимума, под которым он понимал «мерность» и ритм работы. Примеры оптимума мотивации и эффективности выполнения задания экспериментально исследовал Е.П. Ильин со своими аспирантами (1967).

Как отмечал Ж. Нюттен (1975) «идея оптимума мотивации столь же стара, как и человеческая мысль, и моралисты всегда осуждали чрезмерные страсти, из-за которых человек

терял контроль над собой» (цит. по: Ильин, 2000, с. 295); однако экспериментально данная идея проработана недостаточно.

Отметим, что мотивация в данном случае является только частным проявлением принципа благотворности середины. В наших исследованиях было показано, что для эффективного научения для каждого уровня обученности существует свой оптимальный уровень как мотивации, так и информационного обеспечения деятельности ученика (Шадриков, 1996). Очевидно, что положения плодотворности середины нуждается в изучении и по отношению к другим формам поведения.

Проведенный анализ позволяет сделать важное идеологическое заключение: *норму психического развития целесообразно определять на основании двух критериев — благотворности середины выраженности того или иного качества и отношения меры выраженности того или иного качества к средней возрастной норме.*

Второй критерий нашел успешную реализацию в работах А. Бине, Р. Кеттела и других исследователей по определению IQ. Им не потребовалось обращение к принципу благотворности середины, так как считается, что интеллекта слишком много не бывает. Что же касается личностных качеств, то там принцип середины играет очень важную роль.

При анализе проявления личностных черт в поведении важным является «отказ от адаптивности». Классическая «теория черт» постулирует независимый, *аддитивный* вклад каждой черты в успешность поведения, однако экспериментальные ис-

следования показывают, что это не так. Отдельные черты, определяя поведение, находятся во взаимосвязи и взаимном обусловливании. В то же время следует помнить, что и одна и та же черта с разной мерой выраженности может по-разному проявляться в поведении человека. «Сегодня практически все сторонники теории черт согласны с тем, что любое понятие черты на поверку оказывается сопряженным с известным классом ситуаций и абсолютно универсальных черт, относящихся к поведению во всех возможных ситуациях, попросту не бывает» (Шмелев, 2002, с. 56).

Теоретический уровень связан прежде всего с представлением о сущности человека, и вопрос заключается в том, какими характеристиками (качествами) измерять эту сущность.

А. Печчели, президент Римского клуба, в предисловии к русскому изданию своей книги «Человеческие качества» писал: «Думаю, что эти страницы хотя бы в самой скромной мере помогут... осознать, какую исключительную важность приобретают сейчас присущие всем — даже самым отверженным и обездоленным — людям планеты внутренние человеческие качества, их выявление и развитие у жителей любых уголков мира. Ведь, в сущности, именно эти качества являются самым важным ресурсом человечества, сравнимым разве что с теплом, той энергией, которую так щедро посылает нам солнце» (Печчели, 1980, с. 5).

Человек приспосабливается к среде обитания, в отличие от других живых существ, преимущественно за счет культурных, а не генетических

факторов и механизмов. Одним из мощных механизмов этого приспособления является формирование *человеческих качеств* и их развитие за счет культуры. Поэтому столь актуальным является *выделение культурных качеств* человека для того, чтобы в дальнейшем осуществить их формирование и развитие.

«Актуальность психологии личностных черт,— пишет А.Г. Шмелев,— не зависит от конъюнктуры идеологических и социально-экономических веяний и метаморфоз, как и от моды на тот или иной методологический или технологический подход внутри самой психологии... Люди самых разных профессий постоянно оценивают окружающих по их личностным (психологическим) качествам, с тем чтобы решать свои профессиональные и просто быденные житейские задачи — строить свои отношения с окружающими» (Шмелев, 2002, с. 9).

В попытках определить «норму» важно понимать, что же такое черта личности. Как отмечает А.Г. Шмелев, «в настоящее время в мировой психологии уже накоплено немало свидетельств в пользу концепции интериоризации — свидетельств тому, что личность обретает определенные черты в ходе общения, черты, которые первоначально были интерпсихическими отношениями, т. е. зарождались во взаимодействии с другими людьми» (Шмелев, 2002, с. 63).

Отталкиваясь от концепции «личностного пространства», А.Г. Шмелев дает следующее определение понятия «личностной черты»: «В объективном смысле, в рамках объектной парадигмы, “личностная черта” —

есть устойчивая диспозиция индивида к определенному поведению в определенном широком или узком классе ситуаций, сложившаяся в ходе формирования индивидуального опыта на основе взаимодействующих факторов: психофизиологической конституции (темпераментальный аспект, или черты—свойства), социального подкрепления ролевого поведения (характерологический аспект, или черты—навыки), эмоционально-ценностного присвоения и конструирования идеальных образцов и целенаправленных стратегий (рефлексивно-личностный аспект, или черты—стратегии).

В субъектном смысле, в рамках субъектной парадигмы, “личностная черта” — это субъективная категориальная единица опыта, обобщающая для субъекта признаки определенного класса ситуаций и предписаний по поведению в этих ситуациях; это личностный конструкт, позволяющий ускоренно решать (за счет сокращенного перебора информативных признаков ситуации) задачу выбора стратегии поведения в текущей ситуации и одновременно — задачу поддержания целостности “Я”» (Шмелев, 2002, с. 118–119).

Мы привели эту длинную цитату, так как в ней отражаются взгляды на личностные черты, с которыми мы солидарны и которых будем придерживаться в дальнейшем.

В отечественной психологии одну из успешных попыток построить модель «нормы» предпринял А.Г. Шмелев. Предложенная им модель отражает «общепринятые представления о структуре личностных черт в нашей русскоязычной культуре» (Шмелев, 2002, с. 11). Модель реконструирована

на основе экспертных оценок «Тезауруса личностных черт» и представлена в виде «Атласа личностных черт» (Шмелев, 2002, с. 381–436). Атлас содержит 240 кластеров личностных черт, построенных на массиве экспертных оценок из 2090 черт. Для каждого кластера указаны условные маркеры (краткие обозначения) ситуаций и сфер жизнедеятельности. Например, номер кластера $n = 1$, маркеры — «Собственное превосходство», «Распределение власти», личностные черты — великодушный, рыцарь, гуманный, человеколюбивый, светлый, либеральный, идеалист, филантроп, прекраснотдушный; кластер $n = 25$, маркер — «Конфликтное взаимодействие», личностные черты — крикливый, скандальный, склочный, скандалист, конфликтный, сутяга, горлопан, вздорный, полоумный, базарный, горлодер, горластый, кликуша; кластер $n = 56$, маркеры — «Этические идеалы», «Моральные ограничения», «моральный долг», личностные черты — честный, незапятнанный, верный, беззаветный, преданный, нравственный, праведный, настоящий, высоконравственный, достойный, благородный, порядочный, безупречный, непогрешимый, духовный, истовый.

Однако приходится констатировать, что, несмотря на тщательность проработки, модель А.Г. Шмелева трудно использовать при реальном описании конкретного человека в силу ее многомерности.

Обобщение работ по таксономическому изучению личностных черт привело к выделению личностных факторов Большой Пятерки (Big Five, или сокращенно В 5). К ним относятся:

1. Surgency (or Extraversion) — энергичность (или экстраверсия).

2. Agreeableness — дружелюбие (согласие).

3. Conscientiousness — совесть (сознательность).

4. Emotional stability — эмоциональность (стабильность).

5. Intellect (or Culture) — интеллект (или культура).

Здесь мы впадаем в другую крайность — краткость описания личности нормативного человека.

Для того чтобы определиться в системе теоретических проблем, поставим вопрос: «А для чего нам вообще необходимо знать норму?» Ведь каждый человек индивидуален! Может ли здесь существовать норма? Ведущим принципом при ответе на поставленные вопросы может стать мысль Аристотеля о том, что «мы познаем не для того, чтобы знать, а для того, чтобы делать». Мы познаем другого человека для того, чтобы предвидеть: чего от него можно ожидать, на что он способен, что ему можно поручить, в какой мере можно на него надеяться. Иными словами, это можно выразить так: к чему способен человек, какова его нравственность (нравственные устои, нравственные добродетели).

Способности человека характеризуются развитием его основных психических функций, умом, рассудительностью и мудростью. *Рассудительность* позволяет принимать правильные решения в связи с благом и пользой для самого человека. Рассудительность направлена на поступки. Способности определяют успех деятельности.

Нравственность (нравственные устои) характеризуются через то, что

доставляет человеку удовольствие или страдание, склонен ли он к добру или злу, считает ли он возможным использовать другого человека для своей выгоды. Нравственность характеризуется *поступком*.

Ум и нравственные устои определяют сознательный выбор и поступки человека, *воля* направляет к цели. Цели, которые человек ставит перед собой, характеризуют его сущность. Поэтому важно знать, чего он *хочет и желает*. Расхождение между хотением и реальными достижениями характеризует внутреннее *напряжение* (конфликты). Расхождение между желаниями и поступками характеризует волю. *Способности* определяют *профессиональное мастерство*, а с последним связаны *жизненные успехи*.

Таким образом, чтобы определить сущность человека, надо знать, чего он хочет, что переживает и как, что умеет, какими способностями обладает, что знает.

В своем единстве четыре обозначенные сферы составляют со-

держание души человека, единую субстанцию.

Можно, конечно, утверждать, что если у человека нет патологии, то он нормален. В чем недостатки такого подхода? В этом случае мы диагностируем психические качества человека, потенциально предполагая, что у него возможна патология. Мы «подозреваем» его в психическом расстройстве. Мы используем методы психиатрии и патопсихологии. Мы «не видим» психически нормального человека и его возможностей. Мы *не опираемся на значение и проявление его качеств в жизнедеятельности*. В целом непродуктивность подхода через отрицание давно доказана наукой.

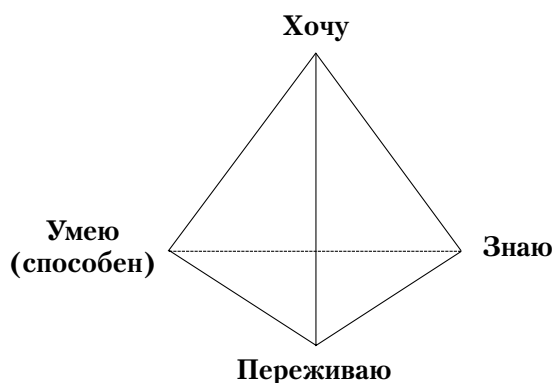
Обратимся теперь к проблеме **методологии диагностики** нормального психического развития.

Вначале остановимся на проблеме диагностики качеств, обозначенных в вершинах пирамиды (рис. 1).

Если человек успешно освоил школьную программу, можно утверждать, что его ментальное развитие

Рис. 1

Взаимосвязь сущностных качеств человека

соответствует норме. Но вот здесь-то и возникает целый ряд методологических проблем, и главная заключается в учете *индивидуальных* характеристик с учетом факторов неаддитивности личностных качеств. Владение *знаниями* должно сопровождаться диагностикой *переживаний*, связанных с этими знаниями (таким образом, здесь проявляется методологический принцип единства «знания и переживания»). Необходимо выяснить, с какими чувствами было связано (сопровождалось) приобретение того или иного знания. Таким образом, мы переходим от точечной диагностики к диагностике связи «знание — переживание». Аналогичным образом необходимо выяснить, чем (или кем) *мотивировалось* приобретение этого знания, т. е. рассмотреть связь «знание — мотив», «знание — цель его приобретения» и, наконец, соотнести знание со способом его приобретения, со способностями субъекта, т. е. рассмотреть связь «знание — способности». Изучение указанных связей позволит выйти на *индивидуальную* качественную характеристику знаний с личностных позиций.

В диагностике способностей важно не ограничиваться определением коэффициента интеллекта, необходимо выяснить уровень развития каждой способности (психических функций). Это дает возможность представить индивидуальный профиль развития способностей конкретного субъекта, а при применении соответствующих методов — и структуру способностей, определяющих *индивидуальный* способ деятельности и ее качественные характеристики. В настоящее время во

многом произошла подмена диагностики ментального развития субъекта измерением его интеллекта. Способности в своей совокупности характеризуют индивидуальность субъекта, коэффициент интеллекта дает только количественное выражение того, что авторы называют интеллектом.

Важным моментом диагностики является требование хорошей дифференциации обследуемых. Так же, как и при диагностике знаний, важно выяснить связи способностей с переживанием, мотивацией и знаниями. Изучение связей «способности — переживания» выводят нас на понятие «эмоциональный интеллект» (отражающий единство способностей и переживаний). Связь «способности — мотивы», «способности — нравственные устои» дает нам представление о *способностях личности*, позволяет вернуться к забытому в современной психологии понятию *добродетели*.

Параметр «хочу» определяет интересы, направленность, мотивацию поведения (деятельности и общения). Он связан с *нравственными устоями* личности и личностными качествами, в основе которых лежит устоявшаяся мотивация. Связь «хочу — нравственные устои» порождает *совесть*, определяет характер *переживаний* личности. «Хочу» определяет цель поведения (деятельности). Знание того, чего хочет человек, раскрывает нам его глубинные характеристики.

«Переживания» служат индикатором того, чего хочет человек и как ему удастся реализовывать свои желания. В связи «хочу — переживаю» сокрыт механизм, определяющий

поведение личности. Знание мотивации и переживаний определяет характер отношений между людьми. Связь «хочу — знаю», «хочу — способен», «переживаю — знаю», «переживаю — умею» мы рассмотрели ранее.

Остается отметить, что характеристика субъекта может быть продолжена в плоскостях: «хочу — знаю — способен (умею)», «хочу — знаю — переживаю», «хочу — умею — переживаю», «знаю — умею — переживаю».

Плоскость «хочу — знаю — способен (делаю умею)», характеризует сферу поступка, поведения, деятельности, плоскости «переживаю — знаю — умею», «переживаю — знаю — хочу», «переживаю — умею — хочу», насыщают эту сферу переживаниями.

Индивидуальность и личностные качества

Одним из первых проблему индивидуальности в психологии поставил В. Штерн (Штерн, 1998). В своей знаменитой работе «Дифференциальная психология и ее методические основы» он писал: «Как бы ни различались разрабатываемые до сегодняшнего дня проблемы дифференциальной психологии, все они имели нечто общее: предметом исследования в них выступал *признак* в его межиндивидуальном проявлении; индивиды же, будучи носителями изучаемого признака, были лишь объектом исследования».

Теперь направление исследований кардинальным образом изменилось; исследуется не распространение какого-либо одного признака у многих индивидов (анализ по горизонтали), а целостная психологичес-

кая структура одного индивида на основе многих признаков (анализ по вертикали). Это уже проблема психологии, эмпирического психологического исследования индивидуальности» (Штерн, 1998, с. 206).

И хотя впервые эту мысль В. Штерн высказал в 1900 г. (первое издание книги; мы цитируем по русскому переводу четвертого издания 1921 г.), ситуация в значительной мере остается такой же, как она описывается в приведенной цитате.

В начале своего исследования В. Штерн ставит, как он пишет, «принципиальный вопрос научно-теоретического характера — имеет ли право индивидуальность вообще, и особенно человеческая индивидуальность, быть предметом научного исследования?» (Штерн, 1998, с. 206). На первый взгляд это парадоксальная постановка вопроса, однако сторонники такого подхода утверждают, что наука изучает только *общезначимые* естественно-научные закономерности.

Отстаивая точку зрения о необходимости изучения индивидуальности, В. Штерн ссылается на К. Виндельбанда и Г. Риккарта, которые дали убедительное теоретическое обоснование принципа индивидуальности. Виндельбанд предложил разделить науки на «номотетические», устанавливающие законы, и «идеографические», занимающиеся изучением индивидуальности. «Риккарт выделил в качестве объекта номотетических наук законы природы, а идеографических наук — культуру» (Штерн, 1998, с. 206).

В. Штерн, отстаивая индивидуальность как предмет исследования в психологии, одновременно утверждал,

что не следует противопоставлять эти два подхода. Он показал, что отмеченные два подхода не только соединимы, но они связаны друг с другом и, даже более того, они с необходимостью дополняют друг друга (Stern, 1906). В качестве примера В. Штерн приводит медицинскую науку. «По своим задачам,— пишет он,— она, несомненно, относится к естествознанию, стремится к познанию законов развития болезней, способов их преодоления. Но когда врач сидит у постели больного, в этом случае речь идет не об общих законах, а об индивидуальных случаях, каждый из которых, несмотря на “типичное” течение, сам по себе является неповторимым. Диагноз — это идеографическое познание, терапия — индивидуализированное действие. Медик, проводящий “патографию”, очень близок по своим ориентациям к чисто историческому (идеографическому) познанию индивидуальности» (Штерн, 1998, с. 207).

Утверждая необходимость изучения индивидуальности, В. Штерн обосновал ряд принципиальных методологических положений, которые не утратили своего значения до настоящего времени. Прежде всего это относится к пониманию «*индивидуальности как единства в многообразии*». Любая индивидуальность есть единство признаков, неповторимое и нераздельное. Однако если учитывать лишь единство, то исследование невольно сведется к одному главенствующему свойству или определенному типу личности, не учитывающему признаки, которые и порождают эту уникальность. Если же акцент сделать на признаках (многообразии признаков), то из

поля зрения может выпасть единство, и индивид предстанет как пестрая картина признаков. Поэтому необходимо сочетать единство и многообразие. Фактически В. Штерн провозгласил принцип *системного подхода* при изучении индивидуальности. В качестве метода исследования индивидуальности он предложил *биографический* метод и метод *психографии*. Биография, в концепции В. Штерна, отражает идею *единства личности*, психограмма отражает *многообразие* признаков, имеющихся у личности.

«Биография в качестве исходной точки и цели своего метода имеет единство личности; однако она не может игнорировать существующее в индивиде многообразие, которое, в конечном счете, и образует материал для синтеза» (Штерн, 1998, с. 208).

Второй важной теоретической проблемой, которую поднимает В. Штерн, является трактовка понятия «существенное». Когда мы характеризуем личность, останавливаемся прежде всего на *существенных качествах*. Но что же означает «существенное»? В. Штерн выделяет два значения понятия «существенное»: абсолютное и относительное. Абсолютное значение понятия проистекает из того, что в определении природы индивидуальности некоторые свойства играют принципиальную роль по отношению к другим; они составляют ядро индивидуальности. Именно вариация этих абсолютных свойств характеризует каждую личность. Относительное значение понятия существенного определяется тем, что мы хотим подчеркнуть в конкретной личности.

Как пишет В. Штерн, «если я хочу описать писателя Мольтке как индивидуальность, то в качестве существенных необходимо выделить некоторые признаки, отличающиеся от тех, которые выдвигаются при рассмотрении Мольтке как стратега» (Штерн, 1998, с. 209).

Важно подчеркнуть, что относительность свойств индивидуальности будет определяться не только тем, что мы хотим подчеркнуть в личности, но и тем, с каких теоретических позиций исследователь подходит к характеристике личности (Шадриков, 2006). Позиция в определении существенного дает нам и определенную картину личности.

Ведущим методом при описании индивидуальности В. Штерн считал *психографию*. Теоретической посылкой для психографии является представление психографа о том, какое многообразие признаков характеризует личность. Перечень параметров, по которым составляется психограмма, называется *психографической схемой*. «Психография исходит из положения, что *каждая* индивидуальность отличается уникальностью внутреннего мира, что и превращает ее в важную исследовательскую проблему» (Штерн, 1998, с. 211). Мы полностью солидарны с такой постановкой проблемы (Шадриков, 2006).

С учетом того, что внутренний мир структурирован и проявляется в вероятностных закономерностях, важно, с одной стороны, представлять структуру личности, с другой — указывать вероятностный характер построения поведения. В. Штерн отмечал, что «проблема структуры индивидуума остается до сих пор в сущ-

ности еще совсем не разработанной... Науке практически ничего не известно о взаимовлиянии совокупности психических признаков человека, о том, как они соединяются, иерархически соподчиняются, воздействуют друг на друга, так как прежде всего ограничивались лишь рассмотрением 1-го или 2-3-х признаков у исследуемого индивида, не изучая общую структуру в ее поперечном разрезе» (Штерн, 1998, с. 212). Далее В. Штерн отмечает, что «не только индивид в целом, но и каждое его свойство имеет собственную структуру и поэтому может быть исследовано только с учетом его многосторонних связей» (Штерн, 1998, с. 212). «Эти структурные образования подчиняются как общим закономерностям, относящимся ко всем людям вообще, так и тем, которые типичны для определенных групп людей» (Штерн, 1998, с. 212).

На современном этапе развития психологии по проблемам индивидуальности проводится значительное число исследований, но по-прежнему они ограничиваются несколькими признаками. В отечественной психологии это прежде всего школы Теплова–Небылицина и В.С. Мерлина, исследования Е.А. Климова. Особенно следует указать на комплексное исследование человека, проведенное под руководством Б.Г. Ананьева.

Необходимо отметить, что, как только исследователь подходит к практической психографии, сам объект исследования диктует ему необходимость системного подхода. Неудивительно, что здесь появились методы психографического описания отдельных профессиональных групп, направленные на выявление

значимых структур профессионально важных качеств (В.Д. Шадриков и другие). Прежде всего здесь следует выделить метод построения корреляционных матриц и метод расслоения матриц корреляционных связей.

Анализ динамики структуры связей профессионально важных качеств в процессе системогенеза (на разных этапах профессионализации) позволил выделить индивидуальные связи, проходящие через все этапы профессионализации; временные связи, присутствующие только на определенных этапах овладения профессией; связи, которые появляются на определенном этапе овладения профессией, но в дальнейшем не исчезают (при этом возможно изменение меры тесноты этих связей); связи с переменным знаком. Полученные в исследовании данные показывают, что в процессе профессионализации повышается степень интегрированности системы профессионально важных качеств (Шадриков, 1982; 2007). С учетом общего положения о том, что психика развивается и формируется в деятельности и через деятельность, можно предположить, что отмеченные выше закономерности будут проявляться и в формировании индивидуальности. В роли детерминантов этого развития будет выступать вся совокупность внешних факторов; при этом соблюдается общий принцип, по которому внешние воздействия преломляются через внутренние условия (С.Л. Рубинштейн).

Определенный шаг в развитии индивидуального подхода к исследованию отдельных качеств личности намечается при переходе от лабораторного эксперимента к изучению

психических качеств и процессов в реальных условиях. Примером такого подхода может стать исследование восприятия, проведенное С.В. Филиной (Филина, 1995).

На фоне отмеченных позитивных сдвигов в изучении индивидуальности приходится констатировать, что по-прежнему в этой области, как отмечал еще В. Штерн, «отсутствует четкое осознание методических требований, предъявляемых к научной психограмме, систематической основы для согласованных действий разных психографов» (Штерн, 1998, с. 212). В результате данные, получаемые в различных исследованиях, трудно сопоставить.

При использовании в психографии методов, разработанных для изучения субъекта деятельности, следует помнить предостережение, высказанное В. Штерном: психографическое описание должно давать *многостороннюю характеристику* индивида.

Сопоставляя индивидуальную характеристику (психографическую схему), мы должны учитывать *возрастную динамику* внутреннего мира. Эта динамика отражается в *продольной* психограмме, в отличие от *поперечной*, фиксирующей индивидуальную структуру в данный момент времени. Продольная психографическая структура призвана исследовать содержание и формы индивидуального развития.

Методологический принцип «полноты описания индивидуальности»

Данный принцип предполагает регистрацию в психограмме всей

полноты признаков, доступных исследователю. В результате психолог получает «описание широчайшего спектра многообразия признаков индивидуальности. Опираясь на общую психографическую схему, психолог сумеет определить место конкретных проблем, еще не представленных в схеме, и, как следствие, получить возможность дополнения и совершенствования самой схемы. Иными словами, «интегральная психографическая схема будет отличаться не действительной полнотой, а действенной тенденцией систематизации и усовершенствования» (Штерн, 1998, с. 226). Генеральная схема должна носить нейтральный характер, т. е. быть ориентированной на психически здорового человека, не сводить круг признаков до решения конкретной задачи (профотбор, обучение, здоровье и т. д.). Наличие общей схемы позволяет исследователю при решении частных задач отчетливо видеть, что он выбирает из генеральной схемы. На ее основе должны разрабатываться психографические схемы решения специальных задач. Общие схемы могут разрабатываться для отдельных сфер психики, в этом случае частные схемы будут касаться только этой же сферы. Примером общей схемы может служить разработанная нами классификация познавательных психических процессов и познавательных способностей (Шадриков, 1996; 2007).

Важно подчеркнуть, что генеральная схема не есть характеристика индивидуальности. Это *предварительное условие* исследования индивидуальности. При исследовании индивидуальности качества психо-

графической схемы рассматриваются со стороны базовых, ведущих, второстепенных, объединенных в отдельные блоки и выступающих изолированно, играющих интегрирующую роль. В частных задачах это связано с эффективностью деятельности, в общей задаче это адресуется прежде всего к социальному поведению. В качестве базовых выступают свойства индивида, имеющие наибольший вес в структуре качеств, ведущие свойства, имеющие значимые корреляционные связи с показателями успешности деятельности или социально одобряемыми формами поведения. Примером подхода к разработке генеральной схемы может выступать исследование Б.Г. Ананьева (Ананьев, 1968), частных схем — исследование В.Д. Шадрикова ПВК в профессиональной деятельности (Шадриков, 1982), при изучении учебной деятельности, а также успешности первоначального чтения и письма — исследование Н.В. Нижегородцевой (Нижегородцева, 1993).

В любой психограмме индивид не может быть описан во всей полноте существенных признаков. Индивидуальность бесконечна. Поэтому в психограмме, описывающей обычного человека, мы стремимся наметить *тенденцию изучения своеобразия индивида*. Степень реализации этой тенденции может быть различной, но она должна давать основания для суждения о конкретном человеке в его отношениях с другими людьми, о его нравственной надежности.

Полнота методов исследования. С учетом того, что определение меры выраженности того или иного свойства тесно связано с методом (способом) измерения, важно для генеральной

схемы подобрать и генеральный перечень методик, с помощью которых должны измеряться свойства, входящие в генеральную схему. Только использование стандартизированных научных методик позволит разным исследователям получить сравнимые результаты и сделать выводы об индивидуальности человека общезначимыми.

Малопараметрические модели индивидуальности

Требование полноты описания индивидуальности, как мы уже отмечали, практически нельзя реализовать. Поэтому данный методологический принцип целесообразно и теоретически необходимо дополнить принципом построения малопараметрической модели, отражающей с известной погрешностью модель индивидуальности, построенную на психограмме «всей полноты признаков, доступных исследователю». Данная ситуация характерна не только для психологии. Возьмем в качестве примера метеорологию. На погоду влияет очень много факторов. Поэтому метеорологи вынуждены в практических целях строить малопараметрические модели, которые и лежат в основе предсказания погоды. Не учитывает, к сожалению, всех факторов, влияющих на здоровье, и врач, ставя диагноз. Построение малопараметрической модели индивидуальности и есть главная *теоретическая* задача психологии, но, чтобы построить такую модель, необходимо отталкиваться от *практической задачи и теоретических представлений* о внутреннем мире человека и законах его функционирования.

Практическая задача как основа построения малопараметрической модели индивидуальности. Для того чтобы разобраться в поставленной задаче, обратимся к практике составления прикладной психограммы при решении задач, возникающих в психологии труда. Для того чтобы составить такую психограмму, исследователь разлагает деятельность на действия и анализирует, от каких психических качеств может зависеть успешность выполнения конкретного действия. Для этого выясняется, какие психические функции вовлечены в выполнение конкретного действия и какие качества психических функций (наши способности) здесь оказываются важными. Именно такой психологический анализ деятельности и позволяет составить предварительную *психограмму действия*. Далее психолог подбирает методики диагностики, адекватные выделенным психическим свойствам. Желательно, чтобы эти методики учитывали свойства оперативности выделенных способностей. В качестве примера, который доступен пониманию всех, так как каждый учился в школе, мы можем привести психологический анализ педагогической деятельности, выполненный нами в целях построения профессионального стандарта педагогической деятельности (Профессиональный стандарт..., 2007). Хорошим примером такого анализа является работа Б.М. Теплова «Ум полководца».

Психограммы отдельных действий сводятся в *психограмму деятельности*, дополняются показателями мотивации деятельности и дают психограмму деятельности. Далее возможны различные методы статистической

обработки количественных измерений, сделанных на основе психограммы деятельности.

Подобного рода шаги мы должны сделать и для составления психограммы нормального человека. Здесь в качестве практического основания должно выступать *поведение* личности, и перед нами встает задача психологического анализа поведения.

Поведение имеет ту же структуру, что и деятельность, но в нем главную роль начинают играть социальные моменты. «Поведение человека не сводится к простой совокупности *реакций*, — писал С.Л. Рубинштейн, — оно включает систему более или менее сознательных *действий и поступков*... Действие — это сознательный акт деятельности, который направляется на объект. Реакция преобразуется в сознательное действие по мере того, как формируется предметное сознание. Действие далее становится *поступком* по мере того, как и отношение действия к действующему субъекту, к самому себе и к другим людям как субъектам, поднявшись в план сознания, т. е. превратившись в сознательное отношение, начинает регулировать действие. Поступок отличается от действия иным отношением к субъекту. Действие становится поступком по мере того, как формируется самосознание. Генезис поступка и самосознания — это сложный, обычно внутренне противоречивый, но единый процесс, также единым процессом является генезис действия как сознательной операции и генезис самого предметного сознания. Различные уровни и типы сознания означают вместе с тем и различные уровни или типы поведения (реак-

ция, сознательное действие, поступок). Ступени в развитии сознания означают изменения внутренней природы действия или актов поведения, а изменение внутренней природы есть вместе с тем и изменение психологических закономерностей их внешнего объективного протекания. Поэтому структура сознания принципиально может быть определена по внешнему, объективному протеканию действия» (Рубинштейн, 2002, с. 22–23).

При составлении психограммы здорового человека мы должны обращаться к следующим сферам внутреннего мира и организации поступка:

- мотивации;
- доминирующим *целям* поведения;
- доминирующим (характерным) *поступкам*;
- *когнитивной составляющей* (знаниям, процессам принятия решений, программированию и реализации действий и поступков);
- *способностям*, через которые реализуется поведение, психическим функциям: восприятию, памяти, мышлению;
- *волевой регуляции* (произвольности) поведения;
- *переживаниям*, сопровождающим поступки (что и как переживает субъект).

Выделенные сферы совпадают с основными компонентами внутреннего мира человека — тем, что составляет субстанцию, которую мы определили как душу человека (Шадриков, 2006).

Приведенный анализ идеологических, теоретических и методологических проблем показывает всю

сложность психологического описания нормального человека, но эта сложность не должна останавливать в практической деятельности по реализации обозначенной задачи. Толь-

ко в эмпирической работе по психологической характеристике конкретного человека мы можем достичь как теоретических, так и практических успехов.

Литература

- Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания Л.: ЛГУ, 1968.
- Аристотель.* Этика. М.: АСТ, 2002.
- Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2000.
- Нижегородцева Н.В.* Психологическая структура готовности детей к усвоению грамоты. Дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 1993.
- Печчели А.* Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980.
- Профессиональный стандарт педагогической деятельности // Вестник образования. 2007. №7.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002.
- Теплов Б.М.* Избранные труды. М.: Педагогика, 1985. В 2-х т. Том I.
- Филина С.В.* Способности зрительного восприятия (у детей 10–12 лет). Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ярославль, 1995.
- Шадриков В.Д.* Ментальное развитие человека. М.: Аспект Пресс, 2007.
- Шадриков В.Д.* Мир внутренней жизни человека. М.: Логос, 2006.
- Шадриков В.Д.* Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982; М.: Логос, 2007 (2-е издание).
- Шадриков В.Д.* Психология деятельности и способностей человека. М.: Логос, 1996.
- Шадриков В.Д.* Психология производственного обучения (системный подход). Ярославль: Верхнее-Волжское кн. изд., 1996.
- Шмелев А.Г.* Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2002.
- Штерн В.* Дифференциальная психология и ее методические основы. М.: Наука, 1998.
- Stern W.* Person und Sache. System der philosophischen Weltanschauung. Leipzig, 1906.

Специальная тема выпуска:
Менталитет и экономические успехи нации

Приглашенный редактор — Н.М. Лебедева

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В данной подборке статей поднимается чрезвычайно важная и недостаточно изученная проблема связи экономики, культуры и психологии, которая может быть выражена в ряде конкретных, практико-ориентированных вопросов:

– Почему одни страны более успешны экономически, люди в них дольше живут, являются более креативными и счастливыми, чем в других, менее экономически успешных?

– Что несет глобализация человечеству: сближение культур, нивелирование культурной уникальности, или культуры остаются неизменными, несмотря на усвоение технологий, стилей одежды, питания и повседневного поведения? Что меняется, а что остается неизменным?

– Есть ли зерно правды в поговорке: «Если ты такой умный, то почему такой бедный?»

– Почему мигранты из менее развитых стран становятся успешными в более развитых странах и достигают больших высот, чем у себя на родине?

– Нужны ли сдвиги в психологии и культуре и если да, то в каком направлении, чтобы экономика могла развиваться инновационным, т. е. опережающим, способом?

– Можно ли достичь процветания и счастья только одним культурным способом и что это за путь?

Разумеется, никто не может дать исчерпывающих ответов на эти вопросы, но особенность данного периода развития человечества в том и состоит, что он ставит такие вопросы перед современной наукой.

Первыми к этим вопросам вплотную обратились экономисты со свойственной им деловитостью и практичностью, они столкнулись с

тем, что известные законы экономического развития, открытые на Западе, не всегда подтверждаются в других, незападных странах и цивилизациях. Они пришли к выводу, что «культура имеет значение».

При этом неизбежно вставали вопросы о том, насколько универсальными являются культурные ценности и экономические законы, какова их специфика в иной географической, политической или этнической среде? Поддается ли эта культурная специфичность трансформации в ходе экономического и политического развития, под влиянием процессов глобализации? Эти и им подобные вопросы поднимались в ходе Международного гарвардского симпозиума «Культурные ценности и прогресс человечества», состоявшегося в апреле 1999 г. в Американской академии искусств и наук в Кембридже, США. Материалы этого симпозиума, на котором присутствовали ведущие экономисты, социологи, политологи и культурные антропологи мира, были опубликованы в книге «Culture matters» («Культура имеет значение»), переведенной на русский язык в 2002 г.

В нашей стране проблемы влияния базовых культурных ценностей на социально-экономическое развитие были инициированы в ходе конференций и семинаров в Государственном университете — Высшей школе экономики под руководством Е.Г. Ясина.

Многие выдающиеся экономисты прекрасно осознают ограниченность рационального мышления и поведения человека, понимая, что существует целый пласт неосознаваемых норм и правил поведения, регули-

руемых культурными ценностями, которые пропитывают экономические (и любые другие) отношения. Нобелевский лауреат по экономике Д. Норт отмечал, что люди, живущие в современном западном мире, считают, что жизнь и экономические процессы подчиняются писаным законам и правам собственности. Однако даже для самых развитых экономик формальные правила составляют небольшую (хотя и очень важную) часть той совокупности ограничений, которые формируют стоящие перед нами ситуации выбора, и наше поведение в огромной степени определяется неписаными кодексами, нормами и условностями.

Относительно влияния ценностей культуры на экономическое и политическое развитие наций по всему миру разгораются нешуточные споры. Несмотря на то, что многочисленными международными исследованиями ценностей эмпирически доказывается тесная связь между культурными ценностями и социально-экономическими индикаторами развития наций, ряд ученых активно возражают против такого «сравнительного» подхода, предпочитая ему так называемый «этнографический» взгляд.

По их мнению, абсолютно универсальных ценностей не бывает, но иногда культурные ценности, пересекая географические границы, порождают одни и те же последствия в совершенно непохожих ситуациях. В качестве примера приводятся ценности «трудоу этики — образования — отбора по способностям — трудолюбия», в равной мере утвердившиеся в Западной Европе,

Северной Америке, Австралии, Новой Зеландии и Восточной Азии».

При этом связь между культурными ценностями и экономическим развитием не является прямой и однонаправленной, а также не остается неизменной в разных странах в разные эпохи. Например, ценности личностного достижения и преуспевания встречаются во многих культурах, но при этом могут сочетаться с другими, непривычными для западного мира ценностями. Конфуцианство во все времена придавало колоссальное значение личному самосовершенствованию и воспитывало в детях ориентацию на достижения. Китайских детей учат тому, насколько это важно — добиться успеха. Но для чего? Стыдно не оправдать родительских ожиданий. Комбинация подчинения и стремления к достижениям предопределяла глубинную цель процесса социализации в традиционном Китае: потребность в свершениях следует реализовать, смиренно исполняя свою семейную роль и оставаясь зависимым человеком. Равновесие между тягой к достижениям и почтением к старшим тесно связано с механизмами доверия и динамикой личностных отношений, которые обеспечивают стабильность социальных связей. Об этом свидетельствует и высокий уровень социального капитала, которым отличается современный Китай и который благотворно влияет на развитие экономики и модернизацию общества.

При этом отметим, что такого рода сочетание ценностей индивидуального достижения и верности своей первичной группе является характерным для периода начальной

индустриализации, для России это сочетание было типичным в 1930-е годы, также отмеченные небывалым трудовым энтузиазмом. По-видимому, здесь мы встречаемся с универсальной логикой ценностных трансформаций коллективистских культур, поставивших своей целью экономический рост и развитие. Однако, на наш взгляд, такое сочетание таит в себе глубинное противоречие, которое неизбежно со временем выльется в ценностный конфликт правящих элит или разных поколений.

Тем не менее, объективно следует признать, что не только так называемые западноевропейские, прежде всего протестантские, ценности (индивидуализм, рациональность, достижительность) могут способствовать экономическому прогрессу, но и восточноазиатские, например конфуцианский динамизм (или долговременная перспектива), которые показали значимую корреляцию с экономическим ростом в странах Юго-Восточной Азии (Южная Корея, Гонконг, Тайвань и др.). А что такое «долговременная перспектива» как не способность отложить вознаграждение за сегодняшние труды на завтра, что это как не «терпение», так почитаемое в традиционных земледельческих культурах, в том числе и русской?

Однако различие здесь в том, что в первом случае мы имеем дело с механизмами индивидуального выбора, каким ценностям следовать, а во втором — с механизмами коллективной мобилизации на ту или иную общественную задачу, где мнение индивида в расчет не берется, а иногда такое независимое мнение

может представлять опасность не только для карьеры, но и для жизни его обладателя. В сфере экономики это может выражаться в том, что чем больше таких *несогласных*, тем меньше экономический эффект коллективной мобилизации, что нам и показала эпоха «развитого социализма».

В отличие от четко определяемых учеными так называемых «продуктивных» для социально-экономического развития ценностей, относительно «непродуктивных» культурных ценностей нет явного консенсуса. Скорее, здесь срабатывает эффект «от обратного»: чем меньше в культуре ценится рациональность, достижительность, индивидуализм, тем с большей вероятностью данная культура попадает в разряд менее успешных экономически стран.

Однако, по мнению М. Портера, «непроизводительные» экономические культуры являются следствием не столько из каких-то «врожденных» особенностей того или иного общества, сколько из неосведомленности или подчинения ложным теориям. Иногда насаждение ложных теорий имеет идеологическое происхождение, но порой их рассматривают в качестве удобного метода политического контроля. Например, нередко приходится слышать сетования на то, что трудовая этика в развивающихся странах оставляет желать лучшего. Но может ли быть иначе, когда усердный труд не вознаграждается? Если, несмотря на все ваши старания, продвинуться по службе невозможно? Трудовую этику нельзя рассматривать в отрыве от системы экономического стимулирования в целом. Точно так же и компании в «третьем мире» порой ведут

себя непоследовательно и не заглядывают слишком далеко вперед. Но на деле подобное поведение оказывается весьма рациональным в среде, где политика властей нестабильна и непредсказуема. Стремление сконцентрироваться на извлечении ренты, а не на развитии тоже обычно ассоциируется с особенностями политической системы. Таким образом, получается, что **приписываемые культуре национальные особенности часто имеют сугубо экономическое происхождение.**

Но и такой взгляд грешит упрощенчеством. В России в начальный период реформ среди экономистов было распространено довольно радикальное мнение, согласно которому институциональную структуру общества можно перестроить ускоренными темпами, если проявить политическую волю и подойти к решению этой задачи рационально, отобрав наиболее эффективные институциональные образцы. При этом культурные ценности русского народа во внимание не принимались. Сегодня мы видим, что попытка подобной революционной ломки институтов привела к противоречивым результатам.

В связи с этим встает вопрос о скорости культурных изменений. По мнению Р. Инглхарта и Ш. Шварца — авторов международных исследовательских проектов по изучению ценностей, различия между странами в культурных ценностях оказываются вполне стабильными: относительные позиции стран в этих ориентациях меняются очень медленно, несмотря на серьезные социальные, экономические и политические изменения, которые переживают многие страны на рубеже XX–XXI вв.

К сожалению, человеческая жизнь очень коротка, по сравнению с жизнью культур и цивилизаций, и мы имеем крайне ограниченный эмпирический плацдарм для того, чтобы пытаться сделать выводы и выстроить какие-то прогнозы. Но пытливейший человеческий ум не может этого не делать.

В данной подборке представлена некая, весьма ограниченная палитра взглядов, теоретических подходов и эмпирических исследований, сделанных на пересечении экономики, культуры и психологии.

В первой статье Е.Г. Ясина, профессора и научного руководителя Государственного университета — Высшей школы экономики, «Исследование культурных ценностей — общее дело социальных наук» формулируется проблема связи ценностей культур и социально-экономического развития наций как общая задача исследователей в сфере экономики, социологии и психологии, делается попытка представить оси измерения ценностей с опорой на существующие подходы Г. Хофстеда, Р. Инглхарта и Ш. Шварца. Важной ценностью, которая может способствовать созданию в России инновационной экономики, Е.Г. Ясин считает «открытость к изменениям».

Тему влияния ценностей культуры на жизнь человеческих обществ продолжает и углубляет статья всемирно известного ученого, автора теории и метода исследования культурных ценностей Шалом Шварца «Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий», в которой он представляет свои теории и метод, а также дает развернутое описание

ценностных различий ведущих регионов мира и приводит следствия этих различий для экономического и социального развития. Согласно Ш. Шварцу, «обществу необходимы разнообразные умения, знания, интересы, инновационность, чтобы успешно справляться с многочисленными задачами, новыми вызовами и скоростью изменений, сопутствующей развитию. В результате экономическое развитие стимулирует культурную **автономию** и **равноправие**, но приводит к ослаблению **принадлежности** и **иерархии**. В то же время культура в свою очередь влияет на экономическое развитие. Культуры, которые упорно воспроизводят **принадлежность** и **иерархию**, сдерживают индивидуальную инициативность и креативность, необходимую для экономического развития».

Эти выводы Ш. Шварца хорошо подтверждаются и результатами эмпирических исследований в России, представленными в статье Н.М. Лебедевой «Ценности культуры, экономические установки и отношение к инновациям в России». Согласно результатам исследования, проведенного по методологии Ш. Шварца, критериям экономического развития и психологического благополучия россиян удовлетворяют ценности **Интеллектуальной Автономии** и **Мастерства**, т. е. ценности независимости суждений и преобразовательной активности. Показательно, что оба эти критерия «выступают парой», что свидетельствует о том, что психологическое благополучие в современной России, по-видимому, невозможно без экономического развития. Любопытно, что с инновативными установками личности во всей

выборке позитивно связаны те же самые ценности, а негативно — ценности **Иерархии**. Эти результаты согласуются с данными зарубежных исследований, а именно: индивидуалистические тенденции в культуре способствуют инновациям, а «вертикальность» культуры — препятствует.

Завершает подборку статья известного британского профессора Р. Линна «Интеллект и экономическое развитие», в которой автор, базируясь на обширном сравнительном материале, утверждает, что от интеллекта зависит доход отдельных людей и благосостояние народов и что национальные различия в интеллекте являются главным фактором, отвечающим за процветание и бедность наций. Интеллект определяется как «общая когнитивная способность», проявляющаяся в умении рассуждать, решать вербальные, математические и пространственные задачи, быстро обучаться, запоминать и усваивать большое количество знаний. Любопытным и прокладывающим некий мост к предыдущим статьям в подборке является вывод о том, что, несмотря на больший размер мозга и более высокий уровень интеллекта восточных азиатов (японцев, китайцев и корейцев), они уступают в креативности европейцам. Почему это так? Сам автор объясня-

ет это «преимущество» европейцев ссылками на Ч. Мюррея, который считает, что открытая дискуссия, нацеленность на индивидуальную конкуренцию в сфере знаний и привела к большим творческим достижениям европейцев в сравнении с «востоками». Этот вывод находит свое подтверждение в исследованиях национальных различий в выраженности личностной черты «открытость опыту». Это удивительным образом пересекается с отмеченной Е.Г. Ясиным важной для развития экономики осью измерения культуры — «открытостью изменениям».

Таким образом, разные исследователи, пользуясь разными теориями и методами, приходят к одному и тому же выводу: для успешного социально-экономического развития наций необходимо то, что нужно и для полноценного развития и самореализации отдельного индивида — ценности интеллектуальной свободы, мастерства и открытости изменениям.

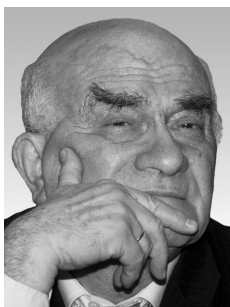
Конечно, многие идеи и выводы изложенных здесь работ могут показаться спорными и подвергнуться критике. Это и замечательно. Открытая дискуссия, как мы помним, — культурное преимущество европейцев, лежащее в основе их творческих достижений.

Читайте, думайте, спорьте.

Н.М. Лебедева

ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ — ОБЩЕЕ ДЕЛО СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Е.Г. ЯСИН

Ясин Евгений Григорьевич — научный руководитель ГУ ВШЭ, доктор экономических наук, профессор. В 1994–1998 гг. — министр экономики РФ. Член Совета директоров ОАО «Вимм-Билль-Данн Продукты Питания», Северсталь-Авто, ЗАО «Эхо Москвы», СГ «Альфа-Страхование». Президент НБФ «Экспертный институт», Президент фонда «Либеральная миссия». Член Европейской академии наук, доктор honoris causa Университета Бирмингема (Великобритания), почетный профессор Цзилиньского университета (КНР). Кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» 4 степени. Автор книг: «Теория информации и экономические исследования» (1970), «Экономическая информация» (1974), «Хозяйственные системы и радикальная реформа» (1989), «Трактат об административной реформе» (1990), «Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ: Курс лекций» (2002), «Нерыночный сектор. Структурные реформы и экономический рост» (2003), «Новая эпоха — старые тревоги: Политическая экономика» (2004, 2 т.), «Приживется ли демократия в России» (2005), «Политическая экономика и реформы ЖКХ» (2006).
Контакты: yassin@hse.ru

Резюме

В статье перед обществоведами ставится задача изучения роли культуры в развитии разных стран и цивилизаций и высказывается убеждение, что научные исследования в области влияния институтов, культуры, ценностей на развитие инновационной экономики могут способствовать лучшему обоснованию политики государства и созданию благоприятной атмосферы для реализации творческого потенциала россиян. Предлагается схематическая модель культуры, усвоенной индивидом на трех уровнях: 1) общественные мнения и настроения; 2) представления и установки; 3) ценности. На основе работ Г. Хофстеда, Р. Инглхарта и Ш. Шварца предлагаются 4 возможных оси измерения культур: индивидуализм — коллективизм; свобода (равноправие) — иерархия (порядок); открытость изменениям — консерватизм (традиционность); самореализация (достижительность) — гармония (равновесие).

Процесс глобализации заставляет по-новому взглянуть на многие давно наблюдаемые процессы. Сейчас прежнее представление о том, что глобализация выгодна Западу и как бы

им осуществляется, не выдерживает критики. Явно выигрывают страны, когда-то (до XVI в.) бывшие передовыми, затем отставшие и теперь показывающие способность усваивать

западные технологии и культуру в ходе так называемой «поздней» индустриализации (Китай, Индия). Они преодолевают отсталость, повышают уровень жизни населения и того и гляди догонят своих культурных доноров. В то же время другие страны демонстрируют существенно меньшую гибкость: они легко усваивают западные образцы потребления (элиты), но не передовые технологии и тем более не способность к созданию инноваций. Последние, видимо, требуют особой культурной среды, ибо представители разных цивилизаций, проведя много лет в американских университетах или компаниях, оказываются способны, как и коренные жители, к оригинальным открытиям и инновациям, но не у себя дома.

Возникают многочисленные вопросы о роли культуры, в широком смысле, в развитии разных стран и цивилизаций, в изменении структуры мировой экономики.

Естественно, в первую очередь эти вопросы мы задаем относительно нашей страны. В начале XX в. она избрала вариант преодоления отсталости, отличный от развития западных стран, хотя и основанный на идеологии, заимствованной на Западе. В конечном счете оказалось, что под воздействием отечественной культуры коммунистическая модель трансформировалась в нечто весьма близкое к восточной деспотии с добавлением риторики сверхкрупной монополии. Эксперимент оказался неудачным, хотя в определенный период он позволил стране играть роль мировой сверхдержавы. Но с августа 1991 г. ситуация в корне изменилась — новая демократическая

Россия оказалась перед необходимостью снова выбирать свой путь. Сейчас, по прошествии почти 20 лет, осуществив радикальные рыночные реформы, страна должна осознать реалии нового положения. Очевидно, что она не сможет конкурировать со странами «поздней индустриализации», обладающими колоссальными резервами дешевой рабочей силы и уже показавшими способность захватывать открытые рынки Запада. Россия обладает большими природными богатствами и сегодня именно за счет ренты от них восстанавливает свои экономические позиции. Но это ресурс, подверженный колебаниям мировой конъюнктуры и, кроме того, внушающий гражданам страны представление о возможности прилично жить, не особо напрягаясь. И еще комплекс неполноценности: мы не сможем, как другие.

Западные страны, а также Япония, создали инновационную экономику, в том смысле, что большая часть прироста валового внутреннего продукта является результатом инноваций, приводящих к росту производительности. И они довольно далеко от нас ушли. Сможем ли мы двигаться по этому пути и в итоге получить достойные результаты?

Одна из гипотез сводится к тому, что сможем, ибо Россия уже однажды продемонстрировала свои креативные способности, завоевав лидирующие позиции в атомной промышленности, в освоении космоса. Другая гипотеза: многое утрачено и восстановить позиции трудно, если вообще возможно; одних инвестиций недостаточно. Наконец, третья гипотеза: все возможно, но необходимы заметные изменения в культуре,

в системе ценностей, в институтах, которые создали бы в российском обществе не менее благоприятную для инноваций среду, чем в США и других странах Запада.

Какая гипотеза ближе к истине, мы узнаем со временем. Но людям свойственно желание понимать то, какими действиями, какой политикой они могут способствовать лучшему достижению желанного результата. Я убежден, что научные исследования в области влияния институтов, культуры, ценностей на развитие экономики и особенно инновационной экономики могут способствовать лучшему обоснованию политики нашего государства и созданию в обществе атмосферы, благоприятной для реализации творческих потенциалов наших сограждан.

Я полагаю, что в проведении такого рода исследований целесообразно объединение усилий разных научных дисциплин, в том числе направлений, представленных в Высшей школе экономики. Я имею в виду прежде всего экономистов, социологов и социальных психологов, а также специалистов по экономической антропологии, политологии, философии, культурологии, хотя мы все, изучая один предмет, говорим на разных языках и порой плохо понимаем друг друга. Поэтому, если мы считаем такие исследования полезными, следует общаться, искать основу для взаимопонимания и для того, чтобы выстроить достаточно практические планы и методы исследования.

Не питаю иллюзий относительно того, что в этой короткой статье я смогу сделать какой-то заметный вклад в решение этих задач. Но все

же некоторые заметки к возможному их решению постараюсь изложить.

В сущности, речь идет об изменчивости некоторых элементов национальной культуры в направлении повышения продуктивности системы ценностей и норм поведения. На этот счет идут споры и есть множество ревнителей традиций и самобытности, которые возражают против усвоения европейских ценностей, считая, что нам угрожает утрата национальной идентичности. Я думаю, что все равно взаимодействие культур идет и никакой здравомыслящий человек не станет возражать против того, что русская культура с XVII в. развивалась под возрастающим влиянием европейской, и это не только не привело к каким-то серьезным потерям для России, напротив, итогом был такой расцвет русской культуры в XIX и начале XX вв., что его можно уподобить «вспышке сверхновой», после чего она стала в ряд с величайшими культурами в истории человечества.

Другое дело, что изменения в институтах и культурных ценностях происходят очень медленно и надо понять механизм этих изменений, чтобы способствовать сдвигам в полезных направлениях, не вызывая слишком сильного противодействия.

Рискуя вызвать насмешки психологов над моей некомпетентностью, все же предложу некую схематическую модель культуры, усвоенной индивидом. Последний фиксирует в памяти некую сумму знаний, представлений, мифов, которые размещаются в его памяти и затем участвуют в восприятии (или невосприятии) поступающей извне информации. Они играют роль своего рода фильтров,

которые из потока информации выделяют нечто по критериям полезное — вредное, хорошее — плохое, обращая внимание на то, что, с одной стороны, может быть усвоено в силу наличия в памяти каких-то сходных элементов (пересечения сообщений с тезаурусом получателя), а с другой стороны, отбрасывая то, что уже известно или, наоборот, настолько неизвестно, что не поддается опознанию. Отбор информации влияет на поведение. Эти фильтры располагаются на нескольких уровнях. Я выделяю три: 1) общественные мнения и настроения; 2) представления и установки; 3) ценности. Первый поверхностный слой очень изменчив и вообще не относится к явлениям культуры. Представления и установки менее подвижны, но все же они заметно меняются, в том числе под влиянием образования, СМИ и т. п. Но все же в их работе уже проявляется автоматизм: воспринимающий индивид готов скорей без размышлений отбросить необычное, чем поразмышлять. Размышление есть уже элемент усвоения.

Ценности — наиболее глубокий и наименее изменчивый слой культуры, действующий с наибольшим автоматизмом, доступный только через представления и установки, которые сами по себе уже являются барьером для проникновения стимулов к изменениям ценностей.

В памяти сообщества индивидов на всех трех уровнях содержатся общие компоненты, либо идентичные, либо сходно интерпретируемые и поэтому в ответ на некие сигналы вызывающие подобные реакции со стороны большинства членов этого сообщества. Вместе второй и третий

уровень образуют культуру этого сообщества. Само наличие культуры делает это множество людей сообществом в смысле появления социальной жизни на почве единства культуры. Последняя предполагает установление взаимоотношений между членами сообщества, включая отношения равенства — неравенства, доминирования — подчинения и т. п.

Изменения в представлениях, установках, ценностях индивидов происходят вследствие получения сообщений извне (обычно серий сходных сообщений) от других членов сообщества или из-за его пределов (от других сообществ, природных явлений), включая сообщения об изменениях в технологии производства, повышающих производительность.

Изменения в представлениях и установках сообщества происходят тогда, когда полученные сообщения усваиваются большинством членов сообщества, преодолевается барьер распространения, причем изменения представлений и установок не в большинстве случаев блокируется фильтром ценностей. Сообщения не отбраковываются. Если изменятся представления, значит, система ценностей их не отвергает, считая их либо несущественными (до поры до времени), либо полезными (хорошими). Последнее означает, что как-то изменяется и она сама.

Для большинства людей устойчивые фильтры необходимы: они упрощают картину мира и тем самым облегчают восприятие информации и жизнь. Поток информации, подлежащий усвоению, сжимается. Одновременно поведение делается шаблонным, преобладают консервативные

настроения. Но в каждом сообществе находятся члены, которым от этого делается скучно, они хотят перемен, они ищут новую информацию. Они создают какие-то инновации, предлагая их сообществу. Если таких индивидов достаточно много, увеличение их доли каким-то образом поощряется, то сообщество оказывается более мобильным и инновационным. Но обычно инновации воспринимаются нелегко, они должны пробить шаблонные представления, адаптировать традиционные ценности. Их оружие — мода. Инновации, которыми пользуются авторитетные, господствующие, привлекательные члены сообщества, могут стать модными: другие люди явно или неявно предполагают, что, пользуясь инновацией, они обретут свойства этих выделяющихся членов общества. Инновации могут приходиться из иных обществ, сталкиваясь с дополнительными препятствиями со стороны ревнителей принятых обычаев, выдвигающих тогда более или менее резонные возражения против чужих новинок. Так или иначе, если инновации преодолевают барьер распространности, они меняют представления, установки и ценности, составляющие особые черты культуры данного сообщества. Совсем необязательно полное изменение культуры, которое можно было бы трактовать как потерю идентичности. Возможны частичные изменения ценностей, полезные для адаптации сообщества к меняющимся условиям и, напротив, позволяющие ему ответить на вызовы, развить культуру, сделаться более конкурентоспособным.

Эту схему можно описать более строго и полно. Но смысл ее в том,

что она или подобная ей иная модель помогает правильней поставить вопросы для исследования, понять связи между изучаемыми переменными. А цель таких исследований как раз в том, чтобы выяснить характер культуры данного общества, его свойства и особенности по сравнению с другими культурами, в том числе изменчивость, адаптивность, чувствительность к тем или иным инновациям. Моя мечта — разработать хорошо продуманный проект такого исследования и провести хотя бы его первые этапы, чтобы увидеть динамику культур, прежде всего нашей.

Как известно, уже реализуется несколько международных проектов по исследованию ценностей: Г. Хофстеда, Р. Инглхарта, Ш. Шварца и др. Указанные авторы разработали каждый свою модель универсальных ценностей, проявляющихся во всех культурах. Их комбинации и разные веса определяют особенности культур.

У Г. Хофстеда выделены следующие пары ценностей: 1) индивидуализм — коллективизм; 2) дистанция власти от высокой до низкой: дистанция власти как бы именуется осью ценностей; 3) избегание неопределенности — тоже ось с предельно высокими и низкими значениями на полюсах; 4) маскулинность — феминность: противостояние активности, доминирования материальных интересов и равновесия, духовности, осторожности (Inglehart, Welzel, 2005; Сусоколов, 2006).

Р. Инглхарт выделяет две оси: 1) традиционализм — секулярность и 2) самореализация — выживание.

Ш. Шварц определяет семь базовых универсальных ценностей:

1) принадлежность к группе, коллективу, сообществу — идентичность (embeddedness); 2) автономия аффективная (гедонизм); 3) автономия интеллектуальная; 4) иерархия; 5) равноправие; 6) гармония; 7) мастерство. Параллельно допускается увеличение значимости всех ценностей, но все же ценности принадлежности мягко противопоставляются автономии, равноправие — иерархии; мастерство (подразумевающее активность) — гармонии.

Назову еще один международный проект — Европейское социальное исследование (ESS — European Social Survey), основанное на методологии Ш. Шварца. Оно охватывает 25 стран Европы. Россия присоединилась к нему в 4-м раунде, проведенном в 2006–2007 гг. (Магун, Руднев, 2008, с. 33–58). В этом проекте 10 базовых типологических ценностей сгруппированы в 4 укрупненных категории и две ценностные оси: 1) сохранение — открытость изменениям; 2) самоутверждение — выход за пределы своего «Я» (см. рис. 1).

Во всех этих проектах базовым ценностям, поименованным авторами, поставлены в соответствие некие множества («облака») общеупотребительных понятий о ценностях, предпочтения респондентов к которым выясняются в опросах. Например, ценности «мастерство» в проекте Ш. Шварца соответствуют следующие понятия: удачливый, амбициозный, независимость, способный, влиятельный, общественное признание, выбор собственных целей, смелость. В ESS респондент предпочитает «самостоятельность» как ценность, если он выберет следующие из предложенных ему высказы-

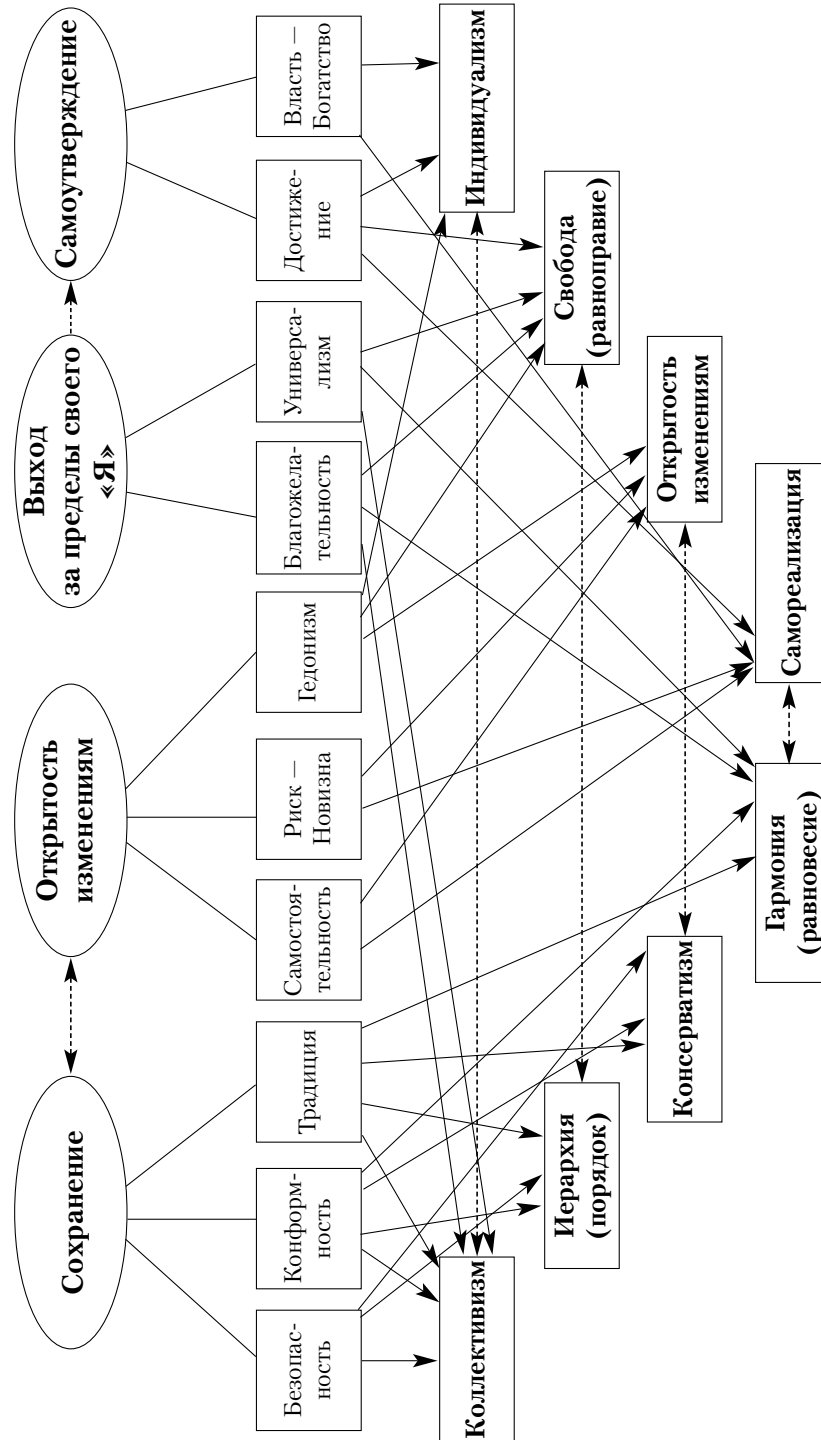
ваний: «Для него важно придумать новое и подходить ко всему творчески. Ему нравится делать все по-своему, своим оригинальным способом. Ему важно самому принимать решения о том, что и как делать. Ему нравится быть свободным и не зависеть от других» (Магун, Руднев, 2008, с. 42). Отсюда следует, что, располагая базами данных проведенных исследований и конструируя собственный проект, новый исследователь может предлагать свои базовые ценности, построенные на них оси (шкалы) и соответствующие им «облака», исходя из своего проекта.

Я предложил бы следующие 4 пары.

1. *Индивидуализм — коллективизм*. Индивидуализм предполагает высокую ценность достоинства личности и ее прав, а коллективизм отражает подчиненность в той или иной мере интересов личности общим интересам, потерю ее субъектности. Эта пара есть у Г. Хофстеда и неявно у Р. Инглхарта. Индивидуализму у Ш. Шварца соответствуют интеллектуальная и аффективная автономия плюс отчасти мастерство, а в ESS — самоутверждение.

2. *Свобода (равноправие) — иерархия (порядок)*. Здесь важно противопоставление ценностей по величине дистанции власти Хофстеда, плоской сетевой и иерархической социальных структур. Первая делает акцент на ценностях свободы и равноправия, вторая — на поддержании порядка и обеспечении безопасности на основе отношения господства — подчинения. Свобода и равноправие стоят здесь в одном ряду, чтобы подчеркнуть ответственность свободы и признание в качестве условия прав на свободу других. В иных

Рис. 1
Соотношение типологических ценностей ESS и предлагаемых базовых ценностей

отношениях свобода противопоставляется равноправию: последнее стоит в одном ряду с социальной справедливостью, тогда как свобода может вести к неравенству в материальном благосостоянии.

Иерархия есть у Ш. Шварца, она противостоит равноправию, а свобода встречается в «облаке» интеллектуальной автономии и, стало быть, индивидуализма.

3. *Открытость изменениям — консерватизм (традиционность)*. В этой паре подчеркивается различие в системах ценностей разных культур с точки зрения склонности к переменам, восприимчивости к новому против тяготения к стабильности, к традициям. По сути, она заимствована из ESS, только «сохранение» заменено консерватизмом, чтобы более четко обозначить, что имеется в виду. У Р. Инглхарта это традиционализм — секулярность, у Г. Хофстеда можно сопоставить эту ось с избеганием неопределенности.

4. *Самореализация (достижимость) — гармония (равновесие)*. Здесь подчеркивается противопоставление активности, стремления к успеху, с одной стороны, и признания совершенства мира, которое можно нарушить грубым вмешательством. Равновесие в китайской философии — цель деятельности, но не рост, не улучшение сущего. У Ш. Шварца это Мастерство — Гармония, у Г. Хофстеда нечто подобное выражает пара «маскулинность — феминность». Но это не тождественно противопоставлению открытости изменениям и консерватизма, ибо здесь акцент не на том, менять или не менять, а на ограничениях деятельности: добиваться успеха даже во-

преки интересам других или же ради добрых отношений с окружающими никого не задевать, со всеми договариваться. Соотношение этих пар ценностей с типологическими ценностями ESS показано на рис. 1.

Почему я заостряю противопоставление ценностей? Потому что тем самым хочу более четко акцентировать внимание на тех из них, значимость которых необходимо повысить, чтобы привести культуру в соответствие с требованиями времени, сделать экономику более конкурентоспособной и инновативной. На самом деле соотношения ценностей размыты, и в жизни они не только противоречат друг другу, но чаще всего представляют необходимые стороны баланса, имеющего оптимальное состояние равновесия. Но сейчас, возможно, нужно нахождение нового равновесия и, стало быть, нарушение баланса. Отсюда желание обострить противоречия, сделать грани более четкими.

Можно утверждать, что ценности индивидуализма, свободы/равноправия, открытости изменениям, самореализации особенно важны для конкурентной рыночной экономики, для инноваций, спрос на которые рождает конкуренция, для утверждения частной собственности, формирующей сильные мотивации у рыночных агентов. Более того, институты свободного рынка, конкуренции, спроса на инновации способствуют утверждению и повышению значимости этих ценностей. Поэтому они в большей степени характерны для европейской (включая Америку) цивилизации и во многом обеспечили ее культурную экспансию по всему миру.

Ей противостоит другой ряд ценностей, тоже важных, но в большей мере доминирующих в других культурах — восточных, а точнее, чтобы не было этнической или цивилизационной привязки, более традиционных, не приведших, в отличие от Европы, к порождению развитой рыночной экономики и капитализма. Представители этих культур хотят сохранить свою самобытность. Но в то же время им нужно меняться, чтобы адаптироваться к новым условиям и повысить конкурентоспособность в условиях глобализации.

Как мы отмечали, сами ценности различаются по степени укорененности, изменчивости, образуя сложную структуру. Они меняются, хотя и медленно, во взаимодействии со слоями представлений и установок, от которых поток информации, не отфильтрованный ранее, поступает на уровень ценностей последней «очистки». Если и на этом уровне сигналы будут признаны значимой информацией, то они либо вызовут реакцию противодействия, либо станут фактором изменения и ценностей, и представлений. Реакции отторжения изменений более часты, но какая-то доля сигналов все же воспринимается, прежде всего от изменений в экономике и технологиях. Эта доля выше в более гибких, адаптивных культурах и сообществах.

Вернемся теперь к задачам возможного исследования. Хотя человечество имеет, как утверждают специалисты, единый корень, люди, расселившись по Земле, в основном независимо создали разные цивилизации, каждая из которых формировала свою систему ценностей в зависимости от специфических условий

или стечения обстоятельств. Возникнув независимо, цивилизации взаимодействовали, обмениваясь полезными нововведениями и идеями. Логика развития вела к тому, что основные стадии развития повторялись: от собирательства и охоты к земледелию и скотоводству, от аграрного общества к индустриальному.

Аграрные цивилизации, господствовавшие большую часть истории человечества, формировали специфические культуры и политические системы, системы принуждения к труду на земле. Так, в Индии появилась кастовая система, в Китае — централизованная бюрократия (Дипак, 2007). В древней Греции орошаемое земледелие было невозможно, здесь перешли к растениеводству на естественно увлажняемых землях и с ростом населения оказались перед необходимостью широкого развития торговли с целью обмена своих продуктов (оливки, вино) на зерно. Орошаемое земледелие породило социальную иерархию и культуру господства—подчинения. Торговля обусловила низкую дистанцию власти, сетевые социальные структуры, частную собственность, города-государства и демократию. В античном мире, по словам Л.С. Васильева (Васильев, 2003 с. 14–17), произошла мутация в социальной организации, которая спустя много веков привела к капитализму и современному экономическому росту, основанному на инновациях. Появилась особая европейская цивилизация, в которой, как можно предположить, в системе ценностей сложились предпочтения в пользу индивидуализма в противовес коллективизму и традиционализму, в пользу свободы

и равноправия в противовес коллективизму и традиционализму, свободе и равноправию в противовес иерархии, открытости к изменениям в противовес гармонии и равновесию. В силу этого европейская культура, опираясь на институты конкурентного рынка, обрела особые качества динамизма и инновативности. Соответственно она начала распространяться вширь, вторгаясь на «канонические» территории других цивилизаций. Сначала это происходило в форме колониализма, затем пришла пора глобализации, когда экспансия осуществляется не государствами, а капиталами и транснациональными корпорациями. Заметим, что глобализация не есть продукт чьего-то корыстного умысла, это результат действия рыночных сил, которые, собственно, и понуждают агентов рыночной экономики постоянно проявлять активность, предприимчивость, агрессивность.

Поскольку европейцы поначалу сталкивались с другими цивилизациями, сохранявшими по преимуществу аграрный характер, с ценностями, смещенными в сторону коллективизма/традиционности, иерархии и гармонии/равновесия, столкновение культур стало неизбежным. В нем выигрывали те, кто оказывался более способен к гибкости и адаптивности, к восприятию элементов европейской культуры. Здесь имели место неожиданности. Япония первой смогла воспринять важные элементы из культуры конкурентов, в первую очередь технологии, и соединить их с собственными институтами. После Второй мировой войны появился феномен «Тойоты»: в этой корпорации в систему управления были имплантированы культурные

элементы японской деревенской общины, включая традиционные ценности. Советские люди, посещавшие «Тойоту» в 70-е годы, повторяя лозунги, бывшие тогда в ходу у нас на Родине, говорили: «образцовое коммунистическое предприятие». Это было верно. Правда, в других корпорациях порядки были другие. Но в целом в Японии эпохи «экономического чуда» царил корпоративный дух, как на «Тойоте». Он принес феноменальный успех: Япония достигла уровня технологической границы, т. е. предела современных технологических возможностей, и вместе с США стала эту границу отодвигать. Но далее что-то не сладилось. В 90-е годы Японию поразил кризис. Я думаю, это кризис возможностей традиционной культуры: она годилась, чтобы заимствовать новинки, даже придумывать кое-что свое. Но для крупных инновационных прорывов, пожалуй, не годилась.

Но японскую модель подхватили Южная Корея и другие «азиатские тигры», потом Китай, вовремя сменивший на нее обветшавшую советскую модель. И все эти страны ждал успех. Китай и сейчас пожинает плоды. По каким причинам? Это дешевая рабочая сила, открывающая путь «поздней индустриализации». Это заимствование западных технологий для поставок товаров на экспорт, на рынки западных же стран. И это традиционная «рисовая культура», воспитывающая тщательность исполнения заданий и высокую дисциплинированность, дистанцию власти и избегание неопределенности. Пока этого достаточно.

В Индии дело обстоит иначе, хотя и здесь осуществляется поздняя

индустриализация. Но японская модель здесь не работает — иная культура. Не буду здесь говорить о других странах, отошлю к своей недавней работе «Модернизация экономики и общество» (Российская идентичность в условиях трансформации, 2005). Но о России не могу не сказать.

Напомню три гипотезы, которые были охарактеризованы в начале статьи. В стране вокруг них идут напряженные споры. Официально в Концепции долгосрочного развития (КДР), подготовленной МЭРТом, за основу взята третья гипотеза — инновационный путь развития, который должны открыть институциональные реформы. Но сроки такие оптимистические, что скорее подходят к первой гипотезе, которая особых препятствий не видит. В то же время традиционалистские настроения и в элите, и в обществе весьма сильны. Они выражены либо в консервативных призывах избрать для России особый путь, соответствующий ее культурным ценностям, не предлагать нам усваивать общечеловеческие ценности, под видом которых преподносятся западные ценности, нам чуждые. Либо некоторые либералы вторят традиционалистам, занимая фаталистическую позицию: российский менталитет не изменить; мы ближе к восточным ценностям. Еще один тезис: демократии у нас не будет, потому что не было никогда. Его дополняет другой тезис: и нам она не нужна, русскому человеку нужен кнут, иначе его будет заносить в крайности. Последние два

тезиса очень многим кажутся верными, они вроде бы согласуются с нашим опытом, с многочисленными наблюдениями.

Мои суждения таковы. Действительно, обладая склонностью к открытиям и инновациям, россияне не имели опыта их массового коммерческого применения. Инновация — это коммерческий продукт, рентабельный только при определенном тираже. Но для этого нужны институциональные условия, не только экономические, но и социальные, политические, правовые, а стало быть, культурные. Культура же у нас довольно отсталая, если брать не отдельные образцы, а массовое поведение. Она сохраняет сильные пережитки аграрно-феодалного прошлого, закрепленные в годы советской власти, представлявшей собой некое новое издание феодализма в форме господства централизованной бюрократии.

Правда, что никогда не было демократии, институты которой как раз остро необходимы для инновационного развития, поскольку они защищают частную собственность, обеспечивают верховенство закона и независимость суда, свободу слова и ассоциаций как предпосылок экономической и политической конкуренции. А она как раз создает спрос на инновации. Да, этого не было. Но без этого страна не сможет решить свои национальные задачи, не сможет ответить на вызовы XXI в. Вопрос не в том, было или не было, а в том, можно ли добиться, чтобы было. И что для этого нужно делать.

Литература

- Васильев Л.С.* История Востока. М.: Высшая школа, 2003.
- Дипак Лал.* Непреднамеренные последствия. М.: ИРИСЭН, 2007.
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Ценности культуры и развитие общества. ГУ-ВШЭ, 2007.
- Магун В., Руднев М.* Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. № 1 (93).
- Российская идентичность в условиях трансформации. ИКСН РАН. М.: Наука, 2005.
- Сусоколов А.А.* Культура и обмен. Введение в экономическую антропологию // Русская панорама. М., 2006. С. 242–243.
- Хофстед Г.* Организационная культура. Управление человеческими ресурсами: СПб.: Питер, 2002.
- Ясин Е.Г.* Модернизация экономики и общество. ГУ-ВШЭ, 2007.
- Hofstede G.* Cultures consequences: international differences in world-related values. SAGE, 1980.
- Inglehart R., Welzel C.* Modernization, Cultural Change and Democracy. Cambridge University Press, 2005. P. 48–65.
- Schwartz S.H.* Cultural Value Orientations Nature and Implications of National Differences. Moscow: SU-HSE, 2008. P. 12–16.

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ: ПРИРОДА И СЛЕДСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Ш. ШВАРЦ

Шварц Шалом (Schwartz Shalom H.) — заслуженный профессор психологии Иерусалимского университета, бывший президент Международной ассоциации кросскультурной психологии. Автор книг и статей по социальной, кросскультурной, политической психологии, социологии, образованию, праву и экономике. За свои научные работы награжден наиболее престижной гражданской наградой государства Израиль.
Контакты: msshach@mscc.huji.ac.il

Резюме

В статье представлены теория и метод измерения культурных ценностных ориентаций, предложенные Ш. Шварцем. Анализируется природа культурных ценностей как базовых элементов культуры. На основе эмпирических исследований, выполненных в 84 странах мира под руководством автора, выделяются 8 различных культурных ареалов, строится карта расположения стран вдоль 7 базовых культурных ценностных ориентаций: Принадлежности, Интеллектуальной и Аффективной Автономии, Иерархии, Равноправия, Мастерства, Гармонии. Приводятся корреляции ценностей с уровнем социально-экономического развития, типами экономических и политических систем.

Что такое культурные ценностные ориентации?

Основные положения

Преобладающие ценностные установки в обществе могут составлять основную характеристику культуры (Hofstede, 1980; Inglehart, 1997; Schwartz, 1999; Weber, 1958; Williams, 1958). Эти ценностные установки выражают понятия о том, что хорошо

и желательно, т. е. о культурных идеалах. Обширный комплекс значений, убеждений, обычаев, символов, норм и ценностей, которые преобладают у людей в обществе, — это проявления лежащей в их основе культуры.

Я рассматриваю культуру как латентную, гипотетическую переменную, которую мы можем измерить только через ее проявления. Лежащие под ними нормативные ценностные предпочтения влияют на эти

проявления и сообщают им определенную степень согласованности. С этой точки зрения, культура не локализована в умах и действиях отдельных людей. Скорее, она вне индивида. Она связана с прессингом, которому подвержен индивид в силу того, что живет в определенной социальной системе.

В психологических терминах этот культурный прессинг имеет отношение к стимулам («праймам»), с которыми человек встречается более или менее часто в своей повседневной жизни и на которых осознанно или неосознанно фокусируется его внимание. Повседневные стимулы, встречающиеся в обществе, могут привлекать внимание, например, в большей степени к индивиду или к группе, к материальным или духовным проблемам. Этот культурный прессинг также может выражаться в языковых паттернах (например, использование местоимений, которые подчеркивают значимость Я в противоположность значимости Других — Kashima, Kashima, 1998). В социологических терминах этот прессинг связан с редко или часто встречающимися ожиданиями, которые предписываются ролям в социальных институтах. Требуют ли ожидания, с которыми мы сталкиваемся в школе, в большей степени запоминания или умения задавать вопросы? Поощряют ли ожидания, встречаемые нами в правоохранительной системе, поиск правды или выигрыш в судебном деле независимо от «правды»? Частота определенных стимулов, ожиданий и обычаев, рассматриваемых как сами собой разумеющиеся, в обществе выражает нормативные ценностные установки,

которые лежат в сердцевине культуры.

Этот взгляд на культуру противоречит взглядам, согласно которым культура является психологической переменной. С точки зрения последних, культура — это убеждения, ценности, способы поведения и/или стили мышления, распределенные характерным образом среди индивидов в обществе или иной культурной группе. Культура, как я ее понимаю, влияет на распределение индивидуальных убеждений, действий, целей и стилей мышления через прессинг и ожидания, с которыми сталкиваются люди. Культурная ценность скромности и повиновения, например, находит выражение в стимулах и ожиданиях, которые побуждают к широко распространенным конформности и стремлению держаться в тени. Я был поражен этой культурной установкой и ее выражением, когда путешествовал по деревням Таиланда и Лаоса.

Способ организации социальных институтов, их правила и повседневная практика эксплицитно или имплицитно сообщают ожидания, которые выражают лежащие в их основе ценностные установки культуры. Например, конкурирующие экономические системы, конфронтационные правовые системы, воспитание детей с ориентацией на достижения выражают ценностную установку культуры на успех и честолюбие. Это соответствует культурному стереотипу Америки — стереотипу, в котором содержится зерно истины, как мы увидим на эмпирических данных. Благодаря этим социальным институтам, люди, живущие в обществе, постоянно встречаются с праймами и ожиданиями, которые активизируют

лежащие в их основе культурные ценности.

Преобладающие культурные ценностные ориентации представляют собой идеалы. В качестве таковых они способствуют взаимосвязи между различными сторонами культуры. Те стороны культуры, которые несовместимы с ними, вероятнее всего, будут провоцировать напряжение, вызывать критику и испытывать давление, направленное на их изменение. Культуры, конечно, не являются полностью согласованными. Субгруппы внутри обществ исповедуют конфликтующие ценности. Доминирующая культурная ориентация меняется в ответ на изменение позиций власти между этими субгруппами. Но это изменение медленное (см. далее, а также: Hofstede, 2001; Schwartz, Bardi, Bianchi, 2000). Тем не менее, культурные ценностные ориентации действительно постепенно меняются. Адаптация обществ к эпидемиям, технологическому развитию, росту благосостояния, контакту с другими культурами, войнам и другим экзогенным факторам ведет к изменениям в ценностных установках культуры.

Семь культурных ценностных ориентаций

Все общества сталкиваются с определенными базовыми проблема-

ми регулирования человеческой деятельности (Kluckhohn, Strodtbeck, 1961). Культурные ценностные установки эволюционируют и изменяются с течением времени, по мере того как общества предлагают решения этих проблем¹. Я использую набор базовых социальных проблем, отобранных на основе их центральности для жизни обществ, чтобы вывести измерения, по которым можно сравнивать культуры. Культурные ценностные ориентации на полюсах измерений являются веберовскими идеальными типами; реальные культурные группы располагаются между этими полюсами. Я вывел эти ориентации из априорного теоретизирования о возможных социальных ответах на ключевые проблемы.

Первая проблема — это определение природы отношений и границ между личностью и группой. В какой степени люди автономны или принадлежат своей группе? Я обозначил полярные позиции на этом культурном измерении как **автономия** в противоположность **принадлежности**. В автономных культурах люди рассматриваются как независимые, имеющие границы существа. В людях в таких культурах поощряется возвращение и выражение собственных предпочтений, чувств, идей и способностей, а также поиск смысла своей собственной уникальности. Существует два типа автономии: **интеллектуальная**

¹ Вопрос о том, почему в каждом конкретном обществе возникают конкретные предпочтения мало исследован. Несомненно, роль играют история, экология, технология и всевозможные случайные факторы (см., напр.: Diamond, 1996; Schwartz, in press; Schwartz, Ros, 1995). Ниже я представлю несколько конкретных объяснений, когда буду обсуждать культурные профили стран, которые расходятся с профилями соседей, а также когда буду анализировать взаимные влияния культуры и социальной структуры.

автономия поощряет индивидов независимо развивать свои собственные идеи и направления интеллектуального развития. Примерами значимых ценностей в таких культурах являются широта взглядов, любознательность, творчество. **Аффективная автономия** поощряет индивидов к поиску собственного эмоционально-положительного опыта. Значимые ценности здесь — это удовольствие, интересная и разнообразная жизнь.

В культурах с акцентом на **принадлежность** люди рассматриваются как сущности, включенные в коллективы. Смысл жизни видится в основном в социальных отношениях, в идентификации с группой, разделении ее образа жизни и стремлении к общим целям. Культуры, где ценится принадлежность, делают акцент на сохранении статус-кво и препятствовании действиям, которые могут нарушить внутригрупповую солидарность или традиционный порядок. Важные ценности в таких культурах — это социальный порядок, уважение традиций, безопасность, подчинение и мудрость.

Вторая социальная проблема — это обеспечение ответственного поведения, сохраняющего социальное устройство. Это означает, что люди должны быть включены в продуктивную работу, необходимую для поддержания общества, а не деструктивно соперничать или бездействовать. Людям нужно внушить необходимость думать о благополучии других, координироваться с ними и таким образом справляться со своей неминуемой взаимозависимостью. На полюсе решения, названном **равноправием**, есть стремление убедить

людей признавать друг друга как морально равных, разделяющих общие человеческие интересы. Люди воспитываются так, чтобы усвоить обязательство сотрудничать и заботиться о благополучии других. Ожидается, что люди будут действовать в пользу других, и это будет их выбором. В ряду значимых ценностей в таких культурах — равенство, социальная справедливость, ответственность, помощь и честность.

Полярная альтернатива, обозначенная как **культурная иерархия**, основывается на иерархической системе предписанных ролей, для того чтобы обеспечить ответственное, продуктивное поведение. Неравное распределение власти, ролей и ресурсов не только определяется здесь как приемлемое, но и является желательным. Люди воспитываются так, чтобы воспринимать иерархическое распределение ролей как само собой разумеющееся, чтобы выполнять обязанности и правила, соответствующие их ролям, чтобы выказывать уважение вышестоящим и ожидать уважения от подчиненных. Ценности социальной власти, авторитета, повиновения и богатства очень важны в иерархических культурах.

Третья социальная проблема — это регуляция использования людьми человеческих и природных ресурсов. Культурный ответ на эту проблему, названный **гармония**, предполагает придание особого значения приспособлению к социальному и природному миру, желание ценить и принимать его, а не изменять, управлять или использовать. Важные ценности в культурах гармонии включают мирную жизнь, единство с природой, защиту окружающей

среды и принятие своей судьбы. **Мастерство** — это полярный ответ культуры на эту проблему. Здесь поощряется активное самоутверждение для овладения, управления природной и социальной средой и ее изменения с целью достижения групповых или личных целей. Такие ценности, как честолюбие, успех, самодостаточность и компетенция, особенно важны в культурах мастерства.

Итак, в изложенной теории описываются три биполярных измерения культуры, представляющие собой альтернативные решения каждой из трех проблем, которые встают перед всем обществами: **принадлежность** против **автономии**, **иерархия** против **равноправия** и **мастерство** против **гармонии** (см. рис. 1). Акцент

общества на одном полюсе какого-либо измерения культурной ориентации обычно сопровождается отсутствием акцента на противоположном полюсе, относительно которого есть тенденция конфликта. Так, американская и израильская культуры более склонны придавать значение мастерству и аффективной автономии и совсем не ценить гармонию. Культуры Ирана и Китая придают значение иерархии и принадлежности, но не равноправию и интеллектуальной автономии. Российская культура, по сравнению с большей частью культур мира, придает значение иерархии, но не противоположной ей ориентации на равноправие.

Ценностные культурные ориентации взаимосвязаны между собой,

Рис. 1

Культурные ценностные ориентации: теоретическая структура

что определяет их совместимость. Так как некоторые ориентации имеют общие положения, они порождают сходные ожидания. Например, равноправие и интеллектуальная автономия разделяют положение, что люди могут и должны брать на себя индивидуальную ответственность за свои действия и принимать решения, основываясь на своем личном понимании ситуаций. Высокие уровни равноправия и интеллектуальной автономии обычно сочетаются, как, например, в Западной Европе. Ценности принадлежности и иерархии разделяют положение, что роль человека в коллективе и обязательства по отношению к нему более важны, чем его индивидуальные идеи и стремления. По данным моих исследований, обе эти ценности высоки в культурах Юго-Восточной Азии.

Общие и противостоящие положения, свойственные культурным ценностям, порождают гармоничную круговую структуру отношений между ними. Структура отражает культурные ориентации, которые совместимы (оказываются смежными в круге) или несовместимы (отдалены друг от друга в круге). Как было отмечено, эта точка зрения на культурные измерения, согласно которой они формируют единую, неортогональную систему, отличает мой подход от других.

Измерение и проверка валидности культурных ценностных ориентаций

Кросскультурно-валидный опросник ценностей

Я операционализирую ценностные предпочтения индивидов с по-

мощью Опросника ценностей Шварца, который включает 56 или 57 пунктов-ценностей (SVS: Schwartz, 1992; Schwartz & Boehnke, 2004). Значение каждого из этих абстрактных пунктов (например, социальная справедливость, подчинение, творчество, социальный порядок, удовольствие, честолюбие) раскрывается в скобках. Респонденты указывают значимость каждого пункта как «ведущего принципа МОЕЙ жизни». Респонденты из культурных групп каждого населенного континента анонимно заполнили опросник на родном языке². Чтобы избежать смещения в сторону Запада, в SVS были включены пункты источников всего мира: опросников ценностей, философских и религиозных текстов и экспертных мнений ученых. Это было сделано для того, чтобы включить все мотивационно различные ценности, которые признаются в разных культурах, а не фиксировать те, которые характерны лишь для определенных культур. Появляется все больше свидетельств того, что в опроснике не была упущена ни одна значительная, связанная с особой мотивацией ценность (de Clercq, 2006; Schwartz, 2005a).

Чтобы использовать ценности в кросскультурных сравнениях, их значения должны быть в разумной степени сходны в разных культурах. Для каждой из 70 стран в отдельности было проведено многомерное шкалирование пунктов-ценностей, которое показало, что 46 из 57 пунктов

²Я признателен 110 коллегам за помощь в сборе данных. Все они перечислены в приложении.

имеют в достаточной степени эквивалентные значения (Schwartz, 2006; Fontaine, Poortinga, Delbeke, Schwartz, in press). Эти 46 пунктов составляют набор для оценки теории на уровне культур. Они были отобраны вследствие эквивалентности значений в разных культурах, но без всякой связи с теорией культурных ориентаций. Чтобы найти априорные маркеры для каждой из семи культурных ценностных ориентаций, я искал пункты, содержание которых выражало установку для каждой из ориентаций. Мне удалось найти от 3 до 8 пунктов, служащих маркерами для каждой ориентации.

Эмпирические свидетельства существования семи культурных ценностных ориентаций

Последняя оценка валидности семи культурных ценностных ориентаций и отношений между ними проводилась по данным, собранным в 1988–2005 гг. Среди участников было 88 выборок школьных учителей (k-12) из 64 культурных групп, 132 выборки студентов колледжей из 77 культурных групп и 16 репрезентативных региональных или национальных выборок из 13 стран. Большинство выборок представляли преобладающие группы населения страны. В нескольких гетерогенных странах были набраны отдельные выборки из крупных групп меньшинств. В излагающемся далее анализе используются данные 55 022 респондентов из 72 стран и 81 различной культурной группы.

Для каждой выборки мы посчитали средний ранг каждой ценности. Здесь мы рассматривали выборку

как единицу анализа. Далее мы скоррелировали средние значения ценностей в разных странах. Корреляции отражают степень, в которой ценности коварируют на уровне выборки (страны) или на культурном, но не на индивидуальном уровне. Эти корреляции статистически независимы от корреляций между индивидами внутри любой выборки. С помощью конфирматорного многофакторного шкалирования корреляций между средними проверялось, подтверждают ли данные существование семи культурных ориентаций и отношений между ними.

Двухмерная проекция на рис. 2 изображает паттерн интеркорреляций между усредненными по выборкам ценностями. Точки соответствуют пунктам опросника. Чем выше положительная корреляция между любой парой ценностей, тем ближе они располагаются в пространстве. Чем меньше корреляция, тем больше удалены друг от друга точки. Теоретическая модель подразумевается как окружность или квазисфера, на которой каждая ориентация близка к той (коррелирует положительно), с которой она совместима, и отдалена от той (коррелирует отрицательно), с которой она конфликтует (как на рис. 1). Подтверждение возможности выделения ориентаций зависит от того, удастся ли найти ограниченные в пространстве области, отражающие семь выделенных ценностей. Подтверждение предсказываемых теорией отношений между ориентациями зависит от того, удастся ли обнаружить, что ограниченные области, соответствующие ориентациям, формируют окружность, упорядоченную соответствующим теории образом.

Рис. 2

Культурный уровень анализа: результаты многомерного шкалирования
(233 выборки, 81 культурная группа)

Сравнение рис. 2 и рис. 1 показывает, что наблюдаемое содержание и структура культурных ценностных ориентаций полностью подтверждают теоретически предсказываемые содержание и структуру. Анализ позволяет ясно различить семь ориентаций: пункты, а priori выбранные для представления каждой ценностной ориентации, локализованы внутри отдельной клинообразной области пространства. Не менее важно, что семь областей, представляющих ориентации, формируют единую куль-

турную систему, постулированную в теории: они расположены вокруг центра окружности, следуют вокруг нее в предполагаемом порядке и формируют полюса трех широких культурных измерений. Заметим, что три культурных измерения не являются факторами. Измерения — это векторы в пространстве, которые соединяют противоположные ориентации³.

Балл для каждой культурной ценностной ориентации в стране — это средний рейтинг значимости ценностей, которые представляют эту

³ Анализ отношений между ценностями на индивидуальном уровне выявил иную структуру, а именно ту, которая соответствует 10 связанным с определенными мотивациями ценностям, характеризующим индивидуальные различия (Schwartz, 1992). Например, подчинение и социальная власть коррелируют положительно на культурном уровне анализа, потому что члены общества, организованного вокруг легитимности иерархии, должны принимать то, что они

ориентацию. Для контроля индивидуальных и групповых смещений в использовании шкалы ответов при подсчете баллов по ориентациям перед их подсчетом я калибровал ответы каждого респондента по его/ее среднему рейтингу по всем пунктам. Чтобы увеличить надежность основанных на SVS баллов в странах, я сложил средние для учителей и студентов в 52 странах, где оба эти типа выборок были доступны. В 21 стране были получены данные только по учителям или только по студентам. В этих странах я оценивал недостающие выборочные средние, используя регрессию.

Страна как культурное единство

Страны редко представляют собой гомогенные общества с общей для всех культурой. Заключение о национальной культуре зависят от того, какие группы населения подвергаются изучению. В моих исследованиях культурной ориентации в рамках SVS использовались выборки учителей и студентов, а не выборки, репрезентативные для нации в целом. Поэтому важно установить, что баллы, полученные на различных выборках, одинаково ранжируют страны.

Я оценивал устойчивость относительных показателей в странах по семи видам культурной ориентации путем сравнения трех типов под-

групп. Во-первых, сравнивал показатели младших и старших респондентов: в подгруппах учителей — моложе и старше 37 лет. Средняя корреляция между показателями в двух подгруппах составила 0.91: от 0.96 (принадлежность) до 0.78 (мастерство). Во-вторых, средняя корреляция для студентов-мужчин и студентов-женщин в 64 исследованных странах была от 0.90: от 0.96 (принадлежность и интеллектуальная автономия) до 0.82 (гармония). В-третьих, средняя корреляция между учителями и студентами в 53 странах составила 0.81: от 0.90 (равноправие) до 0.57 (мастерство).

В третьем случае корреляция была слабее, поскольку сравниваемые подгруппы различались как по возрасту, так и по профессии. Этот факт показывает, что при сравнении культурных ценностных ориентаций стран необходимо точно уравнивать характеристики выборок в разных странах. Аналогичные данные сообщает Р. Инглехарт касательно высокой корреляции между странами в отношении двух применяемых им показателей культуры при сравнении подгрупп, различающихся по уровню дохода, а также жителей городов или деревень (Inglehart, 2001). Можно считать, что данные подтверждают точку зрения, согласно которой страны обладают определенным культурным единством. Это

являются подчиненными одних людей и начальниками других. На индивидуальном уровне эти две ценности коррелируют негативно, так как одновременное стремление к подчинению и социальной власти является противоречивым для индивидов (Schwartz, 1999). Это подтверждает ту точку зрения, согласно которой культуры и индивиды — это различные единства, а нормативные культурные системы обществ и мотивационно-ценностные системы индивидов организованы по разным принципам.

не отрицает того, что существуют важные культурные различия между этническими группами и регионами внутри стран. В настоящее время я провожу исследования по изучению этих различия.

Скорость культурных изменений

Разговоры о глобализации и ее влиянии на культуру приводят теоретиков, исследователей и обычных людей к представлению, что культура быстро изменяется, а культурные группы становятся менее дифференцированными. Нет сомнения в том, что сближение между странами в стиле одежды, употребляемых населением продуктах, музыкальных вкусах действительно происходит.

Путешественники находят голубые джинсы, гамбургеры и рок-оркестры почти в каждой посещаемой ими стране. Можно ли, однако, считать, что эти изменения отражают также ориентации нормативных ценностей, которые лежат в основе функционирования социальных институтов, образующих культурный пресс, с которым люди считаются? Изучение отдельных случаев, а также эмпирический анализ динамики базовых ценностей дают нам представление о скорости изменений в культурных ценностях.

М. Кон и К. Шулер предположили, что переживание нацией рабства способствует распространению ценности конформности в обществе и препятствует развитию ценности автономии (Kohn, Schooler, 1983). Они предполагали, что эффект рабства будет очень слабо угасать в течение столетий. Чтобы проверить свою гипотезу, они изучали различия

в ценностях различных этнических групп в Америке. Они сравнивали группы людей, предки которых приехали из европейских стран, которые различались по тому, было ли в их стране рабство и как долго оно длилось. Как и предполагалось, этнические группы Америки, эмигрировавшие из страны, где никогда не было рабства, проявили наиболее выраженные ценности автономии. Чем позднее страна освобождалась от рабства (от 1600 до 1861), тем меньшие показатели автономии обнаруживались в этнической группе из этой страны, что подтверждает исходную гипотезу.

Ф. Могахадам и Д. Кристал проследили с давнего времени нормы, основанные на ценностях, которыми руководствуются властные отношения и обращение с женщинами в XX в. в Иране и Японии (Mogahadam, Crystal, 1997). Они нашли, что корни этих современных норм берут начало 1500 лет назад в Иране, а в Японии с начала эры Токагава, 400 лет назад. Р. Патнэм изучал прогресс демократии в отношении культурных корней, начиная с XII в. в различных частях Италии (Putnam, 1993). Эти три случая указывают на то, что культурные элементы могут действовать столетиями.

Эмпирически исследовалось, насколько различия ценностных ориентаций между разными странами меняются с течением времени. Р. Инглехарт и В. Бекер изучали динамику двух ценностных показателей, используя Международный мониторинг ценностей (World Values Survey), в течение в среднем девяти лет в 38 странах (Inglehart, Baker, 2000). Ими обнаружена на этом временном

промежутке корреляция на уровне 0.91 между «традиционными/секулярно-рациональными ценностями» и на уровне 0.94 между ценностью «выживания/самовыражения». К. Велцел, Р. Инглехарт и Х. Клингеман исследовали по Международному мониторингу ценностей изменения в «ценностях эмансипации» (ценностях собственного выбора человека) (Welzel, Inglehart, Klingemann, 2003). Корреляция между данными 1990 и 1995 гг. в 50 странах составила 0.95; между 1995 и 2000 гг. в 27 странах — 0.94.

В моей работе я изучал динамику ориентаций по семи показателям по 36 выборкам в 21 стране в течение около семи лет. Некоторые из этих стран пережили огромные социальные преобразования за 1988–1999 гг. В Китае, например, произошли поразительные изменения в экономике и политической практике, бурно выросла экономика. Гонконг перешел от британского к китайскому управлению. Венгрия и Польша избавились от коммунистического правления. Тем не менее, корреляция между измеряемыми показателями была устойчивой: принадлежность — 0.90, интеллектуальная автономия — 0.86, аффективная автономия — 0.83, иерархия — 0.85, равноправие — 0.90, гармония — 0.88, мастерство — 0.89. Эти показатели могут быть скорее занижены, поскольку многие выборки в двух исследованиях не очень хорошо соответствовали друг другу.

Таким образом, различия между странами в культурных ценностях оказываются вполне стабильными: *относительные* позиции стран в этих ориентациях меняются очень медленно. Р. Инглехарт свидетельствует

о постоянном возрастании постматериалистических ценностей в разные периоды наблюдения в большинстве стран, однако относительная позиция страны при этом сохраняется (Inglehart, 1997). Согласно моим данным, полученным на 36 выборках, единственное заметное изменение состояло в среднем возрастании (на 0.3 стандартных отклонения) в ценности гармонии. Различия между выборками по каждому из семи измерений были практически идентичными в обеих временных точках. Тем самым оказывается, что уровень ценностных различий в стране не только стабилен, но и не обнаруживается тенденции к сближению между странами. Следование другим странам в одежде, еде, музыке не означает подражания в большинстве других, более значимых сторонах культуры, прежде всего — ценностных ориентациях. В наших трудах и в исследованиях, проводимых в рамках Международного мониторинга ценностей, конечно, анализируются изменения на сравнительно небольших периодах. Мы должны дождаться накопления данных о более длительных периодах изменений, прежде чем приходиться к заключению о скорости этого процесса.

Карта мира, отражающая культурные различия

В данном разделе будут представлены данные о расположении в культурном пространстве 77 культурных групп, представленных выборками учителей и студентов. Чтобы решить эту задачу, я вначале стандартизировал все групповые показатели по семи ценностным ориентациям в

соответствии с их средними. Это дало каждой группе культурный профиль, отражающий относительную значимость семи ценностных ориентаций. Затем создавалась матрица культурных дистанций между всеми парами групп. Дистанция вычислялась как сумма абсолютных различий между парами групп по каждой из семи ценностных ориентаций.

Например, относительные показатели между Россией и Францией были следующими: гармония — 3.9/4.2; принадлежность — 3.8/3.2; иерархия — 2.7/ 2.2; мастерство — 4.0/3.7; аффективная автономия — 3.5/4.4; интеллектуальная автономия — 4.3/5.1; равноправие — 4.4/5.1. В данном случае дистанция между культурными профилями равна 4.1. В сравнении с этим культурные дистанции между Россией и Украиной (0.5) и между Россией и Польшей (0.6) намного меньше. Культурные дистанции между Россией и США (1.6) и между Россией и Китаем (1.6) можно назвать средними.

Затем я применил многомерное шкалирование, чтобы построить двумерное пространственное представление дистанций между всеми группами (см. рис. 3). Наконец, в пространстве многомерного шкалирования были построены векторы (оптимальные регрессионные линии), которые обозначали направление возрастания показателей для каждой из семи ориентаций (используя технику «совмещенных графиков» — Goldreich, Raveh, 1993). На рис. 3 виден полный вектор для ценности принадлежности, идущий с

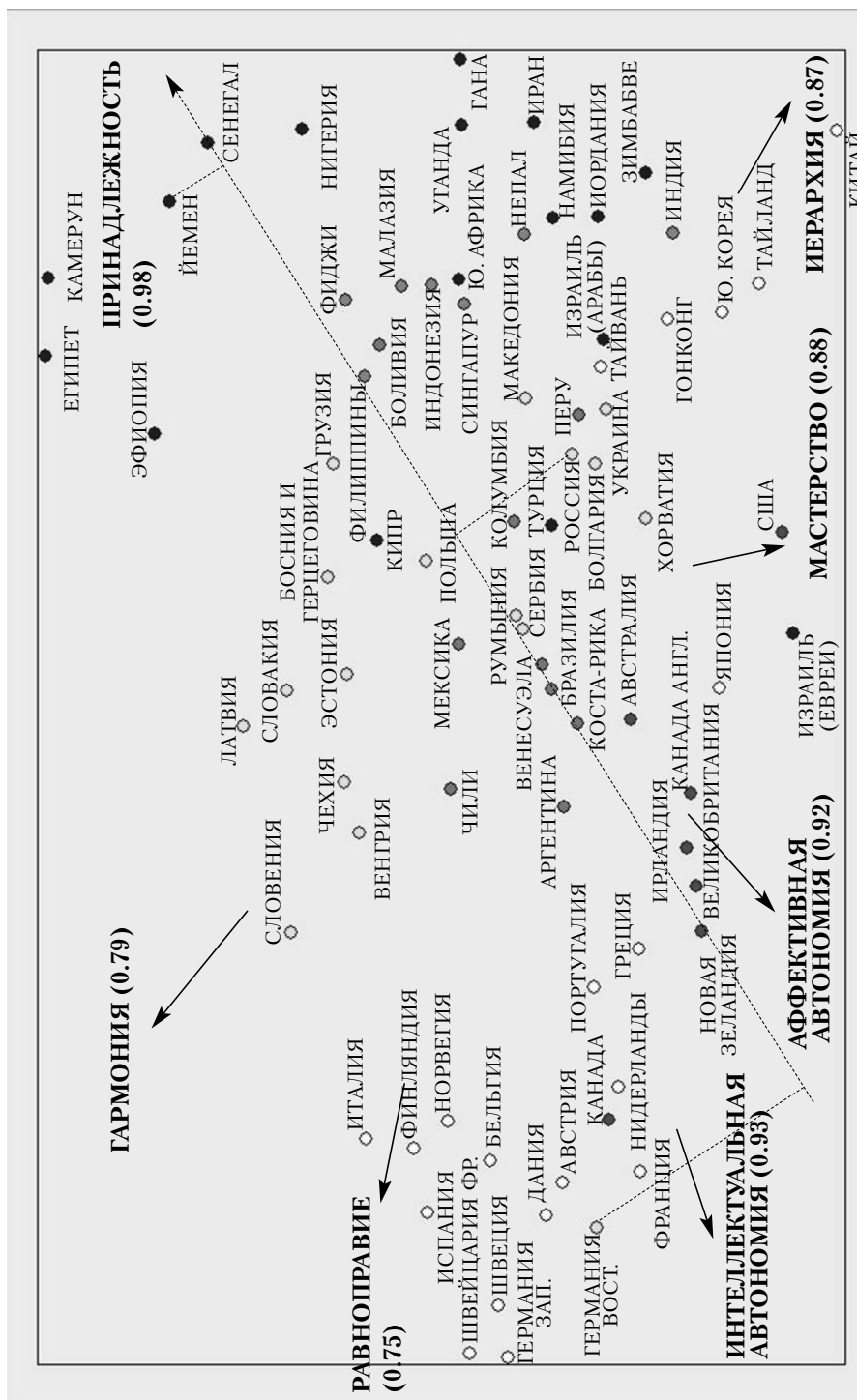
нижней левой до верхней правой границ. Проведя перпендикуляр из точки положения культурной группы к вектору **принадлежности**, можно видеть балл данной группы по **принадлежности** относительно остальных групп. Перпендикулярная линия на рис. 3 показывает, что Йемен отличается очень высокими показателями по **принадлежности**, Россия — относительно высокими, а Западная Германия — очень низкими. Продолжения этих векторов пройдут через центр рисунка, прямо над Румынией.

Корреляция между реальными балльными оценками культурных групп по ориентациям и их положение относительно векторов ориентаций представлены в скобках рядом с названиями ориентации. Значительная величина корреляций (от 0.75 до 0.98) свидетельствует о том, что положение большинства выборок соответствует действительности. Причина этого в том, что профиль большинства стран находится в соответствии с теоретической структурой культурных измерений. Культурные профили с сильной выраженностью одного полюса ценностной ориентации обычно обладают слабой выраженностью противоположного полюса ориентации и обнаруживают сходные уровни выраженности смежных ориентаций. Например, китайская культура по сравнению со всеми остальными очень ориентирована на **иерархию** и смежное с ней **мастерство**, но слабо ориентирована на противоположное ей **равноправие** и смежную с ним **гармонию**⁴.

⁴ Поразительное исключение представляет Япония. Девять выборок, полученных в Японии, показали необычное сочетание культурных элементов. В культуре присутствует сильно выраженная

Рис. 3

Совместное представление 77 национальных групп в пространстве 7 культурных ценностных ориентаций

Рассмотрим два примера (рис. 3) культурного профиля страны по всем семи культурным ориентациям. В культуре Швеции (вверху слева) выражены **гармония, интеллектуальная автономия, равноправие**, в умеренной степени — **аффективная автономия**. Культурный акцент на принадлежности низок, а на мастерстве и иерархии — очень низок. В противоположность этому в Зимбабве (справа внизу) **мастерство, принадлежность и иерархия** очень высоки, **аффективная автономия** в среднем положении, а **равноправие, интеллектуальная автономия и гармония** занимают самое низкое место.

Чтобы получить ясное представление о культурных вариациях в мире, я разделил пространственную карту 77 культурных групп, проведя границу вокруг сходных по интересующему нас признаку стран. Таким путем я выявил восемь транснациональных культурных групп. На рис. 4 представлены эти культурные регионы: Западная Европа, англо-говорящие регионы, Латинская Америка, Восточно-Центральная Европа и страны Балтии, православная Восточная Европа, Южная Азия, конфуцианские страны, Африка и Ближний Восток. Только восемь культур помещаются вне культурного региона,

Рис. 4

Карта культурных регионов мира

ориентация на **иерархию** и **гармонию**, но не на **принадлежность**, являющуюся смежной с ними; сильно выражена **интеллектуальная автономия**, но не смежное **равноправие**. Такие данные по Японии приводят к неправильному ее размещению на карте. Однако это неожиданное сочетание элементов не удивит исследователей японской культуры (Benedict, 1974; Matsumoto, 2002). Оно указывает на культуру, переживающую переходный период и развивавшуюся в условиях внутреннего напряжения.

частью которого они, казалось бы, могли быть. Три из них принадлежат культурно неоднородному Ближнему Востоку (Турция, Греческий Кипр, Израиль). Восемь культурных регионов почти полностью совпадают с культурными регионами, которые Р. Инглехарт и В. Бэйкер выделили на основании своего двумерного принципа (Inglehart, Baker 2000). Они также обнаруживают поразительные параллели с зонами, выделенными С. Хантингтоном на основе качественного анализа (Huntington, 1993).

На большинство регионов оказывает влияние географическое соседство. Поэтому культурное сходство внутри регионов, конечно, связано в известной степени с распространением ценностей, норм, практики, институтов через национальные границы (Naroll, 1973). Однако свою роль играют также общая история, язык, религия, уровень развития и другие факторы⁵. Чтобы проиллюстрировать восприимчивость культурных ориентаций к такого рода факторам, рассмотрим примеры культур, которые не располагаются в регионах, где их можно было бы ожидать.

– Культура французской Канады очевидным образом ближе западно-европейской, особенно французской, по сравнению с англоязычной канадской культурой, что отражает ее исторические и языковые корни.

– Культура Восточной Германии близка культуре Западной Германии,

имея с ней общий язык, историю и традиции, чего нельзя сказать о прилегающей части Восточной Европы.

– Турецкой культуре присущи **равноправие** и **автономия**, низок уровень **иерархии** и **принадлежности**, что не характерно для соседних ближневосточных стран. Возможно, это связано с турецкой секулярной демократией, долгой историей восточноевропейского влияния и современной борьбой за присоединение к Западу.

– Греко-киприотская культура имеет высокую **принадлежность** и низкую **автономию**. Это можно объяснить 1000-летней историей правления Византии и Османской империи, а также влиянием ее восточного христианства.

– Еврейско-израильская культура близка англоговорящей культуре и дистанцирована от окружающего Ближнего Востока с его арабской культурой. Израиль организован Европой и имеет сильные политические и экономические связи с США.

– В ряду латиноамериканских стран население Боливии и Перу наименьшим образом соприкасалось с европейской культурой и низко развито экономически. Этим можно объяснить, почему ее культуре присуща более высокая ценность **иерархии** и **принадлежности**, чем у ее соседей.

– Ситуация в Японии рассмотрена в примечании 4.

⁵ Ш. Шварц, а также Дж. Зигель и А. Лихт, обсуждают исторические источники национальных различий в отношении принадлежности и равноправия (Schwartz, in press; Siegel, Licht, Schwartz, 2007). Ш. Шварц и М. Рос, а также Ш. Шварц и А. Барди предложили первоначальное объяснение того, как возникли англоязычный, западноевропейский и восточноевропейский культурные профили (Schwartz, Ros, 1995; Schwartz, Bardi, 1997).

Рассмотрим теперь культурные ориентации, характеризующие каждый отдельный культурный регион. Я основываю эти характеристики на балльных оценках культурной ориентации, поскольку, как отмечено выше, расположение семи переменных в двумерном пространстве не может быть совершенным. Несмотря на это, расположение регионов на рис. 4 достаточно точно и высокоинформативно.

Западная Европа. В соответствии с ее положением слева на рис. 4 западноевропейская культура оказывается самой высокой по **равноправию, интеллектуальной автономии, гармонии** и самой низкой по **иерархии и принадлежности**. Этот профиль сохраняет свою силу при контроле валового национального дохода на душу населения (в 1985 г.). Хотя высокий экономический уровень Западной Европы может влиять на ее культуру, другие факторы оказываются критическими. Этот культурный профиль подходит для демократических регионов с серьезной заботой об окружающей среде (Este, Halman, Seuren, 1994).

Хотя западноевропейские страны имеют много общего между собой в культуре по сравнению с другими странами мира, однако внутри региона существуют значительные вариации. Греческая культура с ее относительно высоким **мастерством**, низкими **интеллектуальной автономией** и **равноправием** наименее типична для Запада. Культура Франции и французской Швейцарии имеет относительно высокую **иерархическую** ориентацию для Западной Европы и одновременно высокие **аффективную** и **интеллектуальную автоно-**

мию. Они определенно сохраняют в некоторой степени ориентацию на **иерархию**, вопреки их преданности **автономии**. Детальный анализ этого явления выходит за рамки статьи.

Англоязычные регионы. Культура англоязычного региона в сравнении с остальным миром характеризуется особенно высокими показателями **автономии** и **мастерства** и низкими **гармонии** и **принадлежности**. Америка отличается от других англоязычных стран выраженным акцентом на **мастерстве** и **иерархии** при меньшей выраженности **интеллектуальной автономии, гармонии** и **равноправия**. Этот профиль выявляет напористую, прагматическую, предпринимательскую и даже эксплуататорскую ориентацию по отношению к социальному и природному окружению. За исключением США, этот регион практически гомогенен.

Культурные различия «Запада». Широко распространен взгляд на западную культуру как индивидуалистическую. Однако более сложное представление о семи видах культурной ориентации открывает поразительные различия внутри Запада. Сравнивая 22 выборки из Западной Европы с шестью выборками из Соединенных Штатов, Ш. Шварц и М. Рос нашли большие и значимые различия по шести из семи культурных ориентаций (Schwartz, Ros, 1995). **Равноправие, интеллектуальная автономия, гармония** выше в Западной Европе; **мастерство, иерархия** и **принадлежность** выше в Соединенных Штатах. Применение термина «индивидуализм» для описания любой из этих культур искажает картину, открывающуюся при нашем анализе.

Культурная ориентация Западной Европы индивидуалистична в одном смысле: она акцентирует **интеллектуальную и аффективную автономию**, но снижает **иерархию и принадлежность** по сравнению с культурами других стран мира. Однако приоритеты Западной Европы противоречат пониманию индивидуализма в другом смысле: они акцентируют **равноправие и гармонию**, но не акцентируют **мастерство**. Это значит, что такая культура призывает к бескорыстной заботе о благе других людей, стремится к согласию с природным и социальным миром, а не к борьбе с ним за изменения путем насильственных действий. Это противоречит тому, как обычно понимается индивидуализм.

Культурные предпочтения в Соединенных Штатах имеют другой, но столь же комплексный паттерн: индивидуалистический аспект американских ценностных ориентаций подчеркивает **аффективную автономию и мастерство** за счет **гармонии**. Это может быть источником стереотипного взгляда на американскую культуру как поддерживающую эгоизм и самопродвижение. Но это не есть в подлинном смысле индивидуализм, поскольку **интеллектуальная автономия** относительно неважна. Более того, **иерархия, принадлежность, ориентация на коллективизм** выше, чем в Западной Европе. Это согласуется с акцентированием религиозных, консервативно-семейных ценностей и репрессиями по отношению к отклонениям, что отмечается исследователями аме-

риканской культуры (напр.: Bellah, Madsen, Sullivan, Swidler, Tipton, 1986; Etzioni, 1993).

Конфуцианство. Регион, находящийся под влиянием конфуцианства, также обнаруживает прагматическую, предпринимательскую ориентацию. Однако эта ориентация сочетается с очень выраженными **иерархией и мастерством** при отвержении по сравнению с другими регионами **равноправия и гармонии**. Этот регион ценит **принадлежность** больше, чем европейские и американская культуры. Этот культурный профиль созвучен многим сторонам конфуцианской культуры (Bond, 1996). Внутренние различия региона незначительны, за исключением Японии, где существенно выше **гармония и интеллектуальная автономия**, но ниже **принадлежность и иерархия**.

*Африка и Ближний Восток*⁶. Культурные группы Тропической и Северной Африки, и мусульманского Ближнего Востока образуют большой ареал, который трудно разделить на выраженные регионы. Эти культуры отличаются высокой значимостью **принадлежности** при низкой **аффективной и интеллектуальной автономии**. Соответственно они находят смысл жизни в социальных взаимодействиях с членами своей группы, защищая при этом групповую солидарность и традиционный порядок в большей степени, чем культивируя индивидуальность. Сказанное хорошо соответствует выводам исследований стран Ближнего Востока (Lewis, 2003) и Тропической

⁶ Я исключаю Кипр, израильских иудеев и Турцию, обсуждавшихся выше.

Африки (Гуекуе, 1997). Внутри этого региона есть различия во всем, за исключением **принадлежности, равноправия и интеллектуальной автономии**.

Южная Азия. Культура Южной Азии отличается особо выраженными **иерархией и принадлежностью** при слабых **автономии и равноправии**. Акцент делается на выполнение обязанностей внутри иерархической системы — послушание в отношении тех, кто имеет более высокий статус или авторитет, и ожидание приниженности и покорности от нижестоящих. Как и в Африке, социальные отношения внутри своей группы воспринимаются как придающие жизни смысл в большей степени, чем собственные стремления. За исключением Индии, где высока ценность **мастерства**, все группы здесь весьма однородны в культурном отношении. Разнообразие господствующих религий (индуизм, католицизм, ислам, буддизм, протестантизм) в этом регионе не приводит к разнородности в базовых ценностях.

Восточно-Центральная Европа, страны Балтии в сравнении с Восточной Европой и Балканами. Оба эти региона отличаются меньшими **принадлежностью и иерархией**, чем Африка, Ближний Восток и Южная Азия, но большими, чем Западная Европа. Культура Восточно-Центральной Европы и стран Балтии (по нашим данным, Хорватия, Чехия, Эстония, Латвия, Венгрия, Польша, Румыния, Словения, Словакия) об-

ладают несколько более высокими гармонией и интеллектуальной автономией и менее выраженной иерархией, чем балканская и более восточные культуры (по нашим данным, Босния-Герцеговина, Болгария, Грузия, Македония, Россия, Сербия, Украина)⁷.

Балтийские и государства Центральной Европы имеют более сильные исторические и торговые связи с Западом, были в меньшей степени затронуты тоталитарным коммунистическим правлением и раньше от него освободились. Эти факторы позволяют объяснить, почему их культурный профиль ближе к Западной Европе. Страны же восточно-европейского и балканского культурного региона имели более слабые связи с Западом, исторические контакты с Оттоманской империей, в большей степени испытали влияние коммунизма и практикуют более консервативную и ингрупповую направленность, исповедуют православную религию (Zemov, 1961, 1971). Эти факторы помогают объяснить относительно слабую выраженность у них **равноправия и интеллектуальной автономии** и сильную — **иерархии**.

Латинская Америка. Латиноамериканская культура близка к средним мировым значениям по всем семи ценностным ориентациям. Более того, за исключением Боливии и Перу, где население было подвержено влиянию европейской культуры, этот регион является особенно однородным в культурном отношении.

⁷ Грузия и Босния-Герцеговина представляют собой исключения, заслуживающие дополнительных исследований.

Некоторые исследователи описывают латиноамериканскую культуру как коллективистскую (Hofstede, 2001; Triandis, 1995). В сравнении с Западной Европой это действительно похоже на истину. Латинская Америка отличается более высокими **иерархией** и **принадлежностью**, которые рассматриваются как основные компоненты коллективизма, и менее выраженной **автономией** — главным компонентом индивидуализма. Однако противоположное соотношение наблюдается, когда Латинская Америка сравнивается с Африкой, Ближним Востоком и Южной Азией. Этот пример подчеркивает важность эталона для сравнения. Культура той или иной группы предстает в сравнении с общемировыми показателями иначе, чем при более узком сравнении.

Взаимное влияние ценностных ориентаций и социальной структуры

Культура и социальные структуры очевидным образом влияют друг на друга. Культурные ориентации стоят за структурным устройством общества и предоставляют лидерам, формирующим социальные институты, как цели их деятельности, так и аргументы для обоснования этой деятельности. В то же время функционирование социальных институтов оказывает обратное влияние на культуру. Успех какого-либо социального института подкрепляет культурные ценности, согласующие-

ся с его способом деятельности. Провал же социального института приводит к потере легитимности связанных с ним ценностей и оправдывает выдвижение альтернативных.

Рассмотрим три примера.

1. Если капиталистическая рыночная система, которая реализует скорее ценность **мастерства**, чем **гармонии** или **равноправия**, успешно справляется с производством и справедливым распределением благ, то ценность **мастерства** укрепляется, а ценности **гармонии** и **равноправия** ослабевают⁸. Если такая рыночная система терпит крах, маятник культуры может качнуться в противоположную сторону.

2. Образовательные системы разных стран существенно различаются в плане того, насколько их идеология и практика основаны на ценностях **иерархии** и **принадлежности** или же **равноправия** и **автономии**. Если школам удастся решать важные задачи общества, те ценности, которые стоят за их образовательным подходом, будут усиливаться, в то время как противоположные им — ослабевать.

3. Практика воспитания детей существенно различается в разных странах и может отражать различные ценностные ориентации. Культурные ориентации, стоящие за воспитательной практикой в стране (будь то авторитарная, иерархически ориентированная или же детоцентричная, ориентированная на **автономию** и **равноправие** практика), будут подкрепляться в той мере, в какой семьям

⁸ Это, вероятно, и происходит сейчас во многих бывших коммунистических странах и в Израиле.

удается воспитывать отпрысков в соответствии с социальными потребностями общества и требованиями закона.

Ниже будут обсуждены четыре типа социальных структурных переменных, которые связаны с культурой двусторонними причинными связями: социально-экономический уровень, демократия и коррупция в политической системе, тип экономической системы, размер семьи. Господствующие ценностные ориентации влияют на эти аспекты социальной структуры и испытывают, в свою очередь, обратное влияние.

Социально-экономический уровень

Экономическое развитие несет людям финансовые и иные ресурсы. Это уменьшает зависимость людей от семейных кланов и групп. Для отдельных людей это означает как возможность, так и средства выбирать, позволяя им добиваться автономии и принимать на себя ответственность. Для общества в целом экономическое развитие делает желательным развитие индивидуальной уникальности и личной ответственности. Обществу необходимы разнообразные умения, знания, интересы, инновационность, чтобы успешно справляться с многочисленными задачами, новыми вызовами и скоростью изменений, сопутствующей развитию. В результате экономическое развитие стимулирует культурную **автономию** и **равноправие**, но приводит к ослаблению **принадлежности** и **иерархии**. В свою очередь, культура влияет на экономическое развитие. Культуры, которые упорно воспроизводят **принадлежность** и

иерархию, сдерживают индивидуальную инициативность и креативность, необходимую для экономического развития. Многие теоретики объясняют взаимное влияние культуры и развития сходным образом (Hofstede, 2001; Inglehart, 1997; Triandis, 1995; Welzel, Inglehart, Klingemann, 2003).

В первых трех строках табл. 1 представлены корреляции измерений культуры с социально-экономическим уровнем. Культурные **автономия** и **равноправие** положительно и сильно коррелируют со средним доходом на душу населения за 10 лет до измерения ценностей, в момент этого измерения и 9 лет спустя. Соответственно культурные **принадлежность** и **иерархия** сильно и отрицательно коррелируют с этими показателями благосостояния. **Гармония/мастерство** слабо связаны с развитием. Многие другие индикаторы развития (например, уровень образования, продолжительность жизни, потребление энергии, телефонизация, грамотность) показывают подобные связи с культурными ориентациями.

Ранее я сообщал о проведенном путевом анализе, где изучалось возможное причинное влияние ценностных ориентаций культуры на социально-экономическое развитие (Schwartz, 2007a). Я использовал индекс развития в 73 странах в 1993 г., чтобы предсказать ценностные ориентации и уровень демократизации. Индекс 1993 г. значимо предсказывал уровень развития в 2004 г. ($\beta = 0.73$), а также показатели **автономии/принадлежности** ($\beta = 0.78$), **равноправия/иерархии** ($\beta = 0.59$) по данным исследования 1995 г. и уровень демократизации ($\beta = 0.69$).

Табл. 1

Корреляции измерений культурных ценностных ориентаций с социально-экономическим развитием, демократизацией и размером семьи при контроле валового национального продукта на душу населения (ВНП) в 1985 г.

	N	Автономия минус принадлежность	Равноправие минус иерархия	Гармония минус мастерство
<i>Социо-экономическое развитие</i>				
1985 ВНП	75	0.59**	0.41**	0.26*
1995 ВНП	75	0.74**	0.47**	0.20
2004 ВНД	75	0.76**	0.53**	0.021
<i>Демократизация</i>				
1985	75	0.55** (0.40**)	0.43** (0.30*)	-0.02 (-0.14)
1995	75	0.73** (0.65**)	0.49** (0.37**)	0.29* (-0.20)
2002	75	0.72** (0.66**)	0.54** (0.45**)	0.33** (0.25*)
<i>Уровень коррупции</i>	75	-0.74** (-0.61**)	-0.51** (-0.37**)	-0.21** (-0.08)
<i>Соревновательный тип капитализма</i>	20	-0.55** [^] (-0.55*)	-0.52* (-0.57*)	-0.79** (-0.79**)
<i>Размер семьи</i>				
1985 Средний размер семьи	75	-0.72** (-0.60**)	-0.60** (-0.49**)	-0.38** (-0.31**)
2001 Средний размер хозяйства	75	-0.76** (-0.66**)	-0.41** (-0.24*)	-0.35** (-0.24*)

** $p < 0.01$, * $p < 0.05$, 2-сторонний критерий.

[^] Корреляция с интеллектуальной автономией минус принадлежность. См. текст для объяснения.

Корреляции в скобках — при контроле ВНП, 1985.

ВНП — валовый национальный продукт на душу населения, ВНД — Валовой национальный доход на душу населения, по: the World Bank; Средний размер хозяйства/семьи, по: Encyclopaedia Britannica Almanac; Уровень коррупции, по Kaufmann D., Kraay A. & Mastruzzi M. (2006).

Важный результат состоял в том, что **автономия/принадлежность** предсказывали изменения в развитии между 1993 и 2004 г. ($\beta = 0.20$, $p < 0.05$). Таким образом, это измерение культурных ценностей в свою очередь оказывает влияние на социально-экономическое развитие. Относительную силу взаимного влияния оценить невозможно, поскольку

в нашем распоряжении нет более ранних показателей культурных ценностей.

Политическая система

Политическая система — это другой аспект социальной структуры, который находится в отношениях взаимовлияния с культурой.

Строки 4, 5 и 6 в табл. 2 показывают связи культурных ориентаций с предшествующими, одновременными и последующими индексами демократизации в 75 странах (Freedom House, различные годы). Индекс демократизации относится как к гражданским свободам, так и к политическим правам. Демократизация сильно зависит от социально-экономического развития (Welzel, Inglehart, Klingemann, 2003). В скобках показаны корреляции культуры и демократизации при контроле национального благосостояния.

Автономия и демократия связаны между собой независимо от национального богатства. И наоборот, **принадлежность** противостоит демократии. Чем более желательно и допустимо для индивида в данной культуре следовать своим собственным идеям и чувствам и выражать их, тем выше уровень демократии в стране. Чем в большей степени культура требует от индивида жить согласно традициям группы и сохранять эти традиции, тем ниже уровень демократии. **Равноправие** тоже положительно (а **иерархия** — отрицательно) коррелирует с демократией, независимо от национального богатства. Культура, стимулирующая людей обращаться с другими как с равными и добровольно участвовать в поддержании общественного устройства, ведет к демократии и поддерживает ее. Культура, которая требует от людей беспрекословного исполнения ролей в иерархической структуре, противостоит демократии. Ясной связи **гармонии/мастерства** с демократией не установлено.

Ранее автор провел путевой анализ, чтобы изучить возможные вза-

имные причинные влияния между культурными ориентациями и уровнем демократии (Schwartz, 2007a). Анализ показал, что предшествующий уровень демократии (1985 г.) не оказал влияния на культурные ориентации (1995 г.) при контроле социально-экономического развития. Чтобы выяснить, влияет ли культура на *изменение* уровня демократичности, индексы демократичности, социально-экономическое развитие и культурные ориентации 1995 г. были использованы как предикторы демократичности в 2002 г. Как **автономия/принадлежность** ($\beta = 0.18, p < 0.05$), так и **равноправие/иерархия** ($\beta = 0.16, p < 0.05$) независимо предсказали изменения в демократичности. Предшествующее развитие оказало влияние на эти ценности, а они, в свою очередь, в полной мере опосредовали влияние развития на демократию. Проведенный путевой анализ приводит к представлениям о причинной направленности от культуры к уровню демократичности, но не наоборот, что заслуживает дополнительных исследований.

Еще один важный аспект политической системы — масштабы взяточничества и коррупции в стране. Я использовал индекс из базы данных Всемирного банка (Kaufmann, Kraay, Mastruzzi, 2006), который оценивает коррумпированность чиновников и частоту «доплат», чтобы «дело было сделано». Строка 7 табл. 1 показывает корреляцию культурных ориентаций с индексом 2004 г. Коррупция сильно и отрицательно связана с социально-экономическим развитием ($r = -0.54$) в 75 проанализированных странах. Поэтому в скобках показаны корреляции культуры

и коррупции при контроле национального богатства. Корреляции показывают, что распространение взяточничества и коррупции связано с культурными **принадлежностью** и **иерархией**. Коррупция меньше в культурах, которым свойственны **автономия** и **равноправие**. Корреляции ослабевают при контроле национального дохода, но все равно остаются значимыми.

Среди десяти наиболее коррумпированных стран в этом индексе присутствуют четыре восточноевропейские: Украина, Грузия, Россия и Болгария. Все четыре ниже общемирового среднего уровня по шкалам **автономия** (минус **принадлежность**) и **равноправие** (минус **иерархия**). Корреляции показывают, что чем больше культура делает акцент на идентификацию с собственной группой и выполнение обязанностей в иерархизированном социальном порядке, тем больше в стране коррупции. **Принадлежность** и **иерархия** заставляют предпочитать свой клан или начальника в ущерб рациональному управленческому образу мысли. Во многих наиболее коррумпированных странах внешние силы наложили государственные ограничения на разнообразные и конфликтующие этнические группы (так, например, поступили французы в Африке). В этих странах потребность в сохранении внутригруппового единства усилила культурную **принадлежность** и еще больше ослабила лояльность государству и его правовой системе. Это, вероятно, основной путь влияния этих культурных ориентаций на коррупцию.

Свидетельствует ли корреляция о причинном влиянии культуры на коррупцию? Путевой анализ свидетельствует в пользу того, что культурная **автономия** (минус **принадлежность**) приводит к уменьшению коррупции. В этом анализе я исследовал, как национальный доход в 1985 г. и культурные шкалы, по данным исследования 1995 г., влияли на изменения индекса коррупции с 1996 по 2004 гг. **Автономия–принадлежность** значимо предсказывали изменение коррупции ($\beta = 0.23$, $p < 0.001$). Благосостояние страны в 1985 г. влияло на коррупцию в 2004 г. лишь опосредованно — через коррупцию в 1996 г. и **автономию–принадлежность**. Ввиду отсутствия более ранних данных по коррупции, нельзя было установить, влияет ли коррупция на культуру.

Тип экономической системы⁹

Разнообразные теории капитализма выстраивают экономическое устройство различных стран по оси от «либеральных» до «управляемых» рыночных систем (Hall, Soskice, 2001). Рыночное соревнование — главный способ регулирования в более либеральных экономиках. В идеологии подобных экономических систем заложена предпосылка: общество достигает наилучшего качества и количества услуг и товаров, когда все люди соревнуются, преследуя свои интересы на свободном рынке. В более координируемых экономических системах стратегическое взаимодействие между фирмами играет центральную роль. Наилучший результат

⁹ Более детальное обсуждение см.: Schwartz, 2007b.

достигается, когда различные хозяйствующие субъекты совместно работают над достижением своих целей. Они устанавливают взаимное доверие и обязательства через обмен информацией, переговоры, контроль и санкции.

П. Холл и Д. Гингрич разработали индекс, который устанавливает места различных стран на континууме типов рыночных систем (Hall, Gingerich, 2004). Соединенные Штаты превосходят всех в плане конкурентности экономики, другие англоязычные страны также имеют высокие показатели. Экономические системы Австрии и Германии в наибольшей степени основываются на сотрудничестве. Показатели по этому индексу не коррелируют с богатством страны. Таким образом, отношения этих показателей к культуре не опосредованы возможными влияниями различий в национальных доходах.

Преследование собственных интересов, увеличение выгоды и экономический рост находятся в центре идеологии и повседневной практики соревновательных экономик (Kasser, Sohn, Kanner, Ryan, 2007). Эксплуатация ресурсов и людей в целях развития преобладает над сохранением природных богатств и защитой благополучия людей, чьи интересы находятся в конфликтных отношениях. Соревновательный тип экономики соответствует культурам с высоким **мастерством** и низкой **гармонией**. В седьмой строке табл. 1 приведены корреляции культурных ориентаций с соревновательностью в экономике в 20 индустриальных странах. Корреляция в размере -0.79 хорошо соответствует теоретическим ожиданиям.

Соревновательная экономическая система также соответствует **иерархической** культуре в противоположность культуре **равноправия**. Капиталисты, трудящиеся, потребители, начиная с разных исходных уровней ресурсов, стараются увеличить свои доходы на соревновательном рынке, даже если это происходит в ущерб другим. Неизбежный результат — неравномерное распределение ресурсов, оправдываемое в соревновательных сообществах. Рыночные силы, благоприятствующие сильному, в большей степени управляют экономическими взаимодействиями, чем интернализированные ценности кооперации с другими. Корреляция в размере -0.52 с **равноправием/иерархией** подтверждает теоретические ожидания в отношении этого культурного измерения.

Т. Кессер с соавт. в противоположность расхожему мнению утверждают, что соревновательная экономическая система скорее разрушает, чем создает личную свободу (Kasser et al., 2007). Она превозносит финансовый успех, создает идеалы, которым мало кто может соответствовать, рекламирует продукты, к обладанию которыми необходимо стремиться, и заставляет людей работать больше, тяжелее и с меньшим выбором, чем они бы хотели. Такая практика стимулирует зависимость от внешних ожиданий и лишает людей возможности культивировать собственные интересы. Это вступает в противоречие с ценностью **интеллектуальной** (хотя и не аффективной) **автономии**. Менее ясно, соответствует ли соревновательной экономике ценность **принадлежности**. Давление в сторону принятия внешних

ожиданий и соответствия им созвучно этой ценности. Моя теория принимает, что культуры с низкой **автономией** характеризуются высоким уровнем **принадлежности**. Корреляция в размере -0.55 с соответствующим культурным измерением (см. табл. 1) подтверждает теоретические ожидания. Как **интеллектуальная автономия** ($r = -0.56$), так и **принадлежность** ($r = -0.45$) вносят свой вклад в эту корреляцию.

В целом тип экономической системы в промышленно развитых странах (различия в соревновательности—сотрудничестве в рамках капиталистической системы) сильно коррелирует с культурными ориентациями этих стран. Наш анализ не может оценить направления причинно-следственных связей, однако вероятным представляется взаимное влияние. Правдоподобно и то, что культура где-то поддерживает, а где-то сдерживает идеологию, стоящую за экономической системой.

Заключительные замечания

Представления о ценностных ориентациях культуры, изложенные в этой статье, являются одним из способов осмысления и измерения одного из ключевых элементов культуры. Эти ориентации характеризуют культуры, а не отдельных людей. Различия показателей стран не связаны с психическим складом никакого конкретного человека, различия между любыми двумя людьми не отражают культурных дистанций между обществами. Эти ориентации стоят за способами функционирова-

ния общественных систем, создают для них идеологическую почву и согласуют различные процессы. Ориентации являются внешними по отношению к людям, они выражаются в особенностях стимулов и ожиданий, с которыми сталкиваются члены культурной группы. Таким образом, эта концепция культуры отличается от взглядов на нее как на психологическую переменную.

Культуры никогда не бывают полностью согласованными и непротиворечивыми. Различные институты внутри обществ опираются в большей степени на ценности, связанные с их функциями (например, иерархия в армии, принадлежность в семье, мастерство на рынке, интеллектуальная автономия в науке). Этнические, профессиональные, религиозные и другие группы внутри общества могут подвергаться различным культурным воздействиям и развивать различные ценностные предпочтения. Эти различия приводят к социальному напряжению, конфликтам и изменениям. Одноразовое, статичное измерение культуры страны в целом, таким образом, проблематично. Тем не менее, приведенные выше данные доказывают, что культурные ценностные профили доминирующих культурных групп могут быть плодотворно использованы для характеристики обществ. Эти данные позволяют устанавливать динамичные причинно-следственные отношения между культурой и важными социальными феноменами.

Перевод с англ. Е.А. Валуевой

Литература

- Bellah R.N., Madsen R., Sullivan W.M., Swidler A., Tipton S.M.* Habits of the heart: Individualism and commitment in American life. New York: Harper & Row, 1986.
- Benedict R.* The chrysanthemum and the sword: Patterns of Japanese culture. New York: New American Library, 1974/1946.
- Bond M.H.* Chinese values // M.H. Bond (ed.) Handbook of Chinese psychology. Hong Kong: Oxford University Press, 1996.
- Borg I., Groenen P.J.F.* Modern multidimensional scaling: Theory and applications, 2nd ed. New York: Springer-Verlag, 2005.
- Botero J., Djankov S., La Porta R., Lopez-de-Silanes F.* The regulation of labor // Quarterly Journal of Economics. 2004. 119. 1339–1382.
- Brett J.M.* Negotiating globally: How to negotiate deals, resolve disputes, and make decisions across cultural boundaries. San Francisco: Jossey-Bass, 2001.
- De Clercq S.* Extending the Schwartz Value Theory for Assessing Supplementary Person-Organization Fit. Unpublished PhD. dissertation, Universiteit Ghent, Belgium, 2006.
- Diamond J.* Guns, germs and steel: The fate of human societies. New York: Norton, 1997.
- Encyclopaedia Britannica Almanac 2005. Chicago: Encyclopedia Britannica, 2004.
- Ester P., Halman L., Seuren B.* Environmental concern and offering willingness in Europe and North America // P. Ester, L. Halman, R. de Moor (eds.). The individualizing society: Value change in Europe and North America. Tilburg, The Netherlands: Tilburg University Press, 1994. P. 163–181.
- Etzioni A.* The spirit of community: The reinvention of American society. New York: Simon & Schuster, 1993.
- Fontaine J.R.J., Poortinga Y.H., Delbeke L., Schwartz S.H.* Structural equivalence of the values domain across cultures: Separating sampling fluctuations from meaningful variation // Journal of Cross-Cultural Psychology (in press).
- Freedom in the world. Freedom House (ed.). Lanham, MD: University Press of America (various years).
- Goldreich Y., Raveh A.* Coplot display technique as an aid to climatic classification // Geographical Analysis. 1993. 25. 337–353.
- Guttman L.* A general nonmetric technique for finding the smallest coordinate space for a configuration of points // Psychometrika. 1968. 33. 469–506.
- Gyekye K.* Tradition and modernity: Philosophical reflections on the African experience. New York: Oxford University Press, 1997.
- Hall P.A., Gingerich D.W.* Varieties of capitalism and institutional complementarities in the macroeconomy: An empirical analysis. MPIfG Discussion Paper 04/5. Max Planck Institute for the Study of Societies: Cologne, Germany, 2004.
- Hofstede G.* Culture's consequences: International differences in work-related values. Beverly Hills CA: Sage, 1980.
- Hofstede G.* Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations. Beverly Hills CA: Sage, 2001.
- House R.J., Hanges P.J., Javidan M., Dorfman P.W., Gupta V.* Culture, leadership, and organizations: The Globe study of 62 societies. Thousand Oaks, CA: Sage, 2004.
- Huntington S.P.* The clash of civilizations. Foreign Affairs. 1993. 72. 22–49.
- Inglehart R.* Modernization and post-modernization: Cultural, economic and political change in 43 societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.

- Inglehart R.* International Conference on Comparing Cultures, Tilburg, The Netherlands. 2001. April.
- Inglehart R., Baker W.E.* Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*. 2000. 65. 19–51.
- Kashima E.S., Kashima Y.* Culture and language: The case of cultural dimensions and personal pronoun use // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1998. 29. 461–486.
- Kasser T., Cohn S., Kanner A.D., Ryan R.M.* Some costs of American corporate capitalism: A psychological exploration of value and goal conflicts // *Psychological Inquiry*. 2007. 18. 1–22.
- Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M.* Governance matters V: Aggregate and individual governance indicators for 1996–2005 // Appendix B3. Washington, DC: World Bank. Available on 2006. December. 3. at website: <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/WBI/EXTWBIGOVANTCOR/0,,contentMDK:21045419~menuPK:1976990~pagePK:64168445~piPK:64168309~theSitePK:1740530,00.html>.
- Kluckhohn F., Strodtbeck F.* Variations in value orientations. Evanston, IL: Row, Peterson, 1961.
- Kirkman B.L., Lowe K.B., Gibson C.B.* A quarter century of Culture's Consequences: A review of empirical research incorporating Hofstede's cultural value framework // *Journal of International Business Studies*. 2006. 37. 285–320.
- Kogut B., Singh H.* The effect of national culture on the choice of entry mode // *Journal of International Business Studies*. 1988. 19. 411–432.
- Kohn M.L., Schooler C.* Work and personality. Norwood, NJ: Ablex, 1983.
- Lewis B.* What went wrong: The clash between Islam and modernity in the Middle East. New York: Harper Collins, 2003.
- Matsumoto D.R.* The new Japan: Debunking seven cultural stereotypes. Boston: Intercultural Press, 2002.
- Moghaddam F.M., Crystal D.S.* Revolutions, Samurai, and reductions: The paradoxes of change and continuity in Iran and Japan // *Political Psychology*. 1997. 18. 355–384.
- Naroll R.* Galton's problem // R. Naroll, R. Cohen (eds.). *A handbook of method in cultural anthropology*. New York: Columbia University Press, 1973. P. 974–989.
- Putnam R.D.* Making democracy work: Civic traditions in modern Italy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.
- Schwartz S.H.* Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries // M. Zanna (ed.). *Advances in experimental social psychology*. Vol. 25. New York: Academic Press, 1992. P. 1–65.
- Schwartz S.H.* Beyond individualism/collectivism: New cultural dimensions of values // Kim U., Triandis H.C., Kagitcibasi C., Choi S.-C., Yoon G. (eds.), *Individualism and collectivism: Theory, method, and applications*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1994. P. 85–119.
- Schwartz S.H.* Cultural value differences: Some implications for work // *Applied Psychology: An International Review*. 1999. 48. 23–47.
- Schwartz S.H.* Mapping and interpreting cultural differences around the world // Vinken H., Soeters J., Ester P. (eds.). *Comparing cultures, Dimensions of culture in a comparative perspective*. Leiden, The Netherlands: Brill, 2004.
- Schwartz S.H.* Basic human values: Their content and structure across countries // A. Tamay, J.B. Porto (eds.). *Valores e Comportamento nas Organizações [Values and Behavior in Organizations]* Petrópolis, Brazil: Vozes, 2005a. P. 21–55.
- Schwartz S.H.* Robustness and fruitfulness of a theory of universals in individual

- human values // A. Tamayo, J.B. Porto (eds.). *Ibid.*, 2005b. P. 56–95.
- Schwartz S.H.* Les valeurs de base de la personne: Théorie, mesures et applications [Basic human values: Theory, measurement, and applications] // *Revue française de sociologie*. 2006a. 42. 249–288.
- Schwartz S.H.* Value orientations: Measurement, antecedents and consequences across nations // R. Jowell, C. Roberts, R. Fitzgerald, G. Eva (eds.). *Measuring attitudes cross-nationally: Lessons from the European Social Survey*. London: Sage, 2006b. P. 169–203.
- Schwartz S.H.* A theory of cultural value orientations: Explication and applications // Y. Esmer, T. Pettersson (eds.). *Measuring and mapping cultures: 25 years of comparative value surveys*. Leiden, The Netherlands: Brill, 2007a. P. 33–78.
- Schwartz S.H.* Cultural and individual value correlates of capitalism: A comparative analysis // *Psychological Inquiry*. 2007b. 18. 52–57.
- Schwartz S.H.* Causes of culture: National differences in cultural embeddedness (in press).
- Schwartz S.H., Bardi A.* Influences of adaptation to communist rule on value priorities in Eastern Europe // *Political Psychology*. 1997. 18. 385–410.
- Schwartz S.H., Bardi A., Bianchi G.* Value adaptation to the imposition and collapse of Communist regimes in Eastern Europe // S. A. Renshon, J. Duckitt (eds.). *Political Psychology: Cultural and Cross Cultural Perspectives*. London: Macmillan, 2000. P. 217–237.
- Schwartz S.H., Boehnke K.* Evaluating the structure of human values with confirmatory factor analysis // *Journal of Research in Personality*. 2004. 38. 230–255.
- Schwartz S.H., Ros M.* Values in the West: A theoretical and empirical challenge to the Individualism-Collectivism cultural dimension // *World Psychology*. 1995. 1. 99–122.
- Schwartz S.H., Rubel T.* Sex differences in value priorities: Cross-cultural and multi-method studies // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. 89. 1010–1028.
- Schwartz S.H., Rubel-Lifschitz T.* Explaining international variation of sex differences in value priorities. Submitted manuscript, 2007.
- Siegel J.I., Licht A.N., Schwartz S.H.* Egalitarianism, cultural distance, and FDI: A new approach. Harvard Business School working paper. 2007. April.
- Tihanyi L., Griffith D.A., Russell C.J.* The effect of cultural distance on entry mode choice, international diversification, and MNE performance: A meta-analysis // *Journal of International Business Studies*. 2005. 36. 270–283.
- Triandis H.* Individualism and collectivism. Boulder, CO: Westview, 1995.
- Varieties of capitalism: The institutional foundations of comparative advantage / P.A. Hall, D. Soskice (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Walmsley R.* World prison population list. Downloaded February. 2008. 18. from www.prisonstudies.org.
- Weber M.* The Protestant ethic and the spirit of capitalism. New York: Scribners, 1958.
- Welzel C., Inglehart R., Klingemann H.-D.* The theory of human development: A cross-cultural analysis // *European Journal of Political Research*. 2003. 62. 341–379.
- Williams R. M., Jr., Values. / E. Sills (ed.). *International encyclopedia of the social sciences*. New York: Macmillan, 1968.
- Zemov N.* Eastern Christendom. London: Weidenfeld and Nicholson, 1961.
- Zemov N.* Christianity: The Eastern Schism and the Eastern Orthodox Church // R.C. Zaehner (ed.). *The Concise Encyclopedia of Living Faiths*. London: Hutchinson, 1971. P. 77–93.

Приложение

Я благодарен следующим людям, производившим сбор данных по ценностям, на которых был основан анализ, представленный в данной статье

Австралия	Andrew Ellerman, Norman Feather
Австрия	Eva Mautner, Gerald Mikula
Аргентина	Maria Casullo
Бельгия	Johnny Fontaine
Болгария	Krassimira Baytchinska, Ute Stephan
Боливия	Maggye Foster
Босния-Герцеговина	Merim Bilalic
Бразилия	Alvaro Tamayo
Великобритания	Glynis Breakwell, Adrian Furnham
Венгрия	Zsuzsanna Vajda
Венесуэлла	Sharon Reimel de Carrasquel, Jose Miguel Salazar
Гана	Charity Akotia
Германия Восточная	Klaus Boehnke, Ute Stephan
Германия Западная	Klaus Boehnke, Leo Montada, Manfred Schmitt, Ute Stephan
Гонконг	Michael Bond
Греция	James Georgas
Грузия	George Nidharadze
Дания	Suzanne Beckmann
Египет	Gillian Rice
Зимбабве	Patrick Chiroro, Kathleen Myambo
Израиль	Galit Sagie, Lilach Sagiv
Индия	Deepa Punetha, Jyoti Verma
Индонезия	Engelina Bonang, Gisela Dahme
Иордания	Anonymous
Иран	Anonymous
Ирландия	Neil Johnston, Carlos Sousa
Испания	Hector Grad, Maria Ros
Италия	Rosalba Giacopino, Sonia Roccas, Giancarlo Tanucci
Йемен	Hadoon All Attass
Камерун	Athanosios Chasiotis, Jan Hofer, Bame Nsamenang
Канада	Karen Dion, Kenneth Dion, Tara Marshall, Michel Sabourin
Кипр	Michalis Papadopoulos

Китай	Wei Zhi Gang, Wu Peiguan
Колумбия	Gustavo Gomez, Maria Claudia Peralta, Sofia Esqueda, Maria Cristina Villegas
Корея Южная	Gyu-seog Han, Uichol Kim, Kyungai Son
Коста-Рика	Domingo Campos, Athansios Chasiotis, Jan Hofer
Латвия	Ivar Austers
Македония	Ilina Todorova
Малайзия	Shripati Uphadhyaya
Мексика	Wofgang Bilsky, Rolando Diaz Loving
Намибия	Roderick Fulata Zimba
Непал	Regmi Murari
Нигерия	'Sola Olowu
Нидерланды	Sipke Huismans
Новая Зеландия	Colleen Ward
Норвегия	Andreas Gronningsaeter, Kyrre Moen
Перу	Renee Mayorga Chavez, Jose Luis de Cossio,
Польша	Maria Jarymowicz, Ute Stephan, Anna Szuster
Португалия	Bartolo Campos & Isabel Menezes
Россия	Igor Dubov, Nadezda Lebedeva, Alexey Levinson, Michael McCarrey, Leonid Smirnov
Румыния	Kathy Frost
Сенегал	Aliou Sall
Сербия	Gordana Jovanovic, Goran Knezevic
Сингапур	Agnes Chang, Weining Chang, Star Soh
Словакия	Gabriel Bianchi, Viera Rozova
Словения	Darja Piciga
США	Dwight Frink, Judy Howard, David Karp, Dan Landis, Greg Rose, Renuka Sethi, B. James Starr, Patrick Steffen, Harry Triandis
Тайвань	Mei-Chi Li, Louis Young
Таиланд	Ubolwanna Pavakanun
Турция	Aydan Gulerce, Cigdem Kagitcibasi
Уганда	John Munene
Украина	Lena Andreyeva, Tetiana Posnova, Renuka Sethi
Фиджи	Bert Richmond
Филиппины	Cecilia Gastardo-Conaco, Paul Mercado, Juseph Puyat
Финляндия	Martti Puhiniemi, Antti Uutela, Markku Verkasalo

Франция	Beatrice Hammer, Alexandre Kurc, H Paicheler, Genvieve Vinsonneau Monique Wach
Хорватия	Silvia Susnija
Чешская республика	Jan Srnec, Ute Stephan
Чили	Jose Saiz
Швейцария	J.-B. Dupont, Francis Gendre, Dario Spini
Швеция	Åke Daun, Markku Verkasalo
Эстония	Toomas Niit
Эфиопия	Mesfin Samuel Mulato
Южная Африка	Ian Rothmann, Loraine Scholtz, Erika van der Watern, Marie Wissing
Япония	Hidekazu Hakoi, Sumiko Iwao, Saburo Iwawaki, Mark Radford, Osamu Takagi

ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ И ОТНОШЕНИЕ К ИННОВАЦИЯМ В РОССИИ

Н. М. ЛЕБЕДЕВА

Лебедева Надежда Михайловна — профессор факультета психологии ГУ ВШЭ, заведующая сектором Института этнологии и антропологии РАН, доктор психологических наук.

Автор 12 монографий, 8 учебных пособий и свыше 140 статей. Избранные книги: «Введение в этническую и кросскультурную психологию» (1999), «Межкультурный диалог: Тренинг этнокультурной компетентности» (2003, в соавт. с О.В. Луневой и Т.Г. Стефаненко), «Межкультурный диалог в школе» (2004, в соавт. с О.В. Луневой и Т.Г. Стефаненко), «Тренинг этнической толерантности для школьников» (2004, в соавт. с О.В. Луневой и Т.Г. Стефаненко), «Ценности культуры и развитие общества» (2007, в соавт. с А.Н. Татарко), «Культура и отношение к здоровью: Россия, Канада, Китай» (в соавт. с В.И. Чирковым и А.Н. Татарко).

Контакты: lebedhope@yandex.ru

Резюме

В статье представлены теоретические подходы и результаты эмпирических исследований взаимосвязи ценностей культуры, экономических установок и отношений к инновациям в России. Согласно результатам исследования, экономическому развитию в России способствует важность ценностей Интеллектуальной и Аффективной Автономии и Мастерства, т. е. ценностей независимости и активности индивида, а препятствуют — ценности Принадлежности и Иерархии, которые поддерживают установки экономического патернализма и негативно связаны с уровнем психологического благополучия личности. Выявлены универсальные культурные факторы, способствующие и препятствующие продуктивным инновативным установкам россиян вне зависимости от возраста и этнической принадлежности: ценности Интеллектуальной Автономии и Мастерства способствуют, а ценности Иерархии препятствуют инновативным диспозициям личности.

По мнению многих авторитетных зарубежных специалистов, культура имеет значение для социально-экономического развития и оказывает на него влияние. Ценности, доминирующие в обществе, хорошо подхо-

дят для анализа изменений, происходящих в культуре и личности в ответ на исторические и социальные изменения. В кросскультурной психологии и смежных науках предложен ряд теоретико-эмпирических подходов к

измерению культурных отличий и их связей с социально-экономическим развитием (Hofstede, 2001; Inglehart, 1997, 2005; Schwartz, 2004; Leung, Bond, 2004).

В исследовании Г. Хофстеда выявлены значимые позитивные взаимосвязи *Индивидуализма* с уровнем экономического и политического развития, при этом с увеличением уровня благосостояния *Индивидуализм* приобретает обратно пропорциональную связь с экономическим ростом. Избегание неопределенности и *Дистанция власти* в целом имеют негативные корреляции с показателями экономического и политического развития (Hofstede, 2001).

По измерениям Инглхарта выявлено, что ценности выживания и традиционные ценности свойственны более бедным и менее демократичным странам, а ценности самовыражения и секулярно-рациональные — более богатым странам с развитой демократией (Inglehart, 1997).

В измерениях Ш. Шварца показатели экономического развития позитивно коррелируют с *Автономией* и *Равноправием* и негативно — с *Принадлежностью* и *Иерархией*. Уровень демократизации позитивно коррелирует с *Автономией*, *Равноправием*, *Мастерством* и с уровнем национального благосостояния. *Автономия*, *Равноправие* и *Гармония* связаны с отсутствием коррупции, а *Принадлежность*, *Иерархия* и *Мастерство* позитивно связаны с высокой коррупцией в обществе (Schwartz, 2004).

Что касается России, то, по измерениям Хофстеда, она отличается средними значениями по шкале *Индивидуализма* и высокими — по шкале *Дистанции власти*. По измерени-

ям Инглхарта Россия, будучи близкой к полюсу выживания, в то же время весьма рационалистична. Россия на карте Шварца в настоящее время находится в поле пересечения *Принадлежности*, *Иерархии* и *Мастерства*. По измерениям Бонда и Леунга, она отличается умеренно высокими значениями *Динамической экстернальности* (оптимистичной веры в прогресс) и *Социального цинизма* (убежденности в зловредности социальной системы) (Leung, Bond, 2004).

Такой ценностный профиль свидетельствует о том, что культура данной страны формировалась в трудных экологических условиях, изначально в ней был высок уровень коллективизма и иерархии, в настоящее время ее члены больше стремятся к индивидуальному успеху и достижениям, что в сочетании с ценностями групповой принадлежности и иерархии способствует высокому уровню коррупции. В ней слабо развиты институты демократии и низка ценность личной свободы. В то же время у нее есть явно выраженный потенциал и вектор развития, прежде всего в сфере экономики, о чем свидетельствует высокий уровень ценностей *Мастерства*, что при условии роста ценностей *Равноправия* может способствовать демократизации политических и социальных институтов.

В серии эмпирических исследований мы задались целью проверить, как меняются культурные ценности россиян на рубеже веков, как они взаимосвязаны с экономическими установками и отношением к инновациям, поскольку ценности культуры отказывают важное влияние на

успешность социально-экономической модернизации общества, конечная цель которой видится нами в обеспечении благоприятной среды для реализации творческой активности личности.

Эмпирическое исследование взаимосвязей ценностей культуры и экономических установок

В рамках проекта «Динамика базовых ценностей россиян и их взаимосвязь с установками экономического поведения (1999–2005)» был проведен опрос двух поколений россиян в разных регионах России с целью выявления динамики ценностей россиян и их влияния на установки экономического и социального поведения.

Методика исследования

Участники исследования. В исследовании 2005 г. участвовали представители двух поколений россиян (студенты и поколение их родителей) в разных регионах России: Москва, Санкт-Петербург, Пенза, г. Балашов Саратовской области.

Общая численность выборки — 903 респондента. Численность студентов составила 527 человек. Из них — 176 человек студенты вузов г. Москвы (МГТУ им. Н. Баумана, Государственный университет — Высшая школа экономики, Государственный университет гуманитарных наук), 138 человек — студенты Санкт-Петербургского государственного университета, 213 человек — студенты вузов Пензы и Балашова. Участники старшего поколения (всего — 376) представлены учителями средних школ — 289 человек, остальные 87 человек — работающие люди разных специальностей. Из них 183 человека — жители столичных мегаполисов, 193 человека — жители провинции. Основные характеристики выборки приводятся в табл. 1.

Методический инструментарий состоял из шести основных блоков, направленных на изучение следующих конструктов: ценностей, социального капитала, субъективного благополучия, субъективного восприятия экономического положения, политических установок, временной перспективы, уровня религиозности.

Табл. 1

Состав выборки

Регион	Кол-во респондентов	Возрастные категории		Кол-во мужчин	Кол-во женщин
		Молодежь (до 35 лет)	Взрослые (от 35 до 50 лет)		
Москва	298	176	122	126	172
Санкт-Петербург	199	138	61	86	113
Балашов	246	116	130	126	120
Пенза	160	97	63	22	138
Всего	903	527	376	360	543

1. Для исследования ценностей использовался опросник культурных ценностных ориентаций Ш. Шварца (переведенный и адаптированный Н.М. Лебедевой, перевод согласован с автором опросника). Опросник включает 57 ценностей, отобранных таким образом, чтобы представлять каждый описанный им тип ценностей. Чтобы избежать прозападного уклона, ценности были взяты из всех основных мировых религий и вопросников, разработанных в Азии и Африке, а также на Западе. Коллеги из многих стран добавляли ценности в этот вопросник. Во избежание зависимости от языка одновременно разрабатывались версии на иврите, финском и английском языках. (После этого коллеги в 54 странах собрали данные 144 тысяч респондентов по двум выборкам: школьные учителя и студенты. Учителям был отдан приоритет перед другими профессиональными группами, поскольку они играют ключевую роль в социализации ценностей.) Респонденты ранжируют ценности по степени важности как руководящие принципы в их жизни. Шкала ранжирована от -1 (отвергаемая ценность) до 7 (наиболее важная ценность).

2. Экономические установки. Данный блок вопросов позволял оценить субъективный экономический статус и экономические установки респондента:

- патернализм — самостоятельность в формировании своего материального благосостояния;
- восприятие изменений своего благосостояния за последние 2 года;
- прогноз изменений в собственном материальном благосостоянии.

Вопросы, содержащиеся в данном блоке, были заимствованы из методик, разработанных в лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН.

3. Удовлетворенность жизнью и психологическое благополучие. В нашем исследовании оценивалась субъективная сторона благополучия или качества жизни. Для ее интегральной оценки необходимо получить данные по следующим показателям:

- уровень психологического благополучия;
- уровень удовлетворенности материальным положением;
- уровень удовлетворенности жизнью.

Оценка уровня психологического благополучия позволяет понять, насколько гармоничен внутренний мир респондентов, как у них складываются отношения с другими людьми и насколько они считают свою жизнь осмысленной и важной. Для оценки психологического благополучия использовалась методика К. Рифф (Ryff, 1995).

Удовлетворенность материальным положением является важным компонентом субъективного благополучия личности. Поэтому в методике была введена шкала для ее оценки. Респонденту предлагалось выразить согласие с утверждением «Меня устраивает уровень моего материального благосостояния» в соответствии с 7-балльной шкалой — от «не согласен» до «абсолютно согласен».

Для оценки общей удовлетворенности жизнью, респонденту предлагалось утверждение «В целом я удовлетворен моей жизнью», с которым также необходимо было выразить

согласие в соответствии с 7-балльной шкалой (см. анкету исследования: Лебедева, Татарко, 2007).

*Динамика изменений
блоков ценностей россиян
по методологии Ш. Шварца
(культурно-универсальный подход)*

Подход Ш. Шварца к ценностям на культурном уровне предполагает, что измерения культурных ценностей отражают альтернативные решения группами основных проблем. Культурные варианты решения каждой из этих проблем располагаются вдоль биполярных осей:

1. **Принадлежность — Автономия.** В культурах, располагающихся на полюсе **Принадлежности**, личность рассматривается как принадлежащая к группе, видящая смысл жизни в социальных связях, идентификации с группой и разделении общего образа жизни. Пример ценностей этого типа: *социальный порядок, уважение традиций, безопасность семьи и самодисциплина*. В культурах, расположенных на полюсе **Автономии**, личность рассматривается как независимая, уверенная в себе, ценящая свою уникальность, стремящаяся выразить собственные внутренние качества (личностные черты, чувства, мотивы, предпочтения) и поощряемая к этому. Ш. Шварц выделил два взаимосвязанных типа **Автономии**: *Интеллектуальная Автономия*, основанная на независимости идей и праве индивида следовать своими собственными интеллектуальными путями (*любопытность, открытость ума, изобретательность*). *Аффективная Автономия* означает независимую устремленность инди-

вида к переживанию позитивных эмоций (*удовольствие, возбуждение, разнообразие*).

2. **Иерархия — Равноправие.** В культурах, расположенных на полюсе **Иерархии**, иерархическая система ролевых предписаний обеспечивает социально ответственное поведение. Люди учатся подчиняться обязанностям и правилам, предписанным ролями, и наказываются, если они не делают этого. Этот тип ценностей опирается на легитимность неравного распределения власти, ролей и ресурсов (*социальная власть, авторитет, подчинение, богатство*). Представители культур, расположенных на полюсе **Равноправия**, рассматривают индивидов как равных перед моралью и разделяющих основные человеческие интересы. В людях воспитывается внутреннее согласие с ценностью добровольного объединения с другими и заботы об их благе. Этот тип ценностей основан на преодолении эгоизма (*равенство, социальная справедливость, свобода, ответственность, честность*).

3. **Мастерство — Гармония.** В культурах, расположенных на полюсе **Мастерства**, люди активно стремятся подчинить себе и изменить природный и социальный мир, контролировать и использовать его в личных или групповых интересах. Этот тип ценностей основан на продвижении вперед посредством активного самоутверждения (*амбиции, успех, смелость, компетентность*). Культуры на полюсе **Гармонии** принимают мир таким, каков он есть, пытаясь скорее сохранить, чем изменить или использовать его. Этот тип ценностей основан на установлении

гармонии со средой (*единство с природой, защита окружающей среды, мир прекрасного*).

Далее проследим динамику изменений блоков ценностей российских респондентов в сравнении с Западной и Восточной Европой. В табл. 2 приводятся сравнительные данные по блокам ценностей, полученные в странах Западной, Восточной Европы и России в 1999 и 2005 гг. По методологии Ш. Шварца, в каждой культуре должны быть опрошены две полярные группы — студенты наиболее престижных на данный момент специальностей (полюс изменения культурных ценностей) и школьные учителя (полюс сохранения и передачи культурных ценностей новым поколениям). Поэтому сравнительный анализ проводится по данным двум группам.

Вначале проанализируем данные по России 1999 г. По результатам нашего предыдущего исследования (Лебедева, 2000) было выявлено, что в 1999 г. по *Мастерству* и *Интеллектуальной Автономии* российские студенты «обогнали» не только восточноевропейских, но и западноевропейских сверстников, и даже российские учителя сравнивались по ценностям *Мастерства* с западноевропейскими коллегами. В ценностях *Аффективной Автономии* наши студенты превысили средние показатели восточноевропейских стран, но уступили странам Западной Европы.

Согласно мнениям западных ученых, ценности *Равноправия* и *Автономии* важны для поддержания демократии, поскольку являются ценностной и моральной базой

Табл. 2

Достоверность различий средних значений по блокам ценностей в странах Западной и Восточной Европы (1992–1996) и в России (1999, 2005)

Блоки ценностей	Учителя				Студенты			
	Вост. Евр.	Западн. Евр.	Россия (1999)	Россия (2005)	Вост. Евр.	Западн. Евр.	Россия (1999)	Россия (2005)
Принадлежность	4.15	3.51	4.38***	4.54***	3.83	3.32	3.71*	3.88*
Иерархия	2.19	1.28	3.05**	3.28**	2.23	2.01	3.10	3.17
Гармония	4.24	4.30	4.28*	4.41*	4.11	4.05	3.69	3.59
Равноправие	4.74	5.35	4.93	4.79	4.63	5.21	4.27*	4.40**
Интел. Автономия	4.15	4.60	4.05	4.25	4.23	4.61	4.65	4.37
Аффект. Автономия	3.13	3.76	2.95	3.80	3.78	4.23	3.98	4.02
Мастерство	3.84	3.98	3.98	4.19	4.22	4.27	4.43	4.54

*** — различия достоверны на уровне $p < 0.001$; ** — различия достоверны на уровне $p < 0.01$;

* — различия достоверны на уровне $p < 0.05$

социальной ответственности. По данным Ш. Шварца, в Восточной Европе эти ценности развиты слабо (Schwartz, Bardi, 1997). Наши исследования 1999 г. показали, что ценности **Равноправия** в молодом поколении россиян действительно падают, но ценности **Автономии** (особенно интеллектуальной) растут и даже превышают средние данные по Западной Европе.

Ценностной базой свободного предпринимательства являются ценности **Мастерства** и **Автономии**, и, согласно данным нашего исследования, средние данные по этим блокам ценностей у российских студентов в 1999 г. были выше, чем у их сверстников в Восточной и Западной Европе.

Более сложная картина наблюдалась с ценностями **Равноправия**. Ценность **Иерархии** в представлениях студентов возросла, а **Равноправия** — понизилась, даже по сравнению с результатами их собственных учителей. Можно предположить, что сказались условия кризиса, временно повышающие ценность безопасности и стабильности, требования к усилению роли государства и в то же время усиление недоверия к институтам, обеспечивавшим права граждан перед законом, к возможности достижения социальной ответственности через общее согласие, через демократические механизмы. И это не удивительно, если вспомнить о злоупотреблении властью, преступности и коррупции, захлестнувшей страну (Ясин, 2004).

В сочетании с заметным ростом ценностей **Мастерства** и **Интеллектуальной Автономии** рост ценностей **Иерархии** свидетельствовал

о том, что молодое поколение россиян готово «зарабатывать деньги своим собственным умом» и готово к социальному неравенству в доходах, т. е. стремится к индивидуальному богатству.

Если посмотреть на данные 2005 г., выборка учителей в 2005 г., по сравнению с 1999 г., демонстрирует рост значимости ценностей **Принадлежности**, **Иерархии** и **Гармонии**, причем значения по этим блокам ценностей превышают показатели Западной и Восточной Европы. У студентов мы также наблюдаем значимый рост ценностей **Принадлежности**, показатели по которому, так же как и у учителей, выше аналогичных показателей стран Западной и Восточной Европы, и **Равноправия**, показатели по которому ниже западноевропейских и восточноевропейских усредненных значений.

Изменения ценностей учителей в сторону приоритета таких ценностей, как *социальный порядок, уважение традиций, безопасность семьи, самодисциплина, социальная власть, авторитет, подчинение, богатство* (ценности **Принадлежности** и **Иерархии**), наряду со стремлением *принимать мир таким, каков он есть, пытаться скорее сохранить, чем изменить его* (ценности **Гармонии**), свидетельствуют, прежде всего, о стремлении к стабильности и защищенности. Значительный рост ценностей **Аффективной Автономии** (*удовольствие, возбуждение, разнообразие*) свидетельствует о неудовлетворенной потребности в позитивных эмоциях.

В то же время это не откат от завоеванных ранее (по данным 1999 г.) позиций: продолжают расти (на уровне

тенденции) ценности **Интеллектуальной Автономии** (любопытность, открытость ума, изобретательность) и **Мастерства** (амбиции, успех, смелость, компетентность).

У студентов наряду со сходными тенденциями — рост ценностей **Принадлежности** (но не такой выраженный, как у учителей) — наблюдаются отличия:

1. Значимый рост ценностей **Равноправия** (равенство, социальная справедливость, свобода, ответственность, честность);

2. Продолжающийся рост ценностей **Мастерства** и небольшой рост ценностей **Иерархии**;

3) снижение значимости ценностей **Интеллектуальной Автономии** и **Гармонии**.

Все это в целом позволяет предположить, что в ценностной системе россиян в последние 5–6 лет произошли некоторые изменения: возросла значимость ценностей стабильности, предсказуемости, безопасности и психологического комфорта (**Принадлежность, Иерархия, Гармония**). Наряду с этим продолжается устойчивый рост ценностей **Мастерства** (вся выборка) и **Автономии** (учителя), что является ценностной основой свободного рынка.

Знаменательным является абсолютно новая тенденция — значимый рост ценностей **Равноправия** у студентов. Известно, что ценности **Равноправия** являются основой демократии.

Сравнение данных России с некоторыми странами Европы и Азии показало, что по блокам ценностей «коллективистского» полюса (**Принадлежность, Иерархия и Гармония**) Россию можно отнести скорее к

странам развивающейся Азии, а по блокам ценностей «индивидуалистического» полюса (**Равноправие и Автономия**) — к странам развивающейся Европы, т. е. для развития по европейскому пути в России недостаточно развиты ценности **Автономии** и слишком велики ценности **Принадлежности** и **Иерархии** (см. рис. 1).

Взаимосвязь культурных факторов и экономических установок россиян

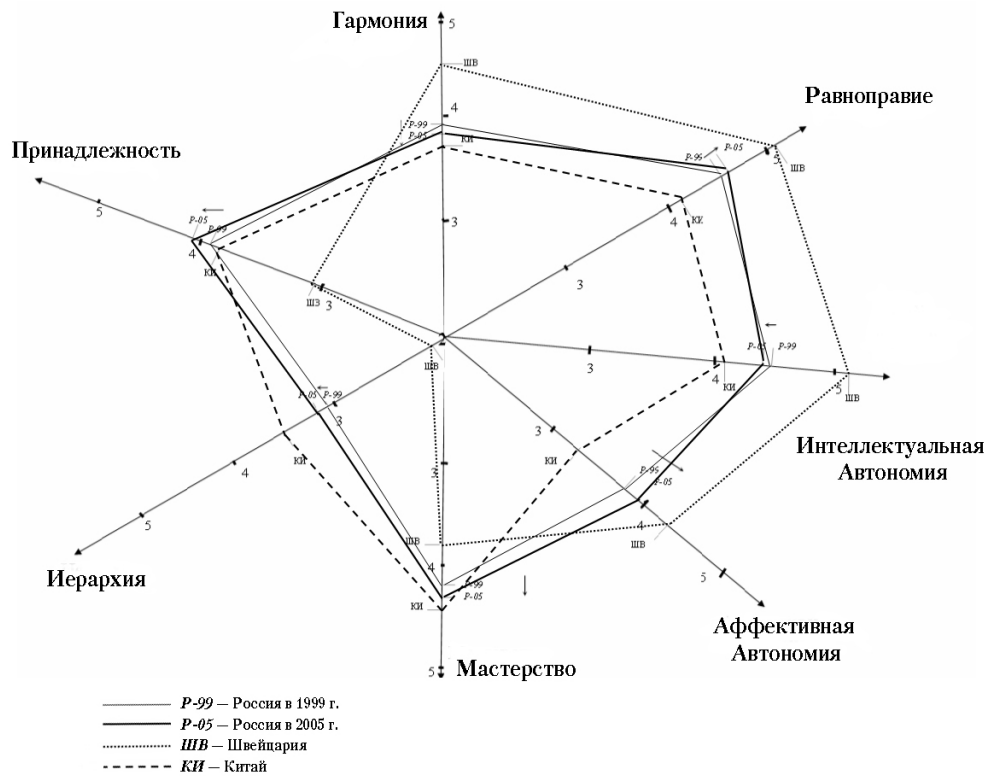
Связаны ли выявленные нами ценностные приоритеты россиян с их экономическими установками и удовлетворенностью жизнью?

Далее, чтобы выявить взаимосвязь культурных факторов и экономических установок россиян, мы использовали множественный регрессионный анализ (метод *stepwise*), и в качестве предикторов включили блоки ценностей культурного уровня Ш. Шварца, а в качестве зависимых переменных — экономические установки и показатели субъективного благополучия (см. табл. 3).

С помощью регрессионного анализа выявлено, что наиболее продуктивным для экономического развития является влияние таких культурных ценностей, как **Мастерство, Интеллектуальная и Аффективная Автономия**. Это означает, что если люди в культуре ценят независимость, стремятся к активной и насыщенной жизни, то им свойственны установки на экономическую самостоятельность, высокий экономический статус, рост благосостояния и ожидание его в будущем, а также удовлетворенность жизнью, материальным благополучием и высокий

Рис. 1

Средние значения по блокам ценностей, полученные в России в 1999 и 2005 гг., в сравнении с Швейцарией и Китаем

уровень психологического благополучия.

Такие блоки ценностей, как Принадлежность, Иерархия, Равноправие и Гармония, в экономическом отношении не являются продуктивными, поскольку поддерживают установки экономического патернализма, негативно связаны с ростом и ожиданием роста материального благосостояния, а также негативно связаны с

уровнем психологического благополучия.

Ценности культуры и отношение к инновациям¹

Одним из важнейших условий успешного социально-экономического развития России является переход экономики страны на «инновационные рельсы», что, несомненно,

¹ Исследование выполнено при поддержке Научного фонда ГУ ВШЭ (№ проекта 07-01-140).

Табл. 3

Взаимосвязь культурных ценностей (по Ш. Шварцу), экономических установок и субъективного благополучия россиян (вся выборка)

Зависимые переменные	Ценности							R ²
	И	М	АА	ИА	Р	Г	П	
Субъективный экономический статус		0.27***	0.17**				-0.20***	0.09
Установка на экономическую самостоятельность		0.35***				-0.16***	-0.13**	0.12
Установка на экономический патернализм		-0.11**		-0.12**	0.18***	0.10*	0.10*	0.08
Улучшение материального положения за последние 2 года		0.29***			-0.10*		-0.24***	0.11
Оптимистичный прогноз материального положения в будущем		0.31***		0.10*		-0.20***	-0.11*	0.13
Психологическое благополучие	-0.19***	0.26***		0.14***			-0.17***	0.10
Удовлетворенность жизнью				0.19***				0.03
Удовлетворенность уровнем материального благосостояния		0.13***						0.02

Примечание. И – Иерархия, М – Мастерство, АА – Аффективная Автономия, ИА – Интеллектуальная Автономия, Р – Равноправие, Г – Гармония, П – Принадлежность.

предъявляет определенные требования к личности и социуму. В настоящее время в кросскультурной психологии существуют исследования, указывающие на то, что базовые ценности культуры влияют не только на экономическое развитие, состояние здоровья популяции, продолжительность жизни, ощущение благополучия и счастья, но и на изобретательность и инновационные диспо-

зиции личности (Inglehart, Baker, 2000; Diener, Suh, 2000; Triandis, 1994; Shane, 1992, 1995).

Тем не менее, связь между культурными ценностями, с одной стороны, и инновационностью и изобретательностью членов данного общества, с другой, недостаточно изучена.

Согласно результатам кросскультурных исследований, на инновационность и изобретательность влияют

два измерения культуры (Shane, 1992).

Первое — степень **горизонтально-сти—вертикальности** общества:

- изобретательность менее вероятна в иерархичном обществе, так как бюрократия подавляет творческую активность;

- коммуникация способствует изобретательности, поскольку она требует «вклада» от других;

- инновации требуют децентрализованной власти, поскольку такая структура дает больше информации для высших менеджеров и больше стимулирует служащих, а в иерархических обществах обычно власть более централизована;

- в иерархических обществах более распространены системы контроля, основанные на правилах и процедурах, а не на доверии, и такой контроль подавляет креативность и изобретательность;

- изобретения — тяжелый труд и требуют строгой трудовой этики, а иерархические общества более фаталистичны, люди в них в меньшей степени считают, что инновации требуют серьезного труда;

- наконец, изобретения часто влекут за собой радикальные социальные изменения (иерархические общества стремятся минимизировать эти изменения, поскольку страшатся перераспределения власти).

Второе измерение — **индивидуализм**:

- в индивидуалистических обществах свобода больше ценится, а свобода необходима для творчества;

- изобретательность требует поиска внешней информации, и, поскольку индивидуалистические культуры не так ценят лояльность, как коллек-

тивистские, они способны собрать больше информации, необходимой для изобретений;

- малые фирмы более изобретательны, чем большие (в индивидуалистических обществах предпочитают малые фирмы);

- изобретателей нужно вознаграждать за изобретения деньгами и признанием, что более типично для индивидуалистических обществ, умеющих ценить и выделять индивидуальность;

- для возникновения инноваций необходима поддержка руководства организаций, и в индивидуалистических обществах люди чаще ее ищут и находят;

- наконец, психологические характеристики независимости, достижения и нонконформизма, необходимые для инноваций и изобретательности, более распространены в индивидуалистических обществах.

Результаты исследований в США (Shane, 1992) показали, что индивидуалистические и неиерархические («горизонтальные») общества более изобретательны и более склонны к инновациям.

Итак, можно сказать, что большими новаторами будут представители индивидуалистических культур с низкой дистанцией власти и развитой системой коммуникаций. Психологические характеристики инновационной деятельности требуют определенной среды — равенства в отношениях, одинаковых возможностей для всех, поощрения индивидуального развития, наличия некоторой степени свободы, хороших коммуникаций, в частности возможности свободно выражать свои мысли и чувства.

В исследовании Стефана Доллингера с соавторами (Dollinger, Burke, Gump, 2006) «Креативность и ценности» было показано, что более креативные студенты имеют иную систему ценностей, чем их менее креативные однокурсники. Выполнение ими тестовых заданий новыми, творческими способами позитивно коррелировало с такими индивидуальными ценностями, по Ш. Шварцу, как *самостоятельность, стимуляция и универсализм*, и негативно — с ценностями *традиции, безопасности и власти*. Это исследование подтвердило исходное предположение, что креативность напрямую зависит от ценностных приоритетов личности.

Эмпирическое исследование взаимосвязей ценностей культуры и отношения к инновациям в России

Цели исследования:

1. Выявить обусловленность установок личности по отношению к инновациям базовыми ценностями культуры в двух этнокультурных группах (русские и представители народов Северного Кавказа).

2. Провести кросскультурную проверку универсальности и специфичности связей ценностей культуры и отношения к инновациям в разных этнокультурных группах.

Гипотезы исследования:

1. Существуют межкультурные различия в ценностных приоритетах.

2. Ценности, делающие акцент на автономии индивида, способствуют позитивному отношению к инновациям, а ценности иерархии — препятствуют.

3. Существуют универсальные культурные ценности, способствующие и препятствующие инновативным установкам.

Методика исследования

Участники исследования. В исследовании приняли участие 553 человека, из них: 252 — русские (Москва), 301 — представители народов Северного Кавказа (даргинцы, чеченцы, ингуши, карачаевцы и др., Ставрополь). Основные характеристики выборки представлены в табл. 4.

Методы исследования. Для целей исследования был разработан опросник, включающий следующие методики:

1. Для исследования *ценностей культуры* использовалась методика Ш. Шварца. Респонденту предлагалось с помощью 7-балльной шкалы оценить важность для него каждой из 57 ценностей. Далее в соответствии с ключом подсчитывается балл по каждому из 7 блоков ценностей, выделенных Ш. Шварцем (*Иерархия, Равноправие, Принадлежность, Интеллектуальная Автономия, Аффективная Автономия, Мастерство, Гармония*).

2. Для исследования *отношения к инновациям на индивидуальном уровне* были разработаны 2 авторские методики:

1) *Методика отношения к инновациям на индивидуальном уровне*, представляющая набор из 13 утверждений. Степень согласия/несогласия с ними оценивается по пятибалльной шкале. На основании ответов респондентов был проведен факторный анализ по методу главных компонент путем вращения корреляционной матрицы по типу

Табл. 4

Социально-демографические характеристики выборки исследования

Группа	Кол-во/сред. возраст	Мужчины (%)	Женщины (%)
Русские	252 / 30 лет	37	63
Народы Северного Кавказа	301 / 28.5 лет	34	66

varimax, который позволил выделить 3 основные шкалы: «Способность к изменениям» ($\alpha = 0.68$), «Стремление к инновациям» ($\alpha = 0.69$) и «Любовь к новизне» ($\alpha = 0.62$).

2) Шкала самооценки инновативных качеств личности, состоящая из 15 утверждений. Степень согласия/несогласия с ними оценивается по пятибалльной шкале: 1 — абсолютно не согласен, 2 — скорее не согласен, 3 — не знаю, не уверен, 4 — скорее согласен, 5 — абсолютно согласен. На основании ответов респондентов нами был проведен факторный анализ по методу главных компонент путем вращения корреляционной матрицы по типу varimax, который позволил выделить 4 основные шкалы: «Креативность», «Риск ради ус-

пеха», «Ориентация на будущее», «Уверенность в себе».

Среднее значение вышеуказанных 7 шкал составляет «Индекс инновационности личности».

Обработка данных проводилась с помощью пакета SPSS с использованием критерия Стьюдента и множественного регрессионного анализа (метод stepwise).

Результаты исследования

Вначале проанализируем, как отличаются ценности культуры по Ш. Шварцу на индивидуальном уровне у русских и представителей народов Северного Кавказа (см. табл. 5).

Согласно данным табл. 5, выявились значимые различия в культурных ценностях между русскими

Табл. 5

Межкультурные различия ценностей русских и представителей народов Северного Кавказа

Ценности	Среднее	
	Русские	Представители Северного Кавказа
Иерархия	3.26	3.18
Мастерство	4.55***	4.06***
Аффективная Автономия	4.06***	3.39***
Интеллектуальная Автономия	4.53***	3.67***
Равноправие	4.51	4.45
Гармония	3.81**	4.08**
Принадлежность	3.87***	4.35***

*** — различия достоверны на уровне $p < 0.001$; ** — различия достоверны на уровне $p < 0.01$;

* — различия достоверны на уровне $p < 0.05$

респондентами и представителями народов Северного Кавказа: у русских значимо выше приоритет таких ценностей, как **Мастерство**, **Интеллектуальная** и **Аффективная Автономия**, а у представителей Северного Кавказа значимо выше показатели ценностей **Принадлежности** и **Гармонии**. В блоках ценностей **Иерархии** и **Равноправия** значимых различий не выявлено.

Далее посмотрим, существуют ли межкультурные различия в отношении к инновациям (см. табл. 6)

Выявлены значимые межкультурные различия во всех показателях отношения к инновациям: у русских респондентов значимо выше *креативность, способность к изменениям, ориентация на будущее, уверенность в себе, стремление к инновациям и общий индекс инновативности лично-*

сти ($p < 0.001$), *готовность к риску ради успеха* ($p < 0.01$) и *любовь к новизне* ($p < 0.05$).

Обусловлены ли эти различия особенностями культур, к которым принадлежат наши респонденты?

Мы задались целью проверить взаимосвязь ценностей культуры и отношения к инновациям у всей выборки и у представителей разных этнокультурных групп.

В табл. 7 приведены результаты множественного регрессионного анализа взаимосвязей между ценностями культуры и показателями отношения к инновациям на всей выборке.

Мы видим, что наиболее позитивное влияние на инновационные установки на всей выборке оказывают ценности **Интеллектуальной Автономии** (связаны с *креативностью,*

Табл. 6

Межкультурные различия отношения к инновациям русских и представителей народов Северного Кавказа

Отношение к инновациям	Среднее	
	Русские	Представители Северного Кавказа
Креативность	3.54***	3.28***
Риск ради успеха	3.21**	3.03**
Ориентация на будущее	3.39***	3.02***
Уверенность в себе	3.56***	3.37***
Способность к изменениям	3.03***	2.67***
Стремление к инновациям	3.83***	3.53***
Любовь к новизне	3.40*	3.27*
Общий индекс инновативности личности	3.39***	3.14***

стремлением к инновациям и общим индексом инновативности личности) и **Мастерства** (связаны с креативностью и общим индексом инновативности личности).

Негативное влияние на инновационные установки личности оказывают ценности **Иерархии** (негативно связаны с креативностью, стремлением к инновациям и общим индексом инновативности личности).

Далее посмотрим, есть ли кросс-культурные различия во влиянии ценностей на инновативные установки? В табл. 8 и 9 представлены результаты регрессионного анализа в выборках русских и представителей народов Северного Кавказа.

Из данных табл. 8 следует, что с инновативными установками у русских позитивно связаны ценности **Интеллектуальной Автономии**

Табл. 7

Взаимосвязь между ценностями культуры и отношением к инновациям (вся выборка)

Зависимые переменные	Предикторы			R ²
	Иерархия (β)	Мастерство (β)	Интеллектуальная Автономия (β)	
Креативность	-0.18***	0.13**	0.41***	0.20
Стремление к инновациям	-0.19***		0.40***	0.17
Общий индекс инновативности	-0.14**	0.11*	0.39***	0.18

Табл. 8

Взаимосвязь между ценностями культуры и отношением к инновациям (русские)

Зависимые переменные	Предикторы			R ²
	Иерархия (β)	Мастерство (β)	Интеллектуальная Автономия (β)	
Креативность	-0.16*		0.54***	0.31
Стремление к инновациям	-0.22***	0.17*	0.33***	0.16
Общий индекс инновативности	-0.11*	0.17*	0.39***	0.21

Табл. 9

Взаимосвязь между ценностями культуры и отношением к инновациям (представители Северного Кавказа)

Зависимые переменные	Предикторы			R ²
	Иерархия (β)	Мастерство (β)	Интеллектуальная Автономия (β)	
Креативность	-0.17**	0.15*	0.29***	0.12
Стремление к инновациям	-0.12*		0.38***	0.12
Общий индекс инновативности	-0.11*		0.35***	0.11

(с креативностью, стремлением к инновациям и общим индексом инновативности личности) и **Мастерства** (со стремлением к инновациям и общим индексом инновативности личности). Ценности **Иерархии** продемонстрировали негативную связь с показателями отношения к инновациям, особенно с таким показателем, как *стремление к инновациям*.

Согласно данным табл. 9, у представителей народов Северного Кавказа с инновативными установками позитивно связаны также ценности **Интеллектуальной Автономии** (с креативностью, стремлением к инновациям и общим индексом инновативности личности) и в меньшей степени — ценности **Мастерства** (позитивно связаны с креативностью). Негативная взаимосвязь со всеми показателями отношения к инновациям выявлена у ценностей **Иерархии** (с креативностью, стремлением к инновациям и общим индексом инновативности личности).

Обсуждение результатов исследований взаимосвязи ценностей культуры с экономическими установками и отношением к инновациям в России

Результаты исследования динамики культурных ценностей россиян свидетельствуют о том, что с начала 90-х годов до середины первой декады XXI столетия происходят некоторые подвижки в ценностных приоритетах россиян. Они заключаются в том, что в период либерально-демократических реформ произошли значимые сдвиги в сторону приоритета ценностей **Интеллектуальной Автономии** и **Мастерства**,

что свидетельствует об осознании россиянами важности личной активности и независимости.

Далее, в период с 1999 по 2005 гг., обозначился рост важности ценностей коллективистской направленности (ценности **Принадлежности**, **Иерархии** и **Равноправия**), что, на наш взгляд, отражает смену социально-политических ориентиров в управлении Россией, но не только. Согласно данным множественного регрессионного анализа, ценности **Равноправия** взаимосвязаны с ориентацией на социальное равенство и неприятие этнической дискриминации, что способствует большей социальной гармонии в обществе.

Анализ разнонаправленных изменений в российской культуре привел нас к необходимости понимания культуры как системы, в которой все элементы взаимосвязаны и изменение одного элемента неизбежно влечет за собой изменение других.

Т. Парсонс, например, считает, что в обществе обязательно должно быть несколько крупных социальных структур с различными ценностными иерархиями (Парсонс, 2000). Таких структур, по мнению Т. Парсонса, обязательно должно быть четное число, так как они противостоят друг другу: если одни «раскачивают» какую-то тенденцию и запускают новые процессы (у Т. Парсонса это политики и предприниматели), то другие оказывают сдерживающее действие, поскольку такая «раскачка» развивает процессы дезинтеграции в обществе и способствует его ослаблению. Этими последними Т. Парсонс называет «сохранителями латентных структур» (нормативно-ценностных, традиционных и пр.) и

относит сюда всю образовательную систему, искусство, семью.

Общество в своем развитии и существовании уподобляется как бы кораблю, борющемуся с набегаящими на него волнами и ветрами, на котором есть свои «балласты» и «противовесы», а также «паруса и весла», которые в нужный момент приводятся в движение. Только в социальных процессах это «приведение в движение» происходит часто постепенно, подсознательно и в каком-то смысле помимо рациональных рассуждений отдельных лиц, которые выполняют всегда свои одни и те же функции.

Все эти разнообразно ориентированные группы и структуры не представляют собой беспорядочного набора различных «точек зрения», иначе и общество не было бы системой, способной не только существовать и поддерживать себя в определенных заданных условиях, но и «отвечать» на изменения среды, в которой оно существует. Этот «ответ» выражается в перестройке общества, его адаптации к новым условиям при сохранении, так сказать, самоидентификации (см.: Чеснокова, 2005).

Подтверждают ли системность ценностей русской культуры эмпирические исследования? По результатам наших исследований ответ будет положительным: в 90-е годы в период либерально-экономических реформ произошли колоссальные сдвиги в системе ценностных ориентаций наших граждан в направлении роста ценностей активности, достижения, инициативы, независимости. Это один мощный вектор изменений ценностной структуры. В начале XXI столетия активизировались, как бы «подтянулись» ценности другого по-

люса — стабильности, равенства, традиционности, социальной справедливости. Происходит незримая «балансировка» ценностной системы, но каждое ее новое состояние не является точным эквивалентом предыдущего, система гибко меняется, развивается, чтобы более адекватно отвечать на вызовы времени.

Один из таких глобальных вызовов — это вызов экономического развития и модернизации. Согласно результатам нашего исследования, экономическому развитию в нашей стране способствует важность ценностей **Интеллектуальной** и **Аффективной Автономии** и **Мастерства**, т. е. ценностей независимости и активности индивида, а препятствуют экономическому развитию ценности **Принадлежности** и **Иерархии**, которые поддерживают установки экономического патернализма и негативно связаны с уровнем психологического благополучия личности.

Не следует забывать тот факт, что культура, определяя экономику и историю страны, сама формируется под воздействием этих факторов. Согласно результатам современных кросскультурных исследований, на арену вышел очень мощный и влиятельный независимый фактор культуры — уровень благосостояния (affluence) граждан страны, который влияет на социальное устройство общества, поведение и психологическое благополучие его граждан (Georgas, Berry, Van de Vijver, Kagitcibasi, Poortinga, 2006).

Роль экономического развития в демократизации социально-политической жизни разных стран хорошо показана Р. Инглхартом: по мере экономического подъема складываются

культурные предпосылки, поддерживающие демократию, заставляющие обывателя желать демократии и ценить ее. При этом очень важно помнить и понимать, что демократию невозможно учредить с помощью институциональных перемен или манипуляций правящей элиты. Ее выживание в основном зависит от ценностных установок и убеждений простых граждан (Inglehart, 2000).

Большое поликультурное общество России неоднородно в ценностных культурных приоритетах. Согласно результатам исследования, посвященного влиянию культуры на инновации, были выявлены значимые различия в ценностных приоритетах русских и северокавказских респондентов: у русских значимо выше приоритет таких ценностей, как **Мастерство**, **Интеллектуальная** и **Аффективная Автономия** (ценности, акцентирующие независимость и активность личности), а у представителей Северного Кавказа значимо выше показатели ценностей **Принадлежности** и **Гармонии** (ценности, поддерживающие групповую сплоченность и групповую гармонию). Межкультурное сопоставление инновативных установок при этом показало, что все установки на инновации выше у русских респондентов, чем у северокавказских.

Проверка обусловленности инновативных установок ценностями культуры с помощью множественного регрессионного анализа показала, что на всей выборке с инновативными установками личности позитивно связаны ценности **Интеллектуальной Автономии** и **Мастерства**, негативно — ценности **Иерархии**.

Эти результаты в целом согласуются с данными зарубежных исследова-

ний, а именно: индивидуалистические тенденции в культуре (акцент на независимости, активности индивида) способствуют инновациям, а «вертикальность» культуры (акцент на иерархии) — препятствует (Shane, 1992; Dollinger, Burke, Gump, 2006).

Из сравнения результатов регрессионного анализа в разных этнокультурных группах следует, что существуют универсальные культурные факторы, способствующие и препятствующие инновативным установкам вне зависимости от этнокультурной принадлежности.

Фундаментальный базис развития современной цивилизации — творческие способности человека. В обществах, способствующих их развитию, наблюдаются экономическое и социальное процветание, в обществах, препятствующих ему, — застой и стагнация.

Похоже, что мы вступаем в такую фазу развития человечества, когда главным ресурсом этого развития будет не богатство недр, не экономическое или военное превосходство, а всесторонняя самореализация личностей того или иного общества.

Тогда ясной становится и модель «опережающего развития» — инвестирование в человека, развитие его творческих способностей.

В заключение следует сказать, что развитие личности, как и развитие общества, немислимо без свободы. Уверенность в себе, самоуважение, чувство нужности людям, востребованности обществом является неотъемлемой предпосылкой становления личности. Поэтому для развития личности и общества необходимо развитие свободы не только

как средства, но и как цели, которая важна сама по себе.

Подход к развитию как свободе виднейшего экономиста, лауреата Нобелевской премии Амартии Сена касается не только развития экономики и борьбы с бедностью, но и более широкого спектра проблем, в том числе и свободного выбора людей внутри каждой культуры: какие традиции сохранять, а какие — нет: «Любой реальный конфликт между охраняемыми традициями и преимуществами модернизации требует демократического решения, а не одностороннего отказа от модернизации в пользу традиции, исходящего от правительства, религиозных властей либо антропологов — поклонников древностей» (Сен, 2004, с. 49). Для многих традиционалистских обществ этот тезис звучит как крамола.

Однако разумное, трезвое и бережное отношение к культуре не как к «лавке древностей», а как к живой системе, способной к адаптации и изменениям, которую мы все своим неравнодушным и творческим трудом создаем, храним и развиваем, передаем своим детям и внукам, делает и нас самих зрелыми, ответственными и свободными.

Из культуры нужно не только черпать, ее источники нужно чистить и пополнять. Ее нужно изучать и понимать, иначе она может зарастать тиной, а ее родники — превращаться в разного рода губительные «ловушки».

Выводы исследования

Результаты проведенных нами эмпирических исследований взаимосвязи ценностей культуры, эконо-

мических установок и отношений к инновациям в России позволяют прийти к следующим выводам:

1. Анализ влияния ценностей культуры на социально-экономические установки показал, что критериям экономического развития и психологического благополучия удовлетворяют ценности **Интеллектуальной Автономии** и **Мастерства**, критерию экономического развития — ценности **Аффективной Автономии**. Показательно, что оба эти критерия «выступают парой», что говорит о том, что психологическое благополучие в современной России, по-видимому, невозможно без экономического развития.

2. Выявлены значимые межгрупповые различия в ценностях культуры между русскими и представителями народов Северного Кавказа: у русских респондентов преобладают ценности **Мастерства**, **Интеллектуальной** и **Аффективной Автономии** (акцентирующие независимость и активность личности), у северокавказских — значимо выше показатели ценностей **Принадлежности** и **Гармонии** (ценности, поддерживающие групповую сплоченность и групповую гармонию).

3. Выявлены значимые межкультурные различия во всех показателях отношения к инновациям: у русских респондентов значимо выше *креативность, способность к изменениям, ориентация на будущее, уверенность в себе, стремление к инновациям и общий индекс инновативности личности, готовность к риску ради успеха и любовь к новизне*.

4. С инновативными установками личности во всей выборке позитивно связаны ценности **Интеллектуальной**

Автономии и **Мастерства**, негативно — ценности **Иерархии**. Эти результаты согласуются с данными зарубежных исследований, а именно: индивидуалистические тенденции в культуре способствуют инновациям, а «вертикальность» культуры — препятствует.

5. Выявлены универсальные культурные факторы, способствующие

и препятствующие продуктивным экономическим и инновативным установкам россиян вне зависимости от возраста и этнической принадлежности: ценности **Интеллектуальной Автономии** и **Мастерства** способствуют, а ценности **Иерархии** препятствуют продуктивным экономическим установкам и инновативным диспозициям личности.

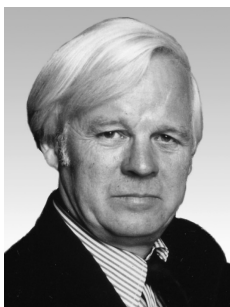
Литература

- Журавлев А.Л., Журавлева Н.А.* Программа социально-психологического исследования экономического сознания личности // Современная психология: Состояние и перспективы исследований. Ч. 5 Программы и методики психологического исследования личности и группы / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Изд-во ИП РАН, 2002. С. 11–42.
- Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Изд-во Московской школы политических исследований, 2002.
- Лебедева Н.М.* Базовые ценности русской культуры на рубеже XXI века. // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 3. С. 73–87.
- Лебедева Н.М.* Ценностно-мотивационная структура личности в русской культуре. // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 3. С. 26–36.
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Ценности культуры и развитие общества. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2007.
- Парсонс Т.* О структуре социального действия. М., 2000.
- Сен А.* Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004.
- Чеснокова В.Ф.* Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический проект, 2005.
- Ясин Е.Г.* Новая эпоха — старые тревоги: экономическая политика. М. 2004.
- Culture and subjective well-being / E. Diener, E. Suh (eds.). London, 2000.
- Dollinger S.J., Burke Ph.A., Gump N.W.* Creativity and Values (in press).
- Georgas J., Berry J., Van de Vijver F., Kagitcibasi G., Poortinga Y.* Families Across Cultures: A 30-Nation Psychological Study, CUP, 2006.
- Hofstede G.* Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations. Beverly Hills CA: Sage, 2001.
- Inglehart R.* Modernization and Post-modernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- Inglehart R.* Culture and democracy // L.E. Harrison, S.P. Huntington (eds.). Culture matters: How values shape human progress. New York: Basic Books, 2000. P. 80–97.
- Inglehart R., Baker W.E.* Modernization, cultural change and the persistence of traditional values // American Sociological Review. 2000. 65. 19–51.

- Leung K., Bond M.H.* Social axioms: A model for social beliefs in multicultural perspective // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2004. 36. 119–197.
- Ryff C.D.* Psychological well-being in adult life // *Current Directions in Psychological Science*. 1995. 4. 99–104.
- Schwartz S.H., Bardi A.* Influences of adaptation to communist rule on value priorities in Eastern Europe // *Political Psychology*. 1997. 18. 385–410.
- Schwartz S.H.* Mapping and interpreting cultural differences around the world // H. Vinken, J. Soeters, P. Ester (eds.). *Comparing Cultures: Dimensions of Culture in a Comparative Perspective*. Brill: 2004. P. 43–73.
- Shane S.* Why do some societies invent more than others? // *Journal of Business Venturing*. 1992. 7. 29–46.
- Shane S., Venkatarman S., Mac-Millan I.* Cultural differences in Innovation Strategies // *Journal of Management*. 1995. 21. 5. 931–952.
- Triandis H.C.* *Culture and Social Behavior*. New York: McGraw-Hill, Inc., 1994.

ИНТЕЛЛЕКТ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Р. ЛИНН

Линн Ричард (Lynn Richard) — почетный профессор Университета Ольстера (University of Ulster). В прошлом — декан факультета психологии в этом университете. Среди его книг: *Personality and National Character* (1972), *Dimensions of Personality* (1980), *Educational Achievement in Japan* (1988), *Dysgenics: Genetic Deterioration in Modern Populations* (1996), *IQ and the Wealth of Nations* (2002, совместно с Т. Ванхоненом), *Race Differences in Intelligence: An Evolutionary Analysis* (2006), *IQ and the Global Inequality* (2006, совместно с Т. Ванхоненом), *The Global Bell Curve* (2008).

Контакты: LYNNR540@aol.com

Резюме

В статье утверждается, что от интеллекта зависит доход отдельных людей и благосостояние народов и что национальные различия в интеллекте являются главным фактором, отвечающим за процветание и бедность наций. Рассматриваются некоторые другие корреляты интеллекта наций, а именно: математические и естественнонаучные способности, грамотность взрослого населения, продолжительность жизни и религиозные убеждения. Интеллект определяется как «общая когнитивная способность», проявляющаяся в умении рассуждать, решать вербальные, математические и пространственные задачи, быстро обучаться, запоминать и усваивать большое количество знаний (Carroll, 1993). Интеллект измеряется тестами, впервые предложенными во Франции Альфредом Бине. Баллы по этим тестам переводятся в IQ (коэффициент интеллекта), распределение которого основывается на популяционном среднем в 100 баллов при стандартном отклонении, равном 15.

Интеллект и доход

Классические исследования, связывающие интеллект с доходом, были проведены К. Дженксом (Jencks, 1972). Он оценил корреляцию между интеллектом и доходом в Соединенных Штатах равной 0.35 и

утверждал, что связь имеет причинный характер, а именно различия в интеллекте вносят значимый вклад в различия доходов. Он также пришел к заключению, что, так как интеллект имеет высокую наследственность, различия в доходах определяются генетическими факторами. Выводы

К. Дженкса были подтверждены некоторыми последующими исследованиями, проведенными в Соединенных Штатах (см., напр.: Murgay, 1998; Zah and Rees, 2002), а также в Швеции (Zetterberg, 2004) и Великобритании (Irwing, Lynn, 2006). В британском исследовании корреляции между интеллектом жителей страны, измеренным в 8 лет, и доходом в 43 года для мужчин составила 0.37, а для женщин — 0.32. Объяснение положительной связи между интеллектом и доходом состоит в том, что люди с более высоким IQ более эффективно работают и обеспечивают более высокое качество товаров и услуг, чем люди с более низким IQ, и, следовательно, могут иметь больший доход.

Популяции — это совокупности отдельных людей, поэтому можно предположить, что положительная корреляция между интеллектом и доходами может быть также обнаружена и на этом уровне. Это было показано на примере географических регионов внутри стран. Интеллект людей из разных регионов часто различается, и были обнаружены положительные корреляции между средним интеллектом по популяции и до-

ходом на душу населения для таких географических регионов, как Британские острова, Франция, Италия, Испания и Соединенные Штаты Америки. Результаты суммированы в табл. 1. Все корреляции положительны и статистически значимы.

Первое из этих исследований, проведенное в середине XX в., было посвящено различиям в IQ в 13 регионах Британских островов (Lynn, 1979). Обнаружено, что самый высокий интеллект демонстрируют жители Лондонского округа (102.1), а самый низкий — жители Шотландии (97.3), Северной Ирландии (96.7) и Республики Ирландии (96.0). Эти региональные различия положительно коррелировали с доходом на душу населения на уровне 0.73. Они также положительно коррелировали с интеллектуальными достижениями, показателем которых было членство в Королевском Обществе ($r = 0.94$), и негативно — с детской смертностью ($r = -0.78$) (Lynn, 1979). Также интеллект коррелировал с внутренней миграцией в период с 1751 по 1951 гг. ($r = 0.67$). Лондон оказался регионом, внутрь которого миграция происходила в наибольшей степени, а Шотландия, Северная Ирландия и

Табл. 1

Корреляции между средним IQ по регионам и доходом на душу населения

Страна	Количество регионов	r	Источник
Британские острова	13	0.73	Lynn, 1979
Франция	90	0.61	Lynn, 1980
Италия	15	0.93	Lynn, 2008
Испания	48	0.65	Lynn, 1981
США	50	0.28	McDaniel, 2006

Республика Ирландия — регионами, из которых население мигрировало больше всего. Предлагаемое объяснение данным фактам состоит в том, что существовала закономерность, согласно которой более интеллектуальная часть населения мигрировала из провинции в Лондон. Видимо, это могло иметь эффект увеличения среднего уровня IQ в Лондоне и в то же время уменьшения его в районах, оставленных мигрантами.

Данные о региональных различиях в интеллекте во Франции, относящиеся к середине 1950-х годов, сообщались М. Монмолленом (Montmollin, 1958). Показатели IQ были собраны с 257 тысяч 18-летних призывников и в результате были посчитаны средние показатели интеллекта для 90 департаментов континентальной Франции. Самые высокие баллы IQ набрали призывники из Парижского округа, а самые низкие — с Корсики. Как и в случае с жителями Британских островов, было показано, что средний IQ по департаменту умеренно положительно коррелирует со средним доходом ($r = 0.61$), с интеллектуальными достижениями, зафиксированными как членство во Французской академии (0.29), и отрицательно — с детской смертностью (0.30) (Lynn, 1980). Также было показано, что средние показатели интеллекта по департаментам коррелируют с внутренней миграцией, происходившей в период с 1801 по 1954 г. ($r = 0.56$), при этом Парижский округ претерпел наибольший приток мигрантов. Таким образом, французские данные оказываются сходными с данными исследования Британских островов и получают ту же самую трактовку, ко-

торая заключается в том, что существует тенденция миграции более умных людей из провинций в столицу. Так же как и в Лондоне, средний уровень интеллекта в Париже оказался более высоким, в то время как в других регионах, оставленных мигрантами, он снизился.

Давно известно, что в США жители северных штатов имеют более высокий средний IQ по сравнению с населением юго-востока (Kaufman, McClean and Reynolds, 1988). М. Макдениэл недавно вычислил IQ жителей 50 американских штатов и подтвердил, что показатели выше на севере, чем на юге (McDaniel, 2006). Он обнаружил, что самым высоким IQ обладают жители Массачусетса (104.3), а самым низким — жители Миссисипи (94.2). Высокие показатели IQ также зафиксированы в Нью-Хэмпшире (104.2) и Вермонте (103.8), а низкие — в Алабаме (95.7) и Калифорнии (95.5). Сходные различия между штатами при использовании других исследовательских методов обнаружены С. Каназавой (Kanazawa, 2006). Эти различия в среднем интеллекте штатов позитивно (на уровне $r = 0.28$) коррелировали с валовым продуктом на душу населения (мерой дохода на душу населения). Различия в IQ между штатами частично обусловлены пропорцией черного и латиноамериканского населения, представители которого в среднем имеют более низкий по сравнению с европейцами IQ (приблизительно 85, 89 и 100 соответственно). М. Макдениэл вычислил, что средний интеллект по штату коррелирует на уровне -0.51 с процентом черного населения и на уровне -0.34 с процентом латиноамериканских жителей.

Национальные различия в интеллекте и доход на душу населения

От свидетельств в пользу того, что интеллект предсказывает индивидуальный доход и что средний интеллект географических регионов предсказывает среднедушевой доход в этих регионах, мы можем перейти к предположению, что средний интеллект нации должен предсказывать средний национальный доход на душу населения. Мы проверяли эту гипотезу в сотрудничестве с Тату Ванханеном из Хельсинского Университета (Lynn, Vanhanen, 2002, 2006). Первым шагом в этом исследовании было вычисление интеллекта наций. У нас была возможность сделать это для 113 стран, опираясь на данные проведенных исследований. В мире существует 192 государства, население которых превосходит 40 000 человек. Для 79 стран, в которых не проводились измерения IQ, была проведена оценка интеллекта, исходя из показателей соседних стран.

Интеллект наций был измерен по шкале, на которой за среднее в 100 баллов принимался средний интеллект по Великобритании, а стандартное отклонение составило 15 баллов. Значения IQ для всех остальных стран располагались относительно этого критерия. Такая система стала известна как «IQ по Гринвичу» по аналогии с линиями долготы, отсчет которых начинается с нулевой, проходящей через Гринвич (пригород Лондона).

Результаты показали, что существуют большие различия в средних

показателях интеллекта государств. В приложении приведены значения IQ для всех стран вместе с показателями математических и естественнонаучных достижений 15-летних школьников, доходом на душу населения и другими переменными (которые будут обсуждаться далее), такими как грамотность взрослого населения, продолжительность жизни и религиозные убеждения. Если представить результаты в обобщенном виде, то можно констатировать, что наивысшие баллы IQ (среднее значение — 105) имеют жители Восточной Азии (Китай, Япония, Корея). За ними следуют европейцы (среднее — 99), юго-восточные азиаты (среднее — 87), жители тихоокеанских островов (среднее — 85), южные азиаты (среднее — 84), северные африканцы (среднее — 84) и жители Тропической Африки¹ (среднее — 67). Точность измерения IQ составляет 2–3 балла: так, например, нет значимых различий между значением IQ в 97 баллов для России и 100 баллами для Великобритании.

Нашей первой целью было проверить, сходны ли показатели национального IQ с показателями математических и естественнонаучных достижений 15-летних школьников. Так как интеллект высоко коррелирует с математическими и естественнонаучными способностями, в нашем исследовании мы предполагали обнаружить соответствующую связь. Математические и естественнонаучные достижения 15-летних школьников из 46 стран, опубликованные М. Мартином с коллегами

¹ Африка южнее Сахары.— *Прим. пер.*

(Martin et al., 2004), приведены в приложении. Корреляция между этими показателями и национальным IQ составила 0.92 для математических достижений и 0.91 для естественнонаучных. Эти корреляции свидетельствуют в пользу точности оценок национального IQ.

Нашей следующей целью было исследование отношений между показателями национального IQ и дохода на душу населения (см. приложение). Мы обнаружили корреляцию, равную 0.60. Это означает, что средний интеллект стран объясняет существенный процент различий в национальном среднедушевом доходе, однако не обеспечивает объяснение всей дисперсии дохода. Другие факторы, такие как обладание природными ресурсами (нефтью, газом, золотом, алмазами) или экономическая и политическая организация, также вносят вклад в обсуждаемые различия.

Интеллект жителей страны детерминирует среднедушевой доход, потому что население с более высоким IQ (европейцы и восточные азиаты) способно более эффективно работать по сравнению с теми, у кого показатели IQ более низкие. Люди с более высоким интеллектом могут: 1) производить высокоценную научную и инженерную продукцию, такую как самолеты, автомобили, компьютеры, фармацевтические препараты и т. д., которую страны с низким IQ (в оставшейся части мира) производить не способны; 2) вне области науки обеспечивать на высоком уровне товары и услуги в сфере, например, банковского обслуживания, страхования, архитектуры, парфюмерии, кино; 3) обеспечивать рабочую силу, ко-

торая эффективно работает во всех областях экономики; 4) обеспечивать политических лидеров, которые эффективно управляют экономикой.

Интересный вопрос заключается в том, определяет ли национальный интеллект доход на душу населения или доход на душу населения определяет национальный интеллект. Нам кажется, что оба утверждения справедливы. В случае отдельного человека IQ должен выступать причиной дохода, так как в некоторых исследованиях IQ измерялся в детстве, а доход — в то время, когда дети уже становились взрослыми. Однако в случае наций причинные отношения не столь очевидны. Нам кажется, что на уровне стран корреляция между IQ и доходом является результатом процесса с положительной обратной связью: интеллект государства является фактором среднедушевого дохода, а доход, в свою очередь, определяет интеллект нации.

В соответствии с положительной обратной связью страны, имеющие более высокий IQ, используют более высокие доходы для того, чтобы создать более благоприятные условия для развития интеллекта своих детей, например, обеспечивая им лучшее питание, заботу о здоровье и образование. В этой части процесса с положительной обратной связью доход на душу населения оказывается причиной более высокого IQ. Таким образом, страны с высоким IQ предоставляют своим детям двойное преимущество — со стороны генов и со стороны благоприятной среды для развития интеллекта. Сходные процессы наблюдаются в семьях, в которых родители с высоким IQ

обеспечивают своим детям то же самое двойное преимущество. В психогенетике этот процесс известен как генотип-средовая корреляция (Plomin, DeFries and McClearn, 1990).

Тот факт, что интеллект положительно связан с доходом как на уровне стран, так и на уровне отдельных индивидов, был подтвержден несколькими исследователями, производившими перепроверку данных (Whetzell, McDaniel, 2006; Templer, Arikawa, 2006; Hunt, Wittmann, 2008). Этот факт был подтвержден также в исследованиях, использующих вместо интеллекта национальные баллы по математике, естественным наукам и показатели грамотности (Rindermann, 2007; Hunt, Wittmann, 2008).

Национальный IQ, грамотность взрослого населения, продолжительность жизни и религиозные убеждения

Мы также изучали взаимосвязь между национальным IQ, с одной стороны, и грамотностью взрослого населения, продолжительностью жизни и религиозными убеждениями — с другой. Эти данные приведены в приложении. Корреляция между национальным IQ и грамотностью взрослого населения (на 2002 г.) составила 0.65. Объяснение этой корреляции можно найти в том, что страны с высоким IQ имеют более высокий доход на душу населения и могут обеспечить своим детям более высокий уровень образования. Корреляция между национальным IQ и средней продолжительностью жизни (на 2002 г.) составила 0.75. Эта корреляция объясняется тем, что в странах с высоким IQ забота о

здоровье населения оказывается на более высоком уровне, и тем, что люди с высоким интеллектом лучше заботятся о своем здоровье и живут дольше, чем люди с более низким интеллектом (Pearce, Deary, Young, Parker, 2006).

Негативное соотношение между интеллектом и верой в бога было продемонстрировано в ряде исследований населения в целом и в исследованиях, показывающих низкий процент верующих среди интеллектуальной элиты; возрастание атеистических установок в подростковом возрасте, когда происходит развитие когнитивных функций; снижение процента верующих во многих странах на протяжении XX в. по мере роста интеллекта населения. Чтобы проверить, действительно ли существует негативная корреляция между интеллектом и религиозной верой на уровне стран, мы заимствовали данные о проценте атеистического населения 137 стран из исследования П. Цукермана (Zuckerman, 2007). Цифры, приведенные в приложении, показывают, что в странах Тропической Африки с низким IQ практически нет атеистов, в то время как среди европейцев и восточных азиатов процент атеистов оказывается существенным (например, 41% в Великобритании, 65% в Японии, 64% в Швеции, 27% в России). Корреляция между национальным IQ и процентом атеистического населения составила 0.60.

Эволюция национальных различий в интеллекте

Интеллект имеет высокую наследуемость, равную приблизительно

80% у взрослого населения. Таким образом, существуют гены (аллели), ответственные за интеллект, и частота генов, ответственных за высокий интеллект, различается у населения разных стран. Мы убеждены, что эти различия в частоте встречаемости таких генов в разных популяциях эволюционировали в соответствии с принципами эволюции, сформулированными Чарльзом Дарвином. Очевидно, что люди с наиболее высоким IQ (восточные азиаты и европейцы) живут в холодных регионах, люди с несколько более низкими значениями IQ живут в более теплых областях, в то время как население Тропической Африки с самыми низкими показателями IQ живет в жарком климате недалеко от экватора. Это соотношение между национальным IQ и климатом было исследовано Д. Темплером и Х. Арикавой (Templer, Arikawa, 2006), которые показали, что существует корреляция на уровне 0.66 между самой низкой температурой в зимнее время и интеллектом стран.

Нам представляется, что объяснение этому факту связано с эволюцией от обезьяны к человеку, происходившей в Тропической Африке в течение последних четырех миллионов лет. Приматы, от которых произошел человек, жили приблизительно 60 миллионов лет как травоядные в тропических и субтропических районах экваториальной Африки, где растительная пища была доступна в течение всего года. Возникшие в экваториальной Восточной Африке гоминиды также остались преимущественно травоядными. И в настоящее время охотники-собиратели, живущие в тропических и суб-

тропических широтах, продолжают питаться в основном растительной пищей, которая доступна круглый год (Lee, 1968; Tooby and de Vore, 1997).

Около 100 000 лет назад группы *Homo sapiens* начали мигрировать из экваториальной Африки в другие регионы мира, и около 30 000 лет назад они заняли практически весь земной шар (Cavalli-Sforza, Menozzi and Piazza, 1994). Люди, которые мигрировали из тропической и субтропической экваториальной Африки в Северную Африку, Азию, Европу и Америку, очевидно, столкнулись с трудностями выживания в умеренном и холодном поясах Земли, где растительная пища отсутствовала в течение нескольких зимних и весенних месяцев. Это проблема была особенно острой в течение последнего ледникового периода. Для того чтобы выжить, людям приходилось охотиться на больших животных, совершенствовать орудия труда и оружие, учиться запасать пищу, строить укрытия, добывать огонь и шить одежду, чтобы сохранять тепло. Это была новая окружающая среда, предъявляющая такие требования к когнитивным ресурсам, в соответствии с которыми выживал тот, кто обладал более высоким интеллектом. Чем холоднее зимы, тем сильнее должно было быть давление отбора, приводящее к развитию более высокого интеллекта. Это объясняет связь между зимней температурой и национальным IQ, показанную Д. Темплером и Х. Арикавой (Templer, Arikawa, 2006). Для обеспечения функционирования более высокого интеллекта, у людей, мигрировавших из Африки, развивается мозг

большого объема. Так, средний объем мозга у восточных азиатов составляет 1.416 см³, у европейцев — 1.369, у южных азиатов и северных африканцев — 1.293, а у жителей Тропической Африки — 1.200. Размер мозга коррелирует с интеллектом на уровне приблизительно 0.40 (Vernon, Wickett, Bazana and Stelmack, 2000).

Национальные различия в интеллекте, креативности и творческих достижениях

В целом национальные различия в интеллекте соответствуют вкладам, которые разные народы внесли в развитие цивилизаций, и их творческим достижениям в естественных науках, математике, технических и прикладных науках, в искусстве. Народы Южной Азии, Северной Африки, Европы и Китая создали первые цивилизации, ими было развито сельское хозяйство, изобретено письмо и счет, сделаны астрономические наблюдения, созданы города с большими зданиями. Ничего подобного не возникло в Тропической Африке. Творческие достижения разных народов в последние 2.5 тысячи лет были зафиксированы Ч. Мюрреем (Murray, 2003). Он показал, что восточные азиаты и европейцы в наибольшей степени прославились творческими достижениями, а южные азиаты, северные африканцы и юго-восточные азиаты — чуть меньше. Практически ничего не было сделано жителями Тропической Африки.

Несмотря на эти общие закономерности, существует несоответствие между высоким IQ восточных азиатов, высокими достижениями их

школьников в математике и естественных науках, с одной стороны, и меньшим, по сравнению с европейцами, количеством творческих достижений в искусстве и науках — с другой. Ч. Мюррей показал, что в то время как жители Восточной Азии имеют более высокий интеллект, а их школьники демонстрируют более высокие способности в математике и естественных науках, европейцам принадлежит большее число творческих достижений (Murray, 2003). Ч. Мюррей утверждает, что до 1600 г. прогресс восточных азиатов и европейцев в технических творческих достижениях был приблизительно одинаков. Китайцы изобрели каналы со шлюзами, бумагу и печать, бумажные деньги, порох и магнитный компас задолго до европейцев, имели хорошо развитую математику и обладали знаниями по астрономии. С другой стороны, Восточная Азия не добилась тех фундаментальных успехов в естественнонаучной и математической теории, которых добилась Европа в период около 1600 г. Ч. Мюррей пишет: «В Китае не было ни Евклида, ни корпуса математических знаний, начинающегося с самого первого допущения. Во времена империи Сун (960–1279 гг.) китайские астрономы правильно определяли причины солнечного и лунного затмений. Но опять же у них не было ни теории, ни птоломеевского описания Вселенной. Китайцы просто открывали определенные вещи» (Murray, 2003, p. 38–89). То же можно сказать и о японцах, про которых Ч. Мюррей пишет: «Даже сегодня можно наблюдать, что японские технологические достижения существенно

превосходят объем их оригинальных открытий» (Murray, 2003, p. 399).

Ч. Мюррей приходит к выводу, что, несмотря на впечатляющие технологические успехи, восточные азиаты никогда не могли сравниться с европейцами по высокому уровню творческих достижений. Превосходство европейцев стало еще более очевидным в период с 1600 года по настоящее время. По оценкам Ч. Мюррея, 97% значимых творческих достижений последних 400 лет были сделаны европейцами: «Современная Европа имеет существенное превосходство достижений как в искусстве, так и в науке... человек является сегодня тем, что он есть, в поразительной степени благодаря тому, что было достигнуто в течение полудюжины веков населением одной маленькой части евразийского континента» (Murray, 2003, p. 264).

Выводы Ч. Мюррея были подтверждены физиком, ставшим историком, — Мишелем Хартом (Hart, 2007). Он пишет, что «самым близким соперником Европы был Китай... но даже в течение периода, когда Китай в целом был более развит по сравнению с Европой, китайцы никогда не приближались к достижениям греков в математике и естественных науках» (Hart, 2007, p. 324).

Чтобы найти количественную меру достижений разных наций, мы посчитали количество Нобелевских лауреатов в области естественных наук (химия, физика и медицина), по литературе и экономике, а также количество медалистов Филдсовской премии — самой престижной премии за выдающиеся достижения в математике. Нобелевскую премию начали присуждать в 1901 г., за ис-

ключением сферы экономики, за заслуги в которой премия стала присуждаться с 1969 г. Филдсовская премия вручается с 1936 г. Различия государств в количестве полученных премий представлены в табл. 2. Для оценки достижений наций необходимо рассматривать количество полученных премий с учетом размера популяции. Последний (по данным на середину XX в.) приведен в первой строке таблицы. Следующие строки содержат количество нобелевских лауреатов по естественным наукам, литературе (единственный африканец — нигериец Воле Шойинка; в таблице не учтены представители смешанных рас Дерек Уолкотт — Вест-Индия и Тони Моррисон — Америка) и экономике (без учета представителя смешанной расы Артура Льюиса — Вест-Индия). В следующей строке приведено количество математиков, удостоившихся Филдсовской премии. В двух последних строках — общее количество премий и общее количество премий на миллион населения. Очевидно, что европейцы получили гораздо больше премий с учетом размера населения — более чем в двадцать раз больше премий, чем восточные азиаты, более чем в пятьдесят раз больше, чем южные азиаты и северные африканцы, и приблизительно в 200 раз больше, чем африканцы. Ни одна премия не была получена жителями Юго-Восточной Азии.

Европейцы обладают превосходством в творческих достижениях и вместе с тем в среднем имеют более низкий IQ и более низкие достижения школьников в области математики и естественных наук, чем восточные азиаты. Как можно объяснить

это несоответствие? Представляется, что европейцы имеют какое-то преимущество, которое отсутствует у жителей Восточной Азии. Иногда ответ на этот вопрос состоит в том, что восточные азиаты являются конформистами и это подавляет творчество, которое неизбежно подразумевает несогласие или отход от социальных норм и принятых стереотипов мышления. Ч. Мюррей писал о «клише, согласно которому у восточных азиатом много ума, но недостает креативных способностей» (Murray, 2003, p. 38) и что «неодобрение открытой дискуссии наносит урон науке в Восточной Азии в плане возможности строить здание общего знания. Прогресс науки на Западе стимулировался полными энтузиазма, непрекращающимися спорами соревнующихся сторон, целью которых было оказаться на вершине. Восточная Азия не имела культурных средств

для поддержки подобных состязаний». Сходная идея высказывалась Ю. Алликом и А. Реало, которые утверждают, что европейцы являются «индивидуалистами», а восточные азиаты — «коллективистами». Они пишут о том, что «в коллективистских культурах Восточной Азии человек подчиняет свои личные цели коллективной задаче... в то время как на индивидуалистичном Западе большинство людей считаются отдельными и автономными, они живут согласно со своими личными целями» (Allik, Realo, 2004, p. 33). Подчиненность личных целей коллективным, характерная для Восточной Азии, не способствует творческим достижениям, для которых необходимо выдвигать личные цели на первый план. Таким образом, скорее именно тип индивидуалистичной личности, в большей степени характерный для европейцев,

Табл. 2

Количество населения (в миллионах), лауреаты Нобелевской премии, медалисты Филдсовской премии и общее количество достижений на миллион населения (с 1901 по 2006 гг.)

	Европа	Восточная Азия	Южная Азия и Северная Африка	Тропическая Африка
Численность населения (миллионы)	933	878	872	300
Нобелевские лауреаты: естественные науки	357	14	5	0
Нобелевские лауреаты: литература	91	3	4	1
Нобелевские лауреаты: экономика	51	0	1	0
Филдсовская премия: математика	42	5	0	0
Всего	541	22	10	1
На миллион	0.580	0.025	0.011	0.003

будет соответствовать творческим проявлениям.

Сходные наблюдения касаются других народов Восточной Азии. Говоря о японцах, Н. Шиота, С. Краус и Л. Кларк замечают, что «популярные и научные характеристики японцев часто подчеркивают их стремление поддерживать гармонию с другими внутри группы» (Shiota, Kraus, Clark, 1996, p. 84), а К. Хан пишет о корейцах, что «обычно их высшей ценностью является сохранение хороших отношений с другими людьми своей группы» (Han, 1996, p. 90). Этот приоритет сохранения групповой гармонии подчиняет личные цели коллективной и, по всей видимости, подавляет творческое мышление.

Эта теория была разработана полвека назад Дж. Нидхамом (Needham, 1956), который осуждал конфуцианство, поощряющее практическое применение технического прогресса, но отрицающее важность теоретического объяснения. Однако объяснение конформизма китайцев влиянием конфуцианства сомнительно, поскольку японцы и корейцы демонстрируют те же черты, но не являются приверженцами конфуцианства. По всей видимости, конформизм является общей особенностью восточных азиатов, а не культурной особенностью Китая.

Теория о том, что европейцы более креативны, чем восточные азиаты, и что это является причиной превосходства первых в творческих достижениях, находит подтверждение в исследованиях национальных различий личностной черты «открытость опыту», определяемой как «относящаяся к научной и художественной креативности, дивергент-

ному мышлению и политическому либерализму. Сущность этого измерения — открытость чувствам и новым идеям, гибкость мышления» (Wang, Erdheim, 2007, p. 1495). Дж. Маккрей осуществил обзор исследований по этой теме и показал, что шкала *Открытости опыту* коррелирует на уровне около 0.40 с различными показателями креативности, включая дивергентное мышление (McCrae, 1987). Он приходит к выводу, что «эти данные свидетельствуют о том, что креативность особенно связана с таким личностным измерением, как открытость опыту» (McCrae, 1987, p. 1258).

Данные по *Открытости опыту* для 64 стран приведены у Р. Линна (Lynn, 2007). За среднее в 50 (и стандартное отклонение = 10), по отношению к которому вычислялись показатели каждой страны, взято среднее значение для Соединенных Штатов. Среднее значения для 35 стран, преимущественно населенных европейцами, составило 50.10. Среднее по 6 странам Восточной Азии оказалось равным 44.15 (значения для каждой из стран существенно ниже европейского среднего). Среднее для 11 стран Южной Азии и Северной Африки составило 49.20. Среднее для 6 стран Тропической Африки равно 47.40. Имеются также результаты для 4 стран Латинской Америки со средним 51.00.

Таким образом, все 6 стран Восточной Азии имеют низкие показатели по *Открытости опыту*. Их среднее значение 44.15 ниже европейского среднего 50.10 чуть больше, чем на половину стандартного отклонения. В единицах стандартного отклонения (d) среднее для Восточной

Азии на $0.6d$ ниже среднего по Европе. Это можно сравнить с преимуществом восточных азиатов в интеллекте в 6 баллов, что составляет $0.4d$. Следовательно, преимущество Восточной Азии в $0.4d$ в IQ компенсируется преимуществом европейцев в $0.6d$ в креативности. Преимущество европейцев в креативности больше, чем преимущество восточных азиатов в интеллекте. Мы предполагаем, что это объясняет относительно невысокие творческие достижения восточных азиатов по сравнению с европейцами. Как считает Ч. Мюррей и другие авторы, несмотря на более высокий IQ, жители Восточной Азии менее креативны, чем жители Европы.

Предполагается, что низкий уровень креативности восточных азиатов является результатом генетической адаптации к очень суровым условиям их территории во времена последнего ледникового периода. Креативность предполагает несогласие и неподчинение групповым нормам, примером чему являются работы Г. Галилея и Ч. Дарвина. Несогласие и неподчинение было бы невыгодно в суровых условиях Восточной Азии, где сообщества, очевидно, нуждались в высокой степени кон-

формности, чтобы сохранить гармоничные социальные отношения, необходимые для кооперации во время охоты, изготовления орудий и дельца пищи. В таких жестких условиях независимый неконформный креативный гений был бы помехой для выживания группы и, видимо, поэтому гены, отвечающие за такое поведение, подверглись сокращению.

Заключение

В зрелых науках используется небольшое количество конструкторов для объяснения широкого круга феноменов. В естественных науках — это сила тяжести и энергия, объясняющие наблюдаемые в физике, химии и астрономии явления. В биологических науках большое количество явлений объясняется теорией естественного отбора. В социальных науках интеллект становится объединяющим конструктором, который объясняет широкий круг феноменов в психологии, экономике и социологии, в том числе индивидуальные различия в образовании, доходе, грамотности, продолжительности жизни и религиозных убеждениях.

Перевод с англ. Е.А. Валуевой

Литература

- Allik J., Realo A.* Individualism-collectivism and social capital // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2004. 35. 29–49.
- Carroll J.B.* Human Cognitive Abilities. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Cavalli-Sforza L.L., Menozzi P., Piazza A.* The History and Geography of Human Genes. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994.
- Han K.* The Korean MMPI-2 // J.N. Butcher (ed.). *International Adaptations of the MMPI-2*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1996.
- Hart M.* Understanding Human History. Athens, GA: Washington Summit Books, 2007.

- Hunt E., Wittmann W.* National intelligence and national prosperity // *Intelligence*. 2008. 36. 1–9.
- Irwing P., Lynn R.* The relation between childhood IQ and income in middle age // *Journal of Social, Political and Economic Studies*. 2006. 31. 191–196.
- Jencks C.* *Inequality*. London: Penguin, 1972.
- Kanazawa S.* IQ and the wealth of states. *Intelligence*. 2006. 34. 593–601.
- Kaufman A.S., McClean J.E., Reynolds C.R.* Sex, race, region and education differences on the 11 WAIS-R subtests // *Journal of Clinical Psychology*. 1988. 44. 231–248.
- Lee R.B.* What hunters do for a living. In *Man the Hunter* // R.B. Lee, I. Devore (eds.). Chicago: Aldine Press, 1968.
- Lynn R.* The social ecology of intelligence in the British Isles // *British Journal of Social and Clinical Psychology*. 1979. 18. 1–12.
- Lynn R.* The social ecology of intelligence in the France // *British Journal of Social and Clinical Psychology*. 1980. 19. 325–331.
- Lynn R.* The social ecology of intelligence in the British Isles, France and Spain // M.P. Friedman, J.P. Das, N. O'Connor (eds.). *Intelligence and Learning*. New York: Plenum, 1981.
- Lynn R.* *Race Differences in Intelligence: An Evolutionary Analysis*. Athens, GA: Washington Summit Publishers, 2006.
- Lynn R.* Race differences in intelligence, creativity and creative achievement // *Mankind Quarterly*. 2007. 48 (2). 157–168.
- Lynn R.* Population IQ and per capita income: regional differences in Italy // Unpublished, 2008.
- Lynn R., Mikk J.* National differences in intelligence and educational attainment // *Intelligence*. 2007. 35. 115–121.
- Lynn R., Vanhanen T.* *IQ and the Wealth of Nations*. Westport, CT: Praeger, 2002.
- Lynn R., Vanhanen T.* *IQ and Global Inequality*. Athens, GA: Washington Summit Publishers, 2006.
- Martin M.O., Mullis I.V.S., Gonzales E.J., Chrostowski S.J.* TIMMS 2003 international science report. Boston, MA: IEA, Boston College, 2004.
- McDaniel M.A.* Estimating state IQ: measurement challenges and preliminary correlates // *Intelligence*. 2006. 34. 607–619.
- Montmollin M.* Le niveau intellectuel des recrues du contingent // *Population*. 1958. 13. 259–268.
- Murray C.* *Income Inequality and IQ*. Washington, DC: AEI Press, 1998.
- Murray C.* *Human Accomplishment*. New York: Harper Collins, 2003.
- Needham J.* *Science and Civilization in China*. Cambridge: Cambridge University Press, 1956.
- Pearce M.S., Deary I.J., Young A.H., Parker L.* Childhood IQ and deaths up to middle age: the Newcastle 1000 families study // *Public Health*. 2006. 120. 1020–1026.
- Plomin R., DeFries J.C., McClearn G.E.* *Behavioral Genetics*. New York: Freeman, 1990.
- Rindermann H.* The g-factor of international cognitive ability comparisons: the homogeneity of results in PISA, TIMMS, PIRLS and IQ tests across nations. 2007.
- Shiota N.K., Krau, S.S., Clark L.A.* Adaptation and validation of the Japanese MMPI-2 // J.N. Butcher (ed.) *International Adaptations of the MMPI-2*. Minneapolis, MN: University & Beals K.L. (1990) Cultural correlates with cranial capacity // *American Anthropologist*. 1996. 92. 193–200.
- Templer D.I., Arikawa H.* Temperature, skin color, per capita income, and IQ: an international perspective // *Intelligence*. 2006. 34. 121–139.

Tooby J., Devore I. The reconstruction of hominid behavioral evolution through strategic modelling // W.G. Kinzey (ed.) *The Evolution of Human Behavior: Primate Models.* Albany, NY: State University of New York Press, 1989.

Vernon P.A., Wickett J.C., Bazana P.G., Stelmack R.M. The neuropsychology and neurophysiology of human intelligence // R. J. Sternberg (ed.) *Handbook of Intelligence.* Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2000.

Wang M., Erdheim J. Does the five-factor model of personality relate to goal orienta-

tion? // *Personality & Individual Differences.* 2007. 43. 1493–1505.

Whetzell D., McDaniel M.A. Prediction of national wealth // *Intelligence.* 2006. 34. 449–458.

Zax J., Rees D.I. IQ, academic performance, environment and earnings. 2002.

Zetterberg J. The impact of cognitive and non-cognitive ability on earnings – Swedish evidence. Unpublished, 2004.

Zuckerman P. Atheism: Contemporary Numbers and Patterns // M. Martin (ed.) *The Cambridge Companion to Atheism.* Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Приложение

Национальный IQ, достижения 15-летних школьников в математике и естественных науках в 2003 г., доход на душу населения (измеренный как ВНД/ППС: валовый национальный доход по паритету покупательной способности в долларах США на 2002 г.), процент грамотного взрослого населения (2002), средняя продолжительность жизни (2002), процент неверующего населения (2003).

	1	2	3	4	5	6	7
Страна	IQ	Математика, 2003	Науки, 2003	Доход на душу населения	Процент грамотности	Средняя продолжительность жизни	Процент атеистов
Австралия	98	506	525	27.440	99.0	79.1	25
Австрия	100	-	-	28.910	99.0	78.5	18
Азербайджан	87	-	-	3.010	97.0	72.1	0.5
Албания	90	-	-	4.960	98.7	73.6	8.0
Алжир	83	-	-	5.530	68.9	69.5	0.5
Ангола	68	-	-	1.840	42.0	40.1	1.5
Андорра	98	-	-	19.000	99.0	83.5	-
Антигуа и Барбуда	70	-	-	10.390	85.8	73.9	-
Аргентина	93	-	-	10.190	97.0	74.1	4.0
Армения	94	470	455	3.230	99.0	72.3	14
Афганистан	84	-	-	700	36.0	43.0	0.5

	1	2	3	4	5	6	7
Багамские острова	84	-	-	15.960	95.5	67.1	-
Бангладеш	82	-	-	1.720	41.1	61.1	-
Барбадос	80	-	-	14.660	99.0	77.1	-
Бахрейн	83	406	442	16.190	88.5	73.9	0.5
Белиз	84	-	-	5.490	76.9	71.5	-
Белоруссия	97	-	-	5.500	99.0	69.9	17
Бельгия	99	534	515	28.130	99.0	78.7	43
Бенин	70	-	-	1.060	39.8	50.7	0.5
Бермудские острова	90	-	-	36.000	98.0	77.6	-
Болгария	93	475	479	7.030	98.6	70.9	34
Боливия	87	-	-	2.390	86.7	63.7	1.0
Босния	90	-	-	5.800	94.6	74.0	-
Ботсвана	70	369	366	7.740	78.9	41.4	0.5
Бразилия	87	-	-	7.450	86.4	68.0	1.0
Бруней	91	-	-	19.210	93.9	76.2	0.5
Буркина-Фасо	68	-	-	1.090	12.8	45.8	0.5
Бурунди	69	-	-	630	50.4	40.8	0.5
Бутан	80	-	-	1.969	47.0	63.0	-
Вануату	84	-	-	2.850	34.0	68.6	-
Великобритания	100	502	540	26.580	99.0	78.1	41
Венгрия	98	526	539	13.070	99.0	71.7	32
Венесуэла	84	-	-	5.220	93.1	73.6	1.0
Вьетнам	94	-	-	2.300	90.3	69.0	81
Габон	64	-	-	5.530	71.0	56.6	-
Гаити	67	-	-	1.610	51.9	49.4	0.5
Гамбия	66	-	-	1.660	37.8	53.9	0.5
Гана	71	282	258	2.080	73.8	57.8	0.5
Гватемала	79	-	-	4.040	69.9	65.7	1.0
Гвиана	87	-	-	3.940	96.5	63.2	-
Гвинея	67	-	-	2.060	41.0	48.9	0.5
Гвинея-Бисау	67	-	-	680	39.6	45.2	-
Германия	99	-	-	26.980	99.0	78.2	42
Гондурас	81	-	-	2.540	80.0	68.8	1.0

	1	2	3	4	5	6	7
Гонконг	108	581	550	27.490	93.5	79.9	-
Гренада	71	-	-	6.600	94.4	65.3	-
Греция	92	-	-	18.770	97.3	78.2	16
Грузия	94	-	-	2.270	99.0	73.5	4
Дания	98	-	-	30.600	99.0	76.6	48
Джибути	68	-	-	2.040	65.5	45.8	-
Доминика	67	-	-	4.960	76.4	73.1	-
Доминиканская Республика	82	-	-	6.270	84.4	66.7	7
Египет	81	406	423	3.810	55.6	68.6	0.5
Замбия	71	-	-	800	79.9	32.7	0.5
Зимбабве	66	-	-	2.180	90.0	33.9	4
Израиль	95	492	489	19.000	95.3	79.1	5
Индия	82	-	-	2.650	61.3	63.7	3
Индонезия	87	413	426	3.070	87.9	66.6	1.5
Иордания	84	428	476	4.180	90.9	70.9	0.5
Ирак	87	-	-	1.600	58.0	62.0	0.5
Иран	84	414	458	6.690	77.1	70.1	4.5
Ирландия	92	-	-	29.570	99.0	76.9	-
Исландия	101	-	-	29.240	99.0	79.9	16
Испания	98	-	-	21.910	97.7	79.2	15
Италия	102	483	493	26.170	98.5	78.7	15
Йемен	85	-	-	800	49.0	59.8	0.5
Кабо-Верде	76	-	-	4.920	75.7	70.0	-
Казахстан	94	-	-	5.630	99.0	66.2	12
Камбоджа	91	-	-	1.970	69.4	57.4	7
Камерун	64	-	-	1.910	67.9	46.8	0.5
Канада	99	-	-	28.930	99.0	79.3	22
Катар	78	-	-	19.844	84.2	72.0	-
Кения	72	-	-	1.010	84.3	45.2	0.5
Кипр	91	459	444	18.650	96.8	78.2	-
Киргизия	90	-	-	1.560	97.0	68.4	7
Кирибати	85	-	-	800	86.0	62.0	-
Китай	105	-	-	4.520	90.9	70.9	12
Колумбия	84	-	-	6.150	92.1	72.1	1.0

	1	2	3	4	5	6	7
Коморские Острова	77	-	-	1.640	56.2	60.6	-
Конго (Браззавиль)	65	-	-	700	82.8	41.4	2.7
Конго (Заир)	64	-	-	650	62.7	48.3	-
Корея, Северная	106	-	-	1.000	99.0	61.0	-
Корея, Южная	106	585	550	16.960	97.9	75.4	30
Коста-Рика	89	-	-	8.650	95.8	78.0	1.0
Кот-д'Ивуар	69	-	-	1.450	49.7	41.2	0.5
Куба	85	-	-	5.259	96.9	76.7	40
Кувейт	86	-	-	17.780	82.9	76.5	0.5
Лаос	89	-	-	1.660	66.4	54.3	5
Латвия	98	507	512	9.190	99.0	70.9	20
Лесото	67	-	-	2.970	81.4	36.3	-
Либерия	67	-	-	1.000	55.9	47.0	0.5
Ливан	82	432	396	4.600	86.5	73.5	3
Ливия	83	-	-	7.570	81.7	72.6	0.5
Литва	94	500	518	10.190	99.0	72.5	13
Люксембург	100			53.230	99.0	78.3	-
Маврикий	89	-	-	10.820	84.3	71.9	-
Мавритания	76	-	-	1.790	41.2	52.3	0.5
Мадагаскар	82	-	-	730	67.3	53.4	0.5
Македония	91	435	451	6.420	96.0	73.5	-
Малави	69	-	-	570	61.8	37.8	0.5
Малайзия	92	505	510	8.500	88.7	73.0	0.5
Мали	69	-	-	840	19.0	48.5	0.5
Мальдивы	81	-	-	4.798	97.2	67.2	-
Мальта	97	-	-	17.710	92.6	78.3	-
Марокко	85	390	399	3.730	50.7	68.5	0.5
Маршалловы Острова	84	-	-	1.600	93.7	65.0	-
Мексика	88	-	-	8.800	90.5	73.3	4.5
Микронезия	84	-	-	2.000	89.0	68.0	-
Мозамбик	64	-	-	990	46.5	38.5	5
Молдавия	96	457	471	1.600	99.0	68.8	6

	1	2	3	4	5	6	7
Монголия	100	-	-	1.710	97.8	63.7	20
Мьянма (Бирма)	87	-	-	1.027	85.3	57.2	-
Намибия	70	-	-	6.880	83.3	45.3	4
Непал	78	-	-	1.370	44.0	59.6	0.5
Нигер	69	-	-	800	17.1	46.0	0.5
Нигерия	69	-	-	800	66.8	51.6	0.5
Нидерланды	100	535	532	28.350	99.0	78.3	42
Никарагуа	81	-	-	2.350	76.6	69.4	1.0
Новая Зеландия	99	497	518	20.550	99.0	78.2	22
Новая Каледония	85			21.960	91.0	73.0	-
Норвегия	100	465	496	36.390	99.0	78.9	31
Объединенные Арабские Эмираты	84	-	-	24.030	77.3	74.6	0.5
Оман	83	-	-	13.000	74.4	72.3	0.5
Острова Кука	89	-	-	5.000	95.0	67.0	-
Пакистан	84	-	-	1.960	41.5	60.8	0.5
Панама	84	-	-	6.060	92.3	74.6	1.0
Папуа-Новая Гвинея	83	-	-	2.180	64.6	57.4	-
Парагвай	84	-	-	4.590	91.6	70.7	1.0
Перу	85	-	-	4.880	85.0	69.7	1.0
Польша	99	-	-	10.450	99.0	73.8	3
Португалия	95	-	-	17.820	92.5	76.1	4
Пуэрто-Рико	84	-	-	15.800	94.1	76.0	-
Россия	97	505	512	8.080	99.0	66.7	27
Руанда	70	-	-	1.260	69.2	38.9	0.5
Румыния	94	472	472	6.490	97.3	70.5	4
Самоа (Западное)	88	-	-	5.570	98.7	69.8	-
Сан-Томе	67	-	-	1.317	83.1	69.7	-
Саудовская Аравия	84	339	398	12.660	77.9	72.1	0.5
Свазиленд	68	-	-	4.730	80.9	35.7	-

	1	2	3	4	5	6	7
Северные Марианские острова	81	-	-	12.500	97.0	75.7	-
Сейшельские острова	86	-	-	18.232	91.9	72.7	-
Сенегал	66	-	-	1.540	39.3	52.7	0.5
Сент-Винсент	71	-	-	5.190	83.1	74.0	-
Сент-Китси Невис	67	-	-	10.750	97.8	70.0	-
Сент-Люсия	62	-	-	4.950	94.8	72.4	-
Сербия	89	473	468	2.300	93.0	74.4	-
Сингапур	108	596	569	23.730	92.5	78.0	13
Сирия	83	-	-	3.470	82.9	71.7	0.5
Словакия	96	505	517	12.590	99.0	73.6	17
Словения	96	492	520	18.480	99.0	76.2	35
Соломоновы острова	84	-	-	1.590	76.6	69.0	-
Сомали	68	-	-	500	37.8	47.0	0.5
Судан	71	-	-	1.740	59.9	55.5	-
Суринам	89	-	-	6.590	94.0	71.0	-
США	98	502	526	36.120	99.0	77.0	10
Сьерра Леоне	64	-	-	500	36.0	34.3	0.5
Таджикистан	87	-	-	930	99.0	68.6	2
Таиланд	82	-	-	6.890	92.6	69.1	0.5
Тайвань	105	580	565	23.400	96.1	77.1	24
Танзания	72	-	-	580	77.1	45.5	0.5
Тимор-Лешти	87	-	-	500	58.6	49.3	-
Того	70	-	-	1.450	59.6	49.9	0.5
Тонга	86	-	-	6.820	98.8	68.4	-
Тринидад и Тобаго	85	-	-	9.000	98.5	71.4	9
Тунис	83	409	412	6.440	73.2	72.7	0.5
Туркменистан	87	-	-	4.780	98.8	66.9	2
Турция	90	-	-	6.300	86.5	70.4	-
Уганда	73	-	-	1.360	68.9	45.7	0.5

	1	2	3	4	5	6	7
Узбекистан	87	-	-	1.640	99.0	62.5	4
Украина	97	-	-	4.800	99.0	69.5	20
Уругвай	96	-	-	7.710	97.7	75.2	12
Фиджи	85	-	-	5.330	92.9	69.6	-
Филиппины	86	380	378	4.450	92.6	69.8	0.5
Финляндия	99	-	-	26.160	99.0	77.9	28
Франция	98	-	-	27.040	99.0	78.9	44
Хорватия	90	-	-	10.000	98.1	74.1	7
Центральная Африканская Республика	64	-	-	1.170	48.6	39.8	1.5
Чад	68	-	-	1.010	45.8	44.7	0.5
Чешская Республика	98	-	-	14.920	99.0	75.3	61
Чили	90	394	421	9.420	95.7	76.0	2
Швейцария	101	-	-	31.840	99.0	79.1	17
Швеция	99	499	522	25.820	99.0	80.0	64
Шри-Ланка	79	-	-	3.510	92.1	72.5	0.5
Эквадор	88	-	-	3.340	91.0	70.7	1.0
Экваториальная Гвинея	64	-	-	9.100	84.2	49.1	-
Эль-Сальвадор	80	-	-	4.790	79.7	70.6	1.0
Эритрея	68	-	-	1.040	56.7	52.7	-
Эстония	99	531	548	11.630	99.0	71.6	49
Эфиопия	64	-	-	780	41.5	45.5	0.5
Южная Африка	72	278	257	9.810	86.0	48.8	1.0
Ямайка	71	-	-	3.860	87.6	75.6	3
Япония	105	569	546	27.380	99.0	81.5	65

Короткие сообщения

**ДИНАМИКА ВОСПРИЯТИЯ
ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ОСОБЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА ПО ВЫРАЖЕНИЮ
ЕГО ЛИЦА В МИКРОИНТЕРВАЛАХ ВРЕМЕНИ**

В.А. БАРАБАНЩИКОВ, А.А. ДЕМИДОВ

Восприятие индивидуально-психологических особенностей партнера по общению совершается не мгновенно; это процесс, который определяется различными обстоятельствами — личностными особенностями субъекта восприятия, его коммуникативным опытом, принадлежностью общающихся к определенным этносам, ситуацией общения и т. п. Важным фактором, влияющим на процесс межличностного восприятия, является продолжительность взаимодействия партнеров по общению. В более ранних исследованиях

было показано, что по фотоизображению целого лица анфас до двух третей индивидуально-психологических особенностей натурщиков оцениваются верно¹ (Барабанщиков, Носуленко, 2004; Федосеевская, 2003). Однако в этих работах время восприятия не ограничивалось, в связи с чем закономерности формирования перцептивного образа партнера по общению (Он-концепции) остаются невыясненными. Изменяется ли оценка индивидуально-психологических особенностей партнера по общению, если продолжительность

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-06-00302а.

¹Здесь и далее словосочетания «верность», «точность» и «адекватность» оценок используются как синонимичные понятия, которые отражают совпадение оценки зрителем личностной черты воспринимаемой модели и самооценки модели по данной же черте. Таким образом, речь идет скорее о «функциональной адекватности» межличностной оценки восприятия, нежели о ее «гносеологической адекватности»; обсуждение проблемы соотношения самооценки той или иной личностной черты человеком и ее «действительной» выраженности у него выходит за рамки данной работы.

взаимодействия с ним будет минимальной? Если изменятся, то как? Как соотносятся механизмы межличностного восприятия, определяющие формирование образа партнера, в микроинтервалах времени? Поиск ответов на поставленные вопросы привел к следующему исследованию.

Методика

Идея исследования построена на сопоставлении черт личности натурщика, зрителя (испытуемого) и оценок зрителем индивидуально-психологических особенностей натурщика по изображению его лица. В целом она повторяет методику В.А. Барабанщикова и С.М. Федосеевской (Федосеевская, 2003; Барабанщиков, Носуленко, 2004).

В исследовании принимало участие пять независимых выборок испытуемых. Каждому из них на экране монитора компьютера последовательно демонстрировалось одно из шести фотоизображений натурщиков (четыре женщины и двух мужчин в возрасте от 20 до 30 лет) до плечевого пояса анфас. Испытуемые оценивали выраженность индивидуально-психологических особенностей натурщиков, изображенных на фотографиях, с помощью шкал личностного дифференциала. Перед началом эксперимента определялись личностные профили как испытуемых, так и натурщиков с использованием тех же шкал личностного дифференциала. Главным отличием выборок было время экспозиции фотоизображений на экране монитора: для первой выборки время экспозиции составляло 50 мс, для вто-

рой — 100 мс, для третьей — 200 мс, для четвертой — 3 с и для пятой — 30 с. Перед началом основной серии эксперимента испытуемые проходили тренировку. Им предъявлялись несколько фотоизображений лиц при том времени экспозиции, которое было впоследствии использовано в экспериментальной серии. Фотоизображения лиц в тренировочной и основной серии не совпадали.

Методика «Личностный дифференциал» включает набор шкал с семью градациями между полюсами. Крайние значения шкал («3») характеризуют предельную выраженность личностной черты; к центральному значению («0») по инструкции испытуемые обращались тогда, когда обе альтернативные черты, представленные полюсами шкалы, присутствовали в равной степени или когда испытуемый затруднялся сделать соответствующую оценку. Таким образом, частота обращения к значению «0» является косвенным показателем трудности/сложности выполняемой оценки.

Для удобства обработки «сырых» данных исходные балльные значения перекодировались от 1 до 7; так же уменьшалась степень градации шкал с семи до трех. Так, оценки в 1, 2, 3 балла приняли условное значение 1, оценка 4 — 2, а 5, 6, 7 — 3. Уменьшение «мерности» оценочных шкал использовалось для исключения влияния эффекта сверхтрудности выполняемой задачи на выявление общих тенденций межличностного восприятия. Правомерность и обоснованность данной процедуры обсуждалась в других работах (см. Болдырев, 2006; Барабанщиков, Болдырев 2006; Барабанщиков,

Носуленко, 2004; Федосеевкова, 2003 и др.).

В общей сложности в исследовании приняло участие 125 человек — пять групп по 25 человек, студентов московских и нижегородских вузов, в возрасте от 17 до 26 лет.

При обработке экспериментальных данных анализировались следующие процессы межличностного восприятия (Барабанчиков, Носуленко, 2004): 1) *консонанс* (С) — совпадение значений шкал в профилях натурщика и зрителя; 2) *резонанс* (R) — совпадение значений одних и тех же шкал в профилях натурщика, зрителя и оценки натурщика зрителем; 3) *проекция* (P) — совпадение значений одних и тех же шкал в оценочном профиле и профиле индивидуально-психологических особенностей зрителя при их отсутствии в профиле личности натурщика; 4) *интроекция* (I) — совпадение значений шкал оценочного профиля и профиля натурщика, отсутствующих в личностном профиле зрителя; 5) *атрибуция* (A) — значения шкал оценочного профиля, которые не соответствуют ни профилю зрителя, ни профилю натурщика.

С точки зрения психологической интерпретации, величина консонанса указывает на близость индивидуально-психологических особенностей зрителя и модели. Резонанс выражает совокупность общих черт личности коммуникантов. Перенос собственных свойств воспринимающего, которых он в действительности лишен, на личность модели характеризует проекцию. Ее противоположностью является интроекция, или обнаружение действительных черт личности модели, отсутствующих у

воспринимающего. Наконец, атрибуция означает наделение модели индивидуально-психологическими особенностями, которыми не обладает ни модель, ни воспринимающий субъект. Необходимо отметить, что перечисленные механизмы носят операциональный характер и составляют единую систему механизмов межличностного восприятия.

Статистическая обработка проводилась с использованием статистического пакета SPSS 11.0. Для сравнения пяти независимых выборок по уровню выраженности изучаемых признаков использовался непараметрический аналог однофакторного дисперсионного анализа Н Краскала–Уоллеса. Для попарного соотнесения выборок с целью конкретизации направления выявленных различий изучаемых признаков использовался критерий U Манна–Уитни (см. Наследов, 2004).

Результаты

Средние доли резонанса, проекции, интроекции и атрибуции в формировании образа натурщика при различных значениях времени экспозиции представлены в табл. 1.

Согласно полученным данным, значения резонанса при времени экспозиции 50 и 200 мс статистически достоверно выше, чем при времени экспозиции 30 с. Значения проекции и интроекции при времени экспозиции 50 и 200 мс ниже, чем при времени экспозиции 30 с, показатели атрибуции статистически достоверно не различаются.

Таким образом, в ходе перцептогенеза межличностного восприятия дифференцируются три эксцесса —

Табл. 1

Значения механизмов межличностного восприятия при различном времени экспозиции

	50 мс	100 мс	200 мс	3 с	30 с	Статистическая значимость различий, критерий Н Краскала-Уоллеса
Резонанс	46.13 (17.51)	42.06 (18.43)	44.89 (18.98)	43.62 (20.92)	39.37 (19.34)	$p = 0.026$
Проекция	9.90 (7.87)	11.75 (10.46)	9.05 (6.38)	11.14 (8.32)	12.44 (9.71)	$p = 0.046$
Интроекция	12.03 (8.15)	13.11 (9.89)	11.97 (9.16)	14.00 (11.33)	14.13 (8.50)	$p = 0.094$
Атрибуция	31.94 (17.65)	33.08 (16.65)	34.10 (18.06)	31.24 (16.44)	34.06 (16.88)	$p = 0.484$

Примечание. Первое значение в ячейках — среднее арифметическое, второе — стандартное отклонение. Все значения даны в процентах.

50 мс, 200 мс и 30 с. Независимо от времени экспозиции зрители верно оценивают около 55 % черт личности натурщиков (сумма значений резонанса и интроекции), при этом большая их часть (около 40 %) связана с Я-концепцией зрителя.

Анализ сложности оценки индивидуально-психологических особенностей

Выше отмечалось, что к значению «0» в шкалах «Личностного дифференциала» испытуемый прибегал в том случае, когда оценка выражено-

сти индивидуально-психологической черты была затруднена, либо когда считал, что оба полюса данной особенности выражены в одинаковой степени. Поэтому число (частота) выбора «0» выступает как косвенный признак сложности оценки индивидуально-психологических особенностей.

Средние значения обращения испытуемых к значению «0» по всем шести натурщикам при различном времени экспозиции представлены в табл. 2.

Сравниваемые выборки статистически достоверно различаются

Табл. 2

Значения показателя «сложность восприятия» при различном времени экспозиции

	50 мс	100 мс	200 мс	3 с	30 с
Среднее (%)	10.00	6.79	8.32	8.89	11.68
Стандартное отклонение	12.45	11.09	9.30	9.19	12.79

($p < 0.001$) по уровню выраженности значений «сложность восприятия».

Результаты попарного соотнесения значений с помощью критерия U Манна–Уитни показывают, что сложность межличностного восприятия при 100 мс достоверно ниже, чем при остальных значениях экспозиции. При 200 мс сложность меньше, чем при 30 с. Таким образом, наиболее трудной для испытуемых была оценка личности при 50 мс и 30 с, легче оценивались фотоизображения при 200 мс и 3 с и очень легко при 100 мс.

Отметим также, что в табл. 2 представлены средние значения сложности восприятия по всем шести натурщикам, т. е. данные значения отражают не сложность восприятия конкретных лиц при определенных временных условиях, а сложность восприятия индивидуально-психологических особенностей натурщиков вообще, относительно каждого из значений времени экспозиции.

Обсуждение результатов

Рассматривая в целом зависимость значений резонанса, проекции и интроекции от времени экспозиции, нетрудно заметить, что почти все эксцессы связаны с тремя временными условиями — 50 мс, 200 мс и 30 с. Так, значения резонанса статистически выше при 50 и 200 мс по сравнению со значением при 30 с. Значения проекции и интроекции статистически ниже при 50 и 200 мс по сравнению с 30 с. Значения же атрибуции при всех экспозициях остаются неизменными. Это позволяет говорить о том, что соотношение основных механизмов межличностного восприятия на разных эта-

пах формирования Он-концепции оказывается различным. Если на начальном этапе (в интервале 50–200 мс) определяющую роль играет Я-концепция, то на завершающем этапе (в интервале 3–30 с) — коммуникативный опыт субъекта восприятия. Динамика значений механизмов межличностного восприятия, зарегистрированных для экспозиций 50 мс, 200 мс и 30 с, не образует линейной зависимости от меньшего к большему или наоборот. Полученный результат согласуется с данными исследований микродинамики восприятия экспрессий и концепцией стадильности восприятия выражения лица (Барабанщиков, 2002; Барабанщиков, Жегалло, Хрисанфова, 2007; Жегалло, 2007). Согласно указанным работам, идентификация экспрессий лица на интервалах 100–200 мс, 200 мс – 3 с, 3 с – 30 с совершается по-разному и опирается на различные признаки выражения лица.

Вместе с тем новые данные имеют и существенные отличия. Так, уже к 50 мс испытуемые адекватно воспринимают порядка 60 % личностных особенностей натурщиков (сумма значений резонанса и интроекции). Более того, при различном времени экспозиции данное значение не претерпевает существенных изменений, оставаясь приблизительно на одном уровне. Это может свидетельствовать либо о том, что представление о партнере уже сложилось и не подвержено существенным трансформациям, либо о том, что становление Он-концепции определяется не столько временем предъявления фотоизображения, сколько интерпретацией воспринимающего.

В этой связи полезно различать понятия Он-концепция и Он-образ (Барабанщиков, Носуленко, 2004). Под Он-концепцией имеется в виду представление о партнере по общению как личности, его оценка и отношение к нему. Он-концепция включает интеллектуальные, рефлексивные и социокультурные аспекты межличностного восприятия. Он-образ выражает чувственную основу Он-концепции и проявляется в наглядном представлении о внешности коммуниканта. Поэтому результаты выполненного исследования скорее отражают становление Он-концепции, чем Он-образа. Последний складывается в течение 30–50 мс (Барабанщиков, Жегалло, Хрисанфова, 2007; Хрисанфова, 2004) и включается в структуру Он-концепции, которая носит инвариантный характер.

Как отмечалось, частота обращения испытуемых к среднему значению — «0» — является косвенным показателем субъективной сложности оценки личностных особенностей. Пик сложности достигается при 50 мс и при 30 с, наименее сложной оказывается экспозиция в 100 мс. Это позволяет провести параллель между оценками личностных особенностей и экспрессий воспринимаемого лица. Так, в исследованиях Л.А. Хрисанфовой (2004), В.А. Барабанщикова (2004), А.В. Жегалло (Барабанщиков, Жегалло, Хрисанфова, 2007) отмечается, что с сокращением времени экспозиции идентификация экспрессий упрощается. Исходя из представленных данных, можно говорить о границе, локализованной между 50 и 100 мс, ниже которой сложность оценки вновь повышается. Вместе с тем име-

ется и верхняя граница (между 3 и 30 с), выше которой сложность оценки также увеличивается. Данные индивидуальных бесед с испытуемыми после эксперимента свидетельствуют о том, что условия оценки натурщиков при времени экспозиции 50 мс переживаются как некомфортные и субъективно более трудные. Некоторые испытуемые в тренировочной серии, и порой в основной экспериментальной, эмоционально отмечали, что они ничего не видели, кроме вспышки и некоего объекта, похожего на лицо. При экспозиции 100 и 200 мс большинство испытуемых отметили на достаточность времени: по словам одного из наблюдателей, «больше и не надо». При экспозиции в 30 с испытуемые вновь указывали на некомфортность и субъективную трудность оценивания; многие говорили о готовности оценивать качества до исчезновения изображения.

Представление о стадиальности межличностного восприятия подтверждается также результатами дополнительного анализа точности распознавания отдельных личностных черт натурщиков (Барабанщиков, Демидов, 2008). Выявлен ряд личностных черт, эффективность распознавания которых варьирует в зависимости от времени экспозиции. Разным индивидуально-психологическим особенностям соответствует различный оптимум экспозиции. Таким образом, эффективность опознания личностных черт не привязана к конкретным временным значениям экспозиции фотоизображений натурщиков. Ряд личностных особенностей имеют свои сензитивные периоды, во время

которых эффективность распознавания повышается.

Выводы

1. Главный итог проведенного исследования заключается в выявлении *стадиальности* межличностного восприятия, а значит, формирования или актуализации Он-концепции.

2. На различных этапах становления представления о личности человека — Он-концепции — доминируют различные механизмы межличностного восприятия. На интервале 50–200 мс определяющую роль играет Я-концепция наблюдателя, в интервале 3–30 с увеличивается роль коммуникативного опыта.

3. Субъективная сложность оценки индивидуально-психологических особенностей натурщика не остается по-

стоянной. В зависимости от времени экспозиции лица натурщика она может как повышаться, так и понижаться. Наиболее сложной является оценка личностных черт при 50 мс и при 30 с, наименее сложной — при 100 мс.

4. Существует зависимость точности оценки ряда индивидуально-психологических особенностей от времени экспозиции фотоизображения натурщика.

5. Следует различать чувственную основу межличностного восприятия партнера по взаимодействию, что отражается в формировании Он-образа, и интеллектуально-рефлективную основу межличностного восприятия, отражающуюся в формировании Он-концепции партнера по взаимодействию. Есть основания полагать, что к 30–50 мс формирование Он-образа завершается.

Литература

Ананьева К.И. Этнический тип лица и особенности его восприятия // Психология и психоанализ. / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Институт психоанализа, 2007. С. 5–7.

Барабанщиков В.А. Восприятие и бытие. СПб.: Алетейя, 2002.

Барабанщиков В.А., Носуленко В.Н. Системность. Восприятие. Общение. М.: ИП РАН, 2004.

Барабанщиков В.А., Болдырев А.О. Тенденции восприятия индивидуально-психологических особенностей человека по частично открытому лицу // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 1. С. 127–134.

Барабанщиков В.А., Демидов А.А. Восприятие индивидуально-психологичес-

ких особенностей человека в ситуациях викарного общения // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. «Психол. науки». 2007. № 3. С. 17–27.

Барабанщиков В.А., Демидов А.А. Оценка индивидуально-психологических особенностей человека по выражению его лица // Дружининские чтения: Материалы 7-й Всерос. науч.-практ. конф. г. Сочи. 24–26 апреля 2008 г.

Барабанщиков В.А., Жегалло А.В., Хрисанфова Л.А. Перцептогенез экспрессий лица // Общение и познание / Под ред. В.А. Барабанщикова, Е.С. Самойленко. М.: ИП РАН, 2007. С. 44–83.

Болдырев А.О. Восприятие выражения целого и частично закрытого лица: Дис. ... канд. псих. н. М., 2006.

Жегалло А.В. Идентификация эмоциональных состояний лица в микроинтервалах времени: Дис. ... канд. псих. н. М., 2007.

Наследов А.Н. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. Учеб. пособ. СПб.: Речь, 2004.

Федосеевкова С.М. Восприятие индивидуально-психологических особенностей человека по фотоизображению его лица: Дис. ... канд. псих. н. М., 2003.

Хрисанфова Л.А. Динамика восприятия экспрессий лица: Дис. ... канд. псих. н. М., 2004.

***Барабанщиков Владимир Александрович, Институт психологии РАН,
член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор***

Контакты: sbar@psychol.ras.ru

Демидов Александр Александрович, Московский городской психолого-педагогический университет

Контакты: alexander.demidov19@gmail.com

МЕТОДИКА ДИАГНОСТИКИ ПОНИМАНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ И СОВЛАДАНИЯ С НИМИ

Т.П. БУТЕНКО

Внимание к неопределенности как самостоятельной категории возникло в XX в. и было обусловлено выдвижением В. Гейзенбергом принципа неопределенности (1927). С тех пор проблема получила свое развитие во многих областях знаний, затронув и психологию. Неопределенность изучается в рамках принятия решений и трактуется в контексте наличия—отсутствия информации об альтернативах действия и его последствиях (Корнилова, 2003; Солнцева, 1999). Разрабатывается и такой важный аспект, как оценка субъектом ситуаций изменения и выбора поведения в них (Абульханова-Славская, 1994; Анцыферова, 1993; Белинская, 2005). Зарубежными учеными сделан значительный вклад в изучение самых различных граней проблемы (Budner, 1962; Берлайн, 1966; Козелецкий, 1979 и т. д.). Однако при всей полноте данных исследований малоизученным остается индивидуальное понимание неопределенных жизненных ситуаций.

Впервые сама проблема индивидуальной когнитивной оценки трудных жизненных ситуаций была поставлена в исследовании Е.В. Битюцкой (Битюцкая, 2007). Качественный анализ описаний трудных жизненных ситуаций позволил ей

связать неопределенность с неочевидностью для субъектов исхода ситуации, отсутствием понимания происходящего и сильными эмоциональными состояниями. При этом трудности принятия и выбора решения относительно дальнейших действий в ситуации (что традиционно также связывается с неопределенностью) были отнесены к «Затруднениям в принятии решения».

Важно отметить, что Е.В. Битюцкая шла по пути классификации полученных от респондентов описаний трудных жизненных ситуаций к самостоятельному выявлению среди них неопределенных. Поэтому актуальным остается вопрос о том, какова специфика ситуаций, которые различными субъектами непосредственно обозначаются как неопределенные.

В этом направлении выполнено исследование Е.Г. Луковицкой (Луковицкая, 1998). Испытуемым предлагался тест незаконченных предложений, касающихся неопределенности. Задание включало следующие вопросы: «Неопределенность — это...», «Для меня состояние неопределенности...», «Неопределенность ассоциируется у меня с...», ответы обрабатывались методом контент-анализа. Был получен чрезвычайно большой разброс мнений на

основной вопрос (в контексте данной статьи важно привести некоторые из них): «Неопределенность для меня — это ничего не делать», «Это замкнутый круг в решении жизненных проблем», «Путница мыслей и чувств» и т. д. В результате был сделан достаточно общий вывод о том, что неопределенность является в основном внутренним состоянием, требующим ответа на вопросы «что делать?» и «как?».

Таким образом, исследование Е.Г. Луковицкой, основывающееся на индивидуальном понимании испытуемыми неопределенности в связи с опорой на рационализацию такого типа ситуаций не дает нам понимания того, каким образом формулируются для субъектов неопределенные жизненные ситуации.

В связи с этим мы поставили задачу разработать методику и показать возможности ее использования для изучения того, как люди понимают неопределенность жизненных ситуаций и каковы особенности ситуаций, обозначаемых респондентами как неопределенные.

Методика

Разработанная нами методика предполагает создание испытуемыми неопределенных ситуаций на основе исходных стимульных ситуаций. Им предлагалось написать продолжение трех текстов, содержащих описание некоторых жизненных ситуаций. Все тексты являются подлинными высказываниями людей на следующие темы: «Дружба», «Карьера» и «Творчество». Тексты были отобраны по критериям полноты, ясности и определенности описания.

Задача испытуемых состояла в создании неопределенности, которая могла бы возникнуть в описанных контекстах с фигурирующими там лицами. Далее респондентам необходимо было описать варианты действий в придуманной ими ситуации. Приведем для иллюстрации один из текстов задания (с сокращениями):

«Довольно сложно вспомнить, когда между нами возникла настоящая дружба. Мы жили в одном подъезде и часто играли вместе, потом ходили вместе в школу и разговаривали по дороге. Летом ловили на речке рыбу <...> Сейчас у нас другие дела, другая работа, но мы по-прежнему дружим. Очень важно иметь такого друга, знать, что есть человек, который не продаст, не подведет. А сейчас я пребываю в состоянии неопределенности... И я не знаю, что делать: либо... либо...»

При обработке и анализе полученных результатов нами был использован метод восхождения к теории (grounded theory), разработанный А. Страус и Дж. Корбин (Страус, Корбин, 2001). Цель данного метода — рассмотрение конкретных жизненных ситуаций как формы проявления, наблюдаемого в практике определенного феномена, который подлежит обобщенному абстрактному представлению в виде теоретических утверждений относительно этого феномена. Результат — представление наблюдаемых случаев «в виде самостоятельной авторской версии относительно природы изучаемого феномена» (Семенова, 1998, с. 97).

Для анализа (кодирования) данных нами были реализованы три стандартных этапа данного метода.

1. *Открытое кодирование.* Первоначальные данные были концептуализированы, что предполагало разбиение текстов на части и присвоение каждой части названия, связанного с тем содержанием, которое за ней стоит. Приведем пример. Испытуемый продолжил текст следующим образом: «Я пребываю в ситуации неопределенности, потому что друг добивается результатов в работе, он успешен, талантлив, и сейчас это все привело к тому, что его статус выше моего. И я не знаю, что делать: либо проявить активность в своей жизни, подумать: может, мой статус явился отпечатком моей лени, если для меня это важно, то продумать и добиться результатов, которые бы позволили чувствовать себя более уверенно и спокойно рядом с моим другом, либо...»

Осуществляя концептуализацию данных, мы в данном случае фиксируем, что: а) происходит сравнение себя с другим; б) сравнение с другим — это источник личной активности; в) другой человек — ориентир для проявления активности; г) действия направлены на «исправление» некомфортной ситуации.

Затем осуществляется группировка подобных обобщений для сокращения единиц, с которыми предстоит работать. Этот процесс называется категоризацией. Категории, которые были выделены таким образом, представлены ниже в описании результатов открытого кодирования.

2) *Осевое кодирование.* Здесь каждая из категорий была проанализирована с точки зрения вызывающих ее каузальных условий, контекста, промежуточных условий, стратегий действия и его следствий. В резуль-

тате этого стали очевидны связи между категориями, были выделены центральные из них, а также подкатегории.

3) *Избирательное кодирование* предполагало проработку связи подкатегорий с центральными категориями и валидизацию этих связей данными (каждому отдельному ответу испытуемых было найдено место среди свойств основных категорий).

Испытуемые. 15 респондентов в возрасте от 17 до 69 лет (20% мужчин, 80% женщин). Среди респондентов: школьник старших классов, студенты, аспиранты гуманитарных и естественно-научных факультетов, фармацевты, экономисты, психологи, а также пенсионеры. Количество респондентов соответствует выбранному качественному методу исследования.

Результаты

Поскольку, как отмечено выше, результатом метода восхождения к теории является представление наблюдаемых случаев в виде авторской версии относительно природы изучаемого феномена, мы рассмотрели несколько возможностей таких версий, лишь одна из которых представлена в данной статье в силу ограниченности ее объема.

Категории, выделенные в процессе открытого кодирования

В результате процесса обобщения концептуализированных данных в данной версии были выделены в качестве центральных категории *Самопроявления* и *Ухода от самопроявления*. Как подкатегории были

выделены: *Риски и Возможности ситуации*; *Побуждение к самопроявлению*; *Представление о Действии* и *Ситуативная Ответственность*; *Реализация побуждения*; *Риски и Преимущества реализации*; *Побуждение к Уходу от Самопроявления*; *Реализация Ухода от Самопроявления*, *Преимущества* и *Риски нереализации*.

Данные осевого кодирования

На данном этапе названные категории были проанализированы с точки зрения вызывающих их каузальных условий, контекста, промежуточных условий, стратегий действия и его следствий. Это позволило обнаружить связи между категориями, а также выделить центральные из них и подкатегории.

Феномен *Самопроявления* возникает при фиксации несовпадения ситуации с желаемым и возможности изменений ситуации в желаемом направлении. В связи с этим выделяются два основных контекста, зависящих от оценки ситуации субъектом, в которых может реализовываться феномен: является ли это для субъекта ситуацией *Рисков* или *Возможностей*.

Промежуточные условия определяют выбор стратегий действовани. К этим условиям следует отнести конкретность либо неконкретность *Представлений о Действии* и локус *Ситуативной Ответственности за реализацию* (принимается ли субъектом, либо переносится вовне его). Важно пояснить, что конкретность *Представлений о Действии* предполагает непосредственную его направленность на реализацию возникшего побуждения и содержит возможность оценки результата субъектом.

Выбор стратегий *Реализации побуждения* обусловлен различным сочетанием промежуточных условий, различными возникающими контекстами.

Риски Реализации зависят от выбранной стратегии и могут быть *Рисками* ухудшения ситуации (потери преимуществ) либо *Рисками* неопределенности результата *Самопроявления*. *Преимущества Реализации* предполагают переживание удовлетворения в связи с реализацией побуждений.

Относительно феномена *Ухода от Самопроявления* важно отметить, что его возникновение напрямую связано с *Рисками Самопроявления*.

Возможность *Самопроявления* и *Ухода от него* порождается в рамках одной ситуации. Сама возможность *Ухода от Самопроявления* обуславливается появлением возможности *Самопроявления*. В этом отношении мы можем рассматривать *Уход от Самопроявления* как зависимый от своей противоположности и вторичный. Осуществление *Ухода от Самопроявления* возможно благодаря различным стратегиям, выбор которых обусловлен различными контекстами ситуаций и их промежуточными условиями.

Риски нереализации сводятся к переживанию неудовлетворенности. *Преимущества* же могут касаться сохранения положительных характеристик ситуации либо возможности положительной оценки проявленной активности.

Данные избирательного кодирования

Опишем более подробно, каким образом выстроено взаимодействие

феноменов *Самопроявления* и *Ухода от Самопроявления* (приводим только часть результатов).

1. Оценка ситуации как содержащей *Возможности*.

Данный контекст предполагает оценку ситуации как обладающей ресурсами для изменений в желаемом для субъекта направлении.

Представление о Действии — конкретно; *Ситуативная Ответственность* — субъекта.

Стратегия формируется здесь как противопоставление себя (через действия) другим людям либо обстоятельствам. Приведем для иллюстрации один из текстов: «С одной стороны, глядя на свою подругу, которая счастлива в браке и мечтает завести ребенка, мне хочется того же, но с другой стороны... я считаю, что моя жизнь намного “богаче”, мне будет что вспомнить в старости... Либо работать, делать карьеру, путешествовать, учиться... либо стать одной из тех, для кого главное в жизни — это вкусно приготовленный обед для мужа». Отметим, что такая стратегия *Реализации* побуждения несет в себе непосредственный *Риск* негативного влияния на отношения, на ситуацию, и субъект связывает ее с высокой вероятностью одиночества и трудностей. *Риск* провоцирует возникновение побуждения к *Уходу от Самопроявления*, который может реализовываться как опора в поведении на чужой пример, как действия в соответствии с внешними требованиями. Отметим, что в текстах респондентов, попавших в данный контекст, фактически не обсуждаются *Преимущества Ухода от Самопроявления* и внимание акцентируется на его *Рисках*.

Представление о Действии — конкретно; *Ситуативная Ответственность* — вовне субъекта.

В данном случае стратегия реализации побуждения — это ожидание инициативы других и опора на возможности, обозначенные ими. Результат активности будет опосредован реакцией других на эту активность. *Риск* заключается в возможной потере преимуществ ситуации. Приведем пример: «Либо признаться ему в любви, либо нет. Ведь в случае отрицательного ответа любые отношения наши станут невозможны, а мне не хотелось бы его терять. Но в случае, если он меня любит, мы были бы безгранично счастливы».

Стратегиями *Ухода от Самопроявления* будут провокация активности другого, изменение ситуации посредством его действий, а также действия в соответствии с ожиданиями других. Такие стратегии, как *Преимущество*, несут в себе возможность сохранения позитивных характеристик ситуации.

Представление о Действии — неконкретно; *Ситуативная Ответственность* — субъекта.

Как стратегия обозначается реализация побуждения (в глобальных масштабах). К примеру, для героя, обладающего повышенными умственными способностями, альтернатива сформулирована следующим образом: «Перевернуть мир своим открытием или не переворачивать?». Связанная с этим *Ситуативная Ответственность* также приобретает размытые очертания и становится весьма обширной. Это означает *Риск* неконтролируемости результатов, их непредсказуемость. Он, в свою очередь, провоцирует субъекта на

использование стратегии *Ухода от Самопроявления* — сужения пространства активности посредством однозначных, категоричных выборов, а также посредством реализации идеи ограниченности и конечности собственных ресурсов для действия. Подобная стратегия как *Преимущество* несет в себе возможность сохранения контроля над ситуацией, возможность оценки результатов.

Представление о Действии — неконкретно; *Ситуативная Ответственность* — вовне субъекта.

Здесь стратегия *Реализации побуждения* формулируется как переход в некую новую (неконкретную) ситуацию. К примеру, в одном из текстов это было описано так: «Взяться бы за что-нибудь эдакое, совсем из другой области». Такая стратегия означает высокую степень *Риска* неуспеха и несет в себе трудности оценки результата активности. Далее респондент пишет: «А вдруг не получится, может быть, наука — это на самом деле все, на что я способен... Не могу я бросить ее». Таким образом, провоцируется стратегия реализации структурированных, регламентированных действий. Что, в свою очередь, позволяет усилить предсказуемость ситуации и отрегулировать получение субъектом внешней оценки действий.

2. Оценка ситуации как содержащей *Риски*.

Данный контекст актуализируется при фиксации несовпадения ситуации с желаемым (что предполагает возможность ухудшения ситуации в динамике). Рассмотрим здесь один из четырех вариантов.

Представление о Действии — неконкретно; *Ситуативная Ответственность* — вовне субъекта.

Стратегия *Реализации побуждения* представляет собой усилия по сохранению конкретной ситуации либо уходу из нее (результат не описан). Проиллюстрируем это отрывком из текста респондента: «...хотя у них дружба продолжается, все равно произошли изменения. Та ли это дружба, которая была в юности и которая сейчас... Ждать, чем это кончится, если сомневается. Если по-прежнему отношения, то увидит это, если нет — то увидит и уже будут отдаляться друг от друга. Или принять это как есть, это было одно, а теперь другое. Сильно не надеяться, что друг не подведет». Как *Риск* такая стратегия фактического недействования несет в себе неконтролируемость будущего, невозможность оценить результат. В этом случае более безопасной может быть реализация нормативного, ожидаемого поведения (что дает как *Преимущество* внешнюю положительную оценку результата активности) и воздействие на побуждения (увеличивает предсказуемость, стабильность ситуации).

Выводы

Таким образом, разработанная нами методика позволяет изучать, как субъекты создают и формулируют неопределенные жизненные ситуации. Она дает возможность выделять качественные особенности данного типа ситуаций и анализировать различные стратегии действия в них субъектов. Методика показала, что понимание неопределенных жизненных

ситуаций имеет достаточно сложную внутреннюю организацию, зависящую от оценки субъектом как внешних условий (является ли это ситуацией *Рисков* либо *Возможностей*), так и внутренних (*Представление о Действиях* как конкретных либо как о неконкретных; происходит ли принятие *Ситуативной Ответственности* либо нет). Существенным является зафиксированный нами факт, что неопределенные ситуации появляются в рамках провоцирующих возникновение друг друга побуждений к *Самопроявлению* и *Уходу от Самопроявления*. Так,

Риски, возникающие при *Реализации побуждения к Самопроявлению*, делают актуальным противоположное побуждение, поскольку несут в себе угрозу текущей ситуации, ее преимуществам, и результат активности не всегда может быть предсказан.

Задачей дальнейшего исследования является проводимое с помощью данной методики сопоставление различных (взаимодополняющих и конкурирующих) версий теоретического осмысления феномена понимания неопределенности жизненных ситуаций и совладания с ними.

Литература

- Абульханова-Славская К.А. Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования // Психол. журн. 1994. Т. 4. № 4. С. 39–55.
- Анцыферова Л.И. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия // Психол. журн. 1993. Т. 14. № 2. С. 3–16.
- Белинская Е.П. Человек в изменяющемся мире — социально-психологическая перспектива. М.: Прометей, 2005.
- Берлайн Д.Е. Любознательность и поиск информации // Вопросы психологии. 1966. № 3. С. 54–60.
- Битюцкая Е.В. Когнитивное оценивание и стратегии совладания в трудных жизненных ситуациях: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
- Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М: Прогресс, 1979.
- Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений. М.: Аспект Пресс, 2003.
- Луковицкая Е.Г. Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности. Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1998.
- Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.
- Солнцева Г.Н. Психологический анализ проблемы принятия решения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
- Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования. М.: УРСС, 2001.
- Budner S. Intolerance of ambiguity as a personality variable // Journal of personality. 1962. 30 (1). 29–50.

Бутенко Татьяна Петровна, Государственный университет — Высшая школа экономики, факультет психологии, аспирант

Контакты: tatiana.butenko@gmail.com

ДИСКУРСИВНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ В СТРУКТУРЕ ИНТЕЛЛЕКТА ЧЕЛОВЕКА

А.Н. ВОРОНИН, О.М. КОЧКИНА

При исследовании проблемы интеллекта и способностей зачастую на первый план выходят языковые способности, определяемые как индивидуально-психологические особенности, характеризующие легкость и быстроту приобретения лингвистических знаний, правил анализа и синтеза единиц языка, позволяющие строить и анализировать предложения, пользоваться системой языка для коммуникативно-речевых целей. Они обеспечивают скорость овладения языком (родным и неродным) и эффективность использования языка в процессе коммуникации, то и другое зависит от индивидуальных качеств (уровня развития интеллекта, предшествующего опыта, способности накапливать и систематизировать информацию, принадлежности к определенному психологическому типу, физического развития, мотивации и т. п.) (Кабардов, 2003).

В общих языковых способностях обычно выделяют две категории: собственно лингвистическую (усвоение основ языка), связанную с процессом реализации присвоенных знаний, и коммуникативную (в целях проведения успешной коммуникации). Первая носит обязательный характер и включает знание моделей языковых единиц, правил изменения и сочетания слов, общенародной лексики; вторая (речь идет о таких «околоязыковых» явлениях, как варианты произношения, словоизменения и сочетания слов, выбор синонимов) допускает индивидуальные отклонения (Смирницкий, 1981). Такие же факторы, как эмоциональная окрашенность, мотивация, интенции говорящих, часто не принимаются во внимание. А между тем именно эти параметры и определяют индивидуальный стиль речи, коммуникативные аспекты. Более

корректно их следовало бы отнести к проблематике дискурса как текста, «погруженного в коммуникацию» (Арутюнова, 1998), как «коммуникативное событие в прагматическом контексте» (ван Дейк, 1989).

В психологии дискурса выделяются следующие семантически связанные понятия: дискурсивная деятельность — разновидность речевой деятельности, направленная на осознанное и целенаправленное порождение целостных речевых произведений; дискурсивное поведение — поведение, включающее как осознанные и целенаправленные, так и непреднамеренные и не вполне контролируемые речевые поступки; дискурсивное мышление — особый вид вербального мышления, обслуживающего процессы порождения и смыслового восприятия дискурсов.

Еще одно понятие, непосредственно связанное с вышеупомянутыми и являющееся наиболее дискуссионным ввиду своей неоднозначности, — это дискурсивные способности. Предварительно их можно определить как способности освоения и реализации дискурсивных практик, по всей вероятности, они реализуются на двух уровнях: как ментальная репрезентация данной социальной ситуации и как ментальная репрезентация коллективного субъекта, коллективного бессознательного, которое усваивается в процессе овладения культурно-историческим опытом, языком. Наличие этого вида способностей позволяет добиваться эффективного взаимодействия и адекватного взаимопонимания между людьми в процессе общения, ускоряет процесс выработки стратегии взаимодействия.

В нашей работе предпринимается попытка описать предметную область понятия «дискурсивные способности», определить смежные области и его положение по отношению к ним.

Выявляя место дискурсивных способностей в общей системе способностей, необходимо обозначить наиболее семантически близкие понятия, определяющие успешность вербального функционирования личности в обществе. Во-первых, это общий интеллект, который представляет собой достаточно общую способность к логическому рассуждению, планированию, решению задач, абстрактному мышлению, способность понимать сложные идеи, скорость обучения и способность извлекать пользу из полученного опыта. Следующее значимое понятие — вербальный интеллект, способность к вербальному мысленному анализу и синтезу, к решению вербальных задач на определение понятий, к установлению словесных сходств и различий, иными словами, способность к освоению языка. Третье понятие — социальный интеллект, способность к познанию социальных явлений (Социальный интеллект, 2004). Непосредственно связанным с дискурсивными способностями является понятие коммуникативной компетенции, т. е. способность человека адекватно организовать свою речевую деятельность в ее продуктивных и рецептивных видах соответствующими каждой конкретной ситуации языковыми средствами и способами (Зимняя, 1989). Под коммуникативной компетенцией понимается также «совокупность социальных, национально-культурных

правил, оценок и ценностей, которые определяют как приемлемую форму, так и допустимое содержание в речи на изучаемом языке» (Верещагина, Костомаров, 1982, с. 52). В связи с этим дискурсивные способности можно рассматривать как операционализированную часть коммуникативной компетенции, которая позволяет человеку инициировать, поддерживать, развертывать и завершать процесс общения, используя при этом языковые средства, соответствующие ситуации. Другой составляющей коммуникативной компетенции являются лингвистические способности, характеризующие легкость и быстроту приобретения лингвистических знаний, правил анализа, синтеза единиц языка и позволяющие пользоваться системой языка для коммуникативных целей.

На первом этапе исследования были разработаны тесты, позволяющие дифференцировать лингвистические и дискурсивные способности. До сих пор в разработанных методиках оценки уровня знаний по иностранному языку определялись языковые способности, уровень владения языком. Как правило, различаются следующие уровни: для начинающих, или уровень «выживания» (survival skills); приемлемый (базовый) уровень; продвинутый уровень (advanced); уровень для тех, кто хочет получить высшее образование в англоязычных странах (academic or proficiency); уровень межкультурного общения для организаций, для преподавателей английского языка, для носителей языка — улучшение грамотности населения и т. п. Наряду с этим существует значительное количество тестовых ме-

тодик, оценивающих владение такими отдельными аспектами языка, как грамматические явления, лексические единицы, контекстуальное употребление лексики, восприятие речи на слух, разговорные навыки, письменная речь и т. д.

При разработке собственных тестов мы преследовали несколько иные цели. Во-первых, нам была необходима компактная методика, которая укладывается в определенный нами временной промежуток (15 минут), во-вторых, методика должна однозначно дифференцировать дискурсивные и лингвистические способности.

При разработке шкалы лингвистических способностей учитывались следующие аспекты, которые являются наиболее типичными при проверке уровня владения языком: объем словарного запаса, знание сочетаемости слов, устойчивых выражений, правильное построение структуры предложения, подбор синонимов и антонимов, владение основами словообразования, умение подобрать обобщающее понятие.

Первоначально был разработан тест, состоящий из 40 вопросов и включающий задания на определение словарного запаса, на сочетаемость слов и устойчивых выражений; задание на вычленение структуры предложения, на словообразование и на подбор обобщающего понятия.

Экспертная оценка данного теста проводилась тремя группами экспертов: преподавателями кафедры английского языка № 2 факультета МЭО МГИМО, студентами, получающими второе высшее образование на том же факультете, имеющими

первое филологическое или психологическое образование и владеющими английским языком, носителями языка из колледжа по изучению английского языка «Excel English» (г. Лондон, Великобритания).

Шкала дискурсивных способностей основывалась на существующих заданиях, включенных в лексические тесты и ориентированных на формирование умения адекватно реагировать на высказывания собеседника или правильно инициировать коммуникацию в предложенной ситуации общения. После экспертной оценки были отобраны следующие ситуации общения: знакомство, ежедневное общение, общение в общественных местах и на транспорте, деловое общение (во время работы/учебы), общение со старшими по статусу или возрасту, общение по телефону. Стимульный материал теста представляет собой краткое описание ситуации общения на английском языке и предложенные на выбор варианты продолжения ситуации (5–6 вариантов). Из предложенных вариантов ответов 1–2 являются правильными, столько же вариантов допустимы, но, с точки зрения носителя языка, звучат не совсем естественно, остальные варианты заведомо не подходят для данной ситуации.

Группа стандартизации для проверки свойств теста состояла из 72 человек, изучающих английский язык в возрасте от 17 до 22 лет: школьники — участники олимпиады по английскому языку Обручевского района г. Москвы, учащиеся подготовительных курсов МГИМО и студенты, получающие второе высшее образование на факультете МЭО МГИМО. Психометрические свойства теста

могут быть оценены как удовлетворительные: α Кронбаха для шкалы дискурсивных способностей составила 0.90, для шкалы лингвистических способностей — 0.85.

Эмпирическое исследование, направленное на изучение дискурсивных и лингвистических способностей в структуре интеллекта проводилось осенью 2007 г. в группах, имеющих различный уровень подготовки по иностранному (английскому) языку. При тестировании использовались следующие методики: тест лингвистических и дискурсивных способностей, тест структуры интеллекта Амтхауэра (TSI) и тест на социальный интеллект теста Гилфорда и О'Салливена (SI).

Первая протестированная группа — учащиеся 11-х классов средней школы № 46 Обручевского района г. Москвы в количестве 31 человека. После обработки результатов и проведения факторного анализа нами были получены следующие результаты (см. рис. 1, табл. 1).

По результатам тестирования было выявлено, что у этой группы можно выделить только один значимый фактор — общий интеллект, с которым положительно связаны лингвистические способности, диагностируемые предложенным тестом. Социальный интеллект входит в данный фактор. Это видно на примере второго фактора, образованного вербальными способностями, в который входит и общий, и социальный интеллект. Дискурсивные способности в значимые факторы не входят.

Вторая протестированная группа — это студенты 2-го курса факультета МЭО МГИМО в количестве 29 человек.

Студенты, достаточно интенсивно изучавшие английский язык в вузе, показали несколько иные ре-

зультаты (рис. 2, табл. 2). Достаточно легко интерпретируются первые три значимых фактора. Первый фактор –

Рис. 1

Факторный анализ результатов 1 группы: график каменной оси

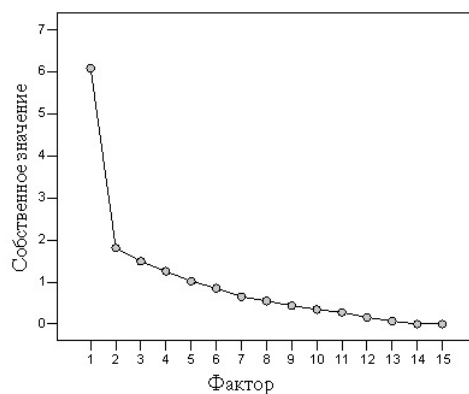

Табл. 1

Матрица факторных нагрузок после вращения

	Факторы				
	1	2	3	4	5
Дискурсивные способности					-0.209
Лингвистические способности	0.316		0.631	0.416	-0.270
Экспертная оценка знания языка	0.273				
Социальный интеллект (SI)	0.217	0.418	0.610	0.412	0.319
Субтест 1: Истории с завершением		0.678			
Субтест 2: Группы экспрессии		-0.220	0.855		
Субтест 3: Вербальные экспрессии				0.884	
Субтест 4: Истории с дополнением	0.227	0.390	0.595		0.527
Общий интеллект (IST)	0.729	0.548		0.271	0.203
Субтест 1: Осведомленность	0.491	0.385			0.401
Субтест 2: Вербальные способности	0.347	0.844			
Субтест 3: Числовые способности	0.839				
Субтест 4: Логические способности	0.825		0.343		
Субтест 5: Концентрация внимания					0.924
Субтест 6: Пространственные способности				0.794	

общий интеллект с опорой на невербальные способности. Вторым фактор — вербальные способности, включающие вербальные показатели интеллекта по Амтхауэру, вербальные показатели социального интеллекта и показатели социального интеллекта в целом. Третий значимый

Рис. 2

Факторный анализ результатов 2 группы: график каменной осыпи

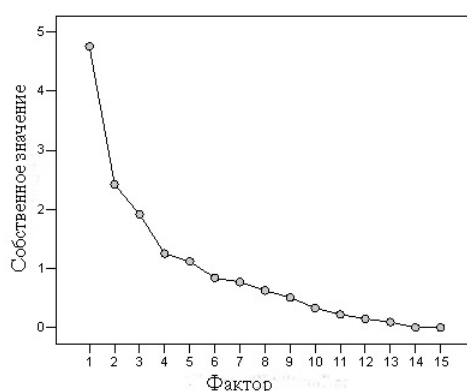

Табл. 2

Матрица факторных нагрузок после вращения

	Факторы				
	1	2	3	4	5
Дискурсивные способности	0.374	0.360	0.405	0.237	-0.395
Лингвистические способности	0.238	0.522	0.503	0.228	-0.228
Экспертная оценка знания языка			0.935		
Социальный интеллект (SI)		0.686			0.407
Субтест 1: Истории с завершением		0.550	0.420		
Субтест 2: Группы экспрессии					0.953
Субтест 3: Вербальные экспрессии		0.909			
Субтест 4: Истории с дополнением					
Общий интеллект (IST)	0.822	0.250		0.455	
Субтест 1: Осведомленность				0.944	
Субтест 2: Вербальные способности	0.621	0.510			0.320
Субтест 3: Числовые способности	0.486		0.312	0.511	-0.300
Субтест 4: Логические способности	0.860	0.210			
Субтест 5: Концентрация внимания					
Субтест 6: Пространственные способности	0.790	-0.370			

фактор — экспертная оценка и показатели лингвистических и дискурсивных способностей. Интерпретация последующих факторов для решения нашей задачи — нахождения места дискурсивных способностей в структуре интеллекта — дополнительной информации не дает. Главным для данной группы является то, что дискурсивные способности начинают занимать существенное и примерно равное положение среди других факторов интеллекта.

Третья протестированная группа — студенты 4-го курса факультета МЭО МГИМО в количестве 29 человек. Особенностью этой группы является изучение специальных курсов — аспектов английского языка, что, на наш взгляд, должно изменить положение дискурсивных способностей в структуре интеллекта. Полученные результаты представлены на рис. 3 и в табл. 3.

В этой группе дискурсивные и лингвистические способности входят в разные значимые факторы. Так, первый фактор образуют общий интеллект и его невербальные компоненты (числовые, логические и пространственные способности). Именно в этот фактор с наибольшим весом входят дискурсивные способности. Второй фактор однозначно определяется как социальный интеллект. Третий фактор определяется способностью распознавания экспрессии, что, по полученным данным, является противоположностью способно-

сти к сосредоточению и концентрации внимания. Третий фактор демонстрирует связь дискурсивных способностей с осведомленностью и высоким пространственным интеллектом. Пятый значимый фактор — собственно лингвистические способности.

Еще один итог проведенного тестирования связан с оценкой знаний учащихся преподавателями. Так, на начальном этапе преподаватели оценивали знание языка по лингвистическим способностям учащихся и их общему интеллекту. Оценка знаний студентов второго курса связана с уровнем как лингвистических, так и дискурсивных способностей. Оценка знаний студентов последних курсов не является существенным показателем, определяющим место дискурсивных и лингвистических способностей в структуре интеллекта.

Можно сказать, что по мере овладения иностранным языком и перехода к его свободному использованию происходит дифференциация дискурсивных и лингвистических способностей, а связь этих способностей с факторами интеллекта, в том числе и социального, определяется продолжительностью изучения иностранного языка и спецификой его изучения. Дифференциация дискурсивных способностей происходит при освоении специальных курсов, посвященных изучению различных аспектов языка, его ситуативному использованию.

Рис. 3

Факторный анализ результатов 3 группы: график каменной осыпи

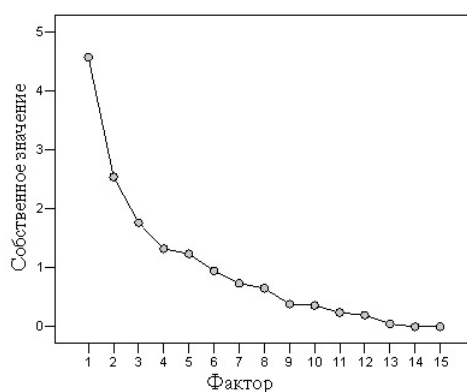

Табл. 3

Матрица факторных нагрузок после вращения

	Факторы				
	1	2	3	4	5
Дискурсивные способности	0.506			0.303	
Лингвистические способности					0.948
Экспертная оценка знания языка					
Социальный интеллект (SI)		0.919	-0.238		
Субтест 1: Истории с завершением	0.245	0.820			
Субтест 2: Группы экспрессии		0.327	-0.844		0.267
Субтест 3: Вербальные экспрессии	0.341	0.584		0.374	0.320
Субтест 4: Истории с дополнением		0.819			
Общий интеллект (IST)	0.889			0.306	
Субтест 1: Осведомленность	0.235			0.898	
Субтест 2: Вербальные способности	0.270		0.288	0.240	
Субтест 3: Числовые способности	0.841	0.286		-0.229	
Субтест 4: Логические способности	0.767				0.251
Субтест 5: Концентрация внимания			0.911		
Субтест 6: Пространственные способности	0.731			0.453	-0.278

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 137.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1983.
- Дейк ван Т.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Зимняя И.А.* Психология обучения неродному языку. М.: Русский язык, 1989.
- Кабардов М.К.* Коммуникативные и когнитивные составляющие языковых способностей (индивидуально-типологический подход): Автореф. ... дис. докт. психол. наук. М., 2003.
- Смирницкий А.И.* Объективность существования языка // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка: Хрестоматия. М.: Высшая школа, 1981. С. 64–72.
- Социальный интеллект. Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Любина, Д.В. Ушакова. М.: Изд-во ИП РАН, 2004.

Воронин Анатолий Николаевич, Институт психологии РАН, доктор психологических наук, профессор

Контакты: voroninan@bk.ru

Кочкина Ольга Михайловна, Московский государственный институт международных отношений

Контакты: olkochkina@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЗИТИВНО-НЕГАТИВНОЙ АСИММЕТРИИ ЭМОЦИЙ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ СУБЪЕКТНОГО РАЗВИТИЯ

А.А. ГОРБАТКОВ

Опубликованная ранее работа (Горбатов, 2008) была посвящена рассмотрению межуровневой (переход с уровня на уровень в процессе субъектно-деятельностного развития) и внутриуровневой (развитие в рамках каждого из уровней) динамики позитивно-негативной эмоциональной асимметрии (ПНА) как соотношения градиентов положительных и отрицательных эмоций относительно их интегральной величины (общей эмоциональной активации). На основе ряда данных и концепций выдвинута гипотеза о том, что внутриуровневая динамика эмоций характеризуется движением в направлении от негативной асимметрии (НА) к позитивной (ПА), в то время как в случае межуровневой динамики может наблюдаться не только вытекающее из ряда известных теорий движение в направлении от негативной эмоциональной асимметрии к позитивной, но также и движение в обратном направлении.

Эмпирическая верификация этого как бы парадоксального в свете существующих представлений предположения — задача настоящей работы.

Общий подход к проверке гипотезы

В качестве одного из наиболее общих и простых способов операционализации процесса *межуровневого* развития (в рамках периодов жизни, для которых характерно интенсивное прогрессивное изменение основных компонентов психики и личности) в психологических исследованиях наиболее часто выступает сравнение изучаемых характеристик индивидов разного возраста (метод поперечных срезов). При этом учет наряду с возрастом характера образовательно-воспитательных социальных институтов, занимающих важное место в системе факторов субъектного развития, позволил бы, как можно думать, повысить

степень взаимного соответствия в содержании субъектного потенциала индивидов, входящих в сравниваемые выборки, что, в свою очередь, обеспечило бы большую сопоставимость полученных в исследовании данных. В нашем случае эта задача может быть решена посредством выбора для сравнения учащихся начальной, средней и высшей школы. Все они в качестве одной из ведущих выполняют учебную деятельность (а не, например, трудовую, как многие сверстники студентов). Еще большее содержательное сходство обеспечивает включение в такую выборку учащихся средней школы и вуза с доминированием общеобразовательных дисциплин (т. е. средней общеобразовательной школы и педвуза или университета), поскольку начальная школа характеризуется доминированием дисциплин именно такого типа. Операционализация процесса *внутриуровневого* развития может опираться, как представляется, на степень успешности осваиваемой на данном уровне деятельности: в случае учащихся это была бы прежде всего успешность учебной деятельности.

Если рассматривать последний класс начальной школы, средний класс (или все классы) средней школы (лицея)¹ и I курс вуза, то можно считать такую выборку соответствующей задаче исследования. В по-

следнем классе начальной школы будем иметь наибольшую степень освоенности учащимися ситуации функционирования (характер выполняемой деятельности, соученики, учителя, предметная среда и др.), в лицее — промежуточную степень, а на I курсе вуза — наименьшую. В учебном заведении каждого следующего уровня в сформированной таким образом выборке для учащихся имела бы место большая степень новизны и трудности ситуации, чем в учебном заведении предыдущего уровня. Иначе говоря, имея в наиболее общем плане (в плане жизнедеятельности в целом) увеличение субъектно-деятельностного потенциала по мере возрастного развития (и роста уровня учебного заведения от начальной школы до вуза относительно независимо от года обучения)², мы можем ожидать относительного межуровневого падения субъектно-деятельностного потенциала, взятого в отношении к конкретной деятельности, в данном случае учебной (в условиях, когда межуровневое ее рассмотрение дополнено внутриуровневым). В таком случае, если гипотеза верна, то, наряду с внутриуровневой динамикой эмоций в направлении от НА к ПА (по мере роста успешности учебной деятельности), может иметь место межуровневая динамика (в границах уровней школьник–лицеист–студент) от ПА к НА.

¹ В Польше, где проводилось исследование, средняя общеобразовательная школа (общеобразовательный лицей) — это отдельная структурная единица с приемом на конкурсной основе. А начальная школа (в годы, когда проводилось исследование) — это восемь классов, предшествующих поступлению в среднюю.

² Этот аспект межуровневой субъектно-деятельностной динамики эмоций с привлечением сходного первичного эмпирического материала мы обсудили ранее (Горбатков, 2004).

Выборка и методики исследования

Первую группу испытуемых ($n = 181$) составили учащиеся VIII классов начальной школы в возрасте 13–15 лет. Вторая группа ($n = 89$) состояла из учащихся общеобразовательного лицея (все классы) в возрасте 15–18 лет. В состав третьей группы ($n = 115$) вошли студенты I курса педагогической академии в возрасте 18–23 лет. Для проверки гипотезы о внутриуровневой динамике асимметрии эмоций каждая из этих групп была разделена на две подгруппы по степени успешности учебной деятельности (ниже и выше средней успеваемости). Положительные (П) и отрицательные (Н) эмоции в настоящем исследовании представлены надеждой и безнадежностью, которые измерялись с помощью шкалы, разработанной автором (Горбатов, 2002) на основе широко используемой в последние десятилетия методики А. Бека. Шкала позволяет измерять надежду и безнадежность как отдельные относительно независимые друг от друга измерения. Данные подтверждающего факторного анализа, которому были подвергнуты показатели надежды и безнадежности вместе с показателями ряда других «эмоциональных» методик, указывают на удовлетворитель-

ную способность этих эмоций репрезентировать позитивную и негативную составляющие эмоциональной сферы (Горбатов, 2002). Разность между величинами показателей надежды и безнадежности (П–Н) рассматривается как показатель баланса этих эмоций, а сумма (П+Н) — как показатель их интегральной величины (уровня общей эмоциональной активации в рамках данной пары эмоций). В качестве меры ПНА мы берем соотношение (разность углов наклона) градиентов динамики П и Н относительно их интегральной величины (активации) (см., напр.: Горбатов, 2006; Sascioppo et al., 2004). Математически этот показатель совпадает с градиентом динамики баланса эмоций относительно их интегральной величины, в качестве статистической меры чего мы будем использовать коэффициент линейной регрессии, который будем называть коэффициентом ПНА.

Результаты и их обсуждение

Регрессионный анализ данных, полученных в характеризующих *межуровневую* субъектно-деятельностную динамику подгруппах испытуемых показал (табл. 1), что на всех уровнях имеет место НА и что по мере роста образовательно-возрастного уровня отмечаются тенденции

Табл. 1

Межуровневая динамика эмоциональной асимметрии (коэффициенты регрессии)

	Начальная школа	Средняя школа	Высшая школа
Градиент негативных эмоций	0.64	0.67	0.80
Градиент позитивных эмоций	0.35	0.32	0.19
Эмоциональная асимметрия	-0.29	-0.35	-0.61

увеличения крутизны градиента Н и уменьшения крутизны градиента П, что обуславливает соответствующий гипотезе сдвиг ПНА в направлении увеличения степени ее негативности, т. е. рост удельного веса Н в общей эмоциональной активации. Регрессионный анализ данных, полученных в подгруппах низкоуспешных и высокоуспешных членов каждой из выделенных по образовательно-возрастному уровню групп показал (табл. 2), что во всех подгруппах (за исключением одной) имеет место НА и что во всех случаях, по мере роста успеваемости (*внутриуровневая* субъектно-деятельностная динамика), наблюдается уменьшение крутизны градиента Н, увеличение крутизны градиента П и, как следствие, соответствующий гипотезе сдвиг асимметрии в направлении умень-

шения степени ее негативности, т.е. падение удельного веса Н в общей эмоциональной активации. Одновременное рассмотрение внутриуровневой и межуровневой динамики говорит о том, что градиент динамики Н при переходе с уровня на уровень становится все более крутым, а при переходе от стадии к стадии на каждом из уровней — все менее крутым; градиент динамики П при переходе с уровня на уровень — все более плоским, а при переходе от стадии к стадии на каждом из уровней — все менее плоским. Эти тенденции определяют целостную (двуединую) динамику ПНА, показатели которой сведены в табл. 3, характеризую одновременно межуровневый и внутриуровневый ее аспекты. На рис. 1 полученные данные представлены в графической форме. Как можно

Табл. 2

Внутриуровневая динамика эмоциональной асимметрии (коэффициенты регрессии)

	Начальная школа		Средняя школа		Вышая школа	
	НУ	ВУ	НУ	ВУ	НУ	ВУ
Градиент негативных эмоций	0.67	0.46	0.77	0.58	0.93	0.68
Градиент позитивных эмоций	0.33	0.53	0.23	0.42	0.07	0.32
Эмоциональная асимметрия	-0.34	0.07	-0.54	-0.16	-0.86	-0.36

Примечание. ВУ — высокоуспешные, НУ — низкоуспешные.

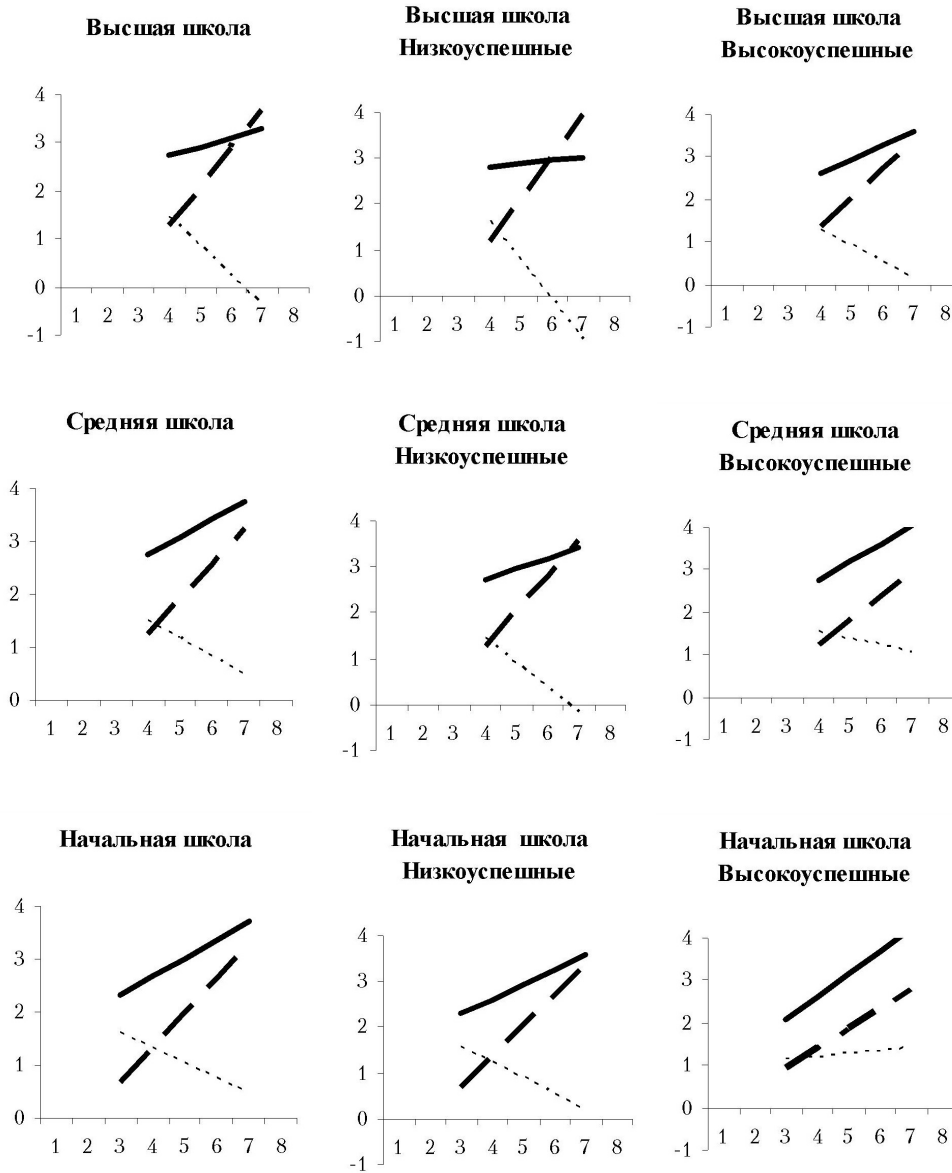
Табл. 3

Внутриуровневая и межуровневая динамика эмоциональной асимметрии (коэффициенты регрессии)

	Вся группа	Низкоуспешные	Высокоуспешные
Вышая школа	-0.61	-0.86	-0.36
Средняя школа	-0.35	-0.54	-0.16
Начальная школа	-0.29	-0.34	0.07

Рис. 1

**Внутриуровневая и межуровневая субъектно-деятельностная динамика
позитивно-негативной эмоциональной асимметрии**

Примечание. Мелкий пунктир — показатель эмоциональной асимметрии (разность градиентов положительных и отрицательных эмоций); крупный пунктир — градиент отрицательных эмоций; сплошная линия — градиент положительных эмоций.

видеть, по мере роста уровня субъективного развития индивида (вертикаль) имеет место изменение в направлении от меньшей НА к большей, в то время как рост успешности деятельности на каждом из уровней (горизонталь) обуславливает обратную тенденцию в динамике эмоций — сдвиг от большей НА к меньшей.

Итак, можно констатировать подтверждение гипотезы исследования на полученном эмпирическом материале. Можно, однако, посмотреть на этот материал и под несколько иным углом зрения, что, как кажется, может повысить качество сделанных умозаключений. Как было сказано выше, учащиеся учебных заведений со сходным содержанием учебной деятельности (доминирование общеобразовательных дисциплин в начальной, средней и высшей школах выбранных нами типов) были включены в выборку, чтобы повысить сравнимость данных. Дальнейшее повышение содержательной сравнимости, мы полагаем, может быть достигнуто следующим образом. Для сравнения со средним («типичным») студентом-первокурсником предпочтительнее взять не среднего, а хорошо успевающего лицеиста, поскольку он с большей вероятностью, чем средне-, а тем более слабоуспевающий учащийся, поступит в вуз. По той же причине для сравнения со средним лицеистом следует взять не среднего, а хорошо успевающего восьмиклассника начальной школы — именно такие, как он, составят большинство лицеистов, тогда как их хуже успевающие товарищи скорее всего пойдут в ПТУ, техникумы и т. д. Такая операция обеспечивает большее межуровневое

содержательное сходство сравниваемых категорий учащихся в плане субъектно-деятельностного потенциала, необходимого для освоения ориентированных на академический тип интеллекта программ обучения, и одновременно увеличивает различие между ними во внутриуровневом аспекте, что соответствует замыслу работы в ее эмпирической части (такому формированию выборки, чтобы из учащихся более продвинутой в «вертикальном» плане категории взять менее продвинутых в «горизонтальном» плане). Реализация указанного подхода, судя по приведенным в табл. 3 данным, не только не ослабила описанную выше картину в ее отношении к гипотезе, но сделала ее еще более яркой. Коэффициенты регрессии (эмоциональной асимметрии) для высокоуспешных учеников VIII класса и среднеуспешных лицеистов составили соответственно 0.07 и -0.35 , что дает разницу существенно большую (0.42), чем при сравнении средних представителей этих образовательно-возрастных категорий (соответственно -0.35 и -0.29 , что дает разницу 0.06). Сходный результат получен при сопоставлении высокоуспешных лицеистов и среднеуспешных студентов: показатели асимметрии составили соответственно -0.16 и -0.61 , что дает разницу заметно большую (0.45), чем при сравнении средних представителей этих же образовательно-возрастных групп (соответственно -0.61 и -0.35 , что дает разницу 0.26).

В заключение приведем основные описательные статистики (табл. 4), которые говорят о следующем. Картина успеваемости, как можно

Табл. 4

Описательные статистики

	Начальная школа		Средняя школа		Высшая школа	
	М	SD	М	SD	М	SD
Безнадежность (Н)	1.97	0.52	1.72	0.43	1.96	0.46
Надежда (П)	3.01	0.44	2.99	0.38	2.89	0.38
П–Н	1.04	0.80	1.27	0.73	0.92	0.78
П+Н	4.98	0.52	4.71	0.36	4.85	0.33
Успеваемость	3.66	0.91	3.74	0.66	3.74	0.35

Примечание. В начальной и средней школе шкала успеваемости 1–6, в вузе шкала 2–5, т. е. средние точки шкал одинаковы (3,5). М – среднее арифметическое; SD – стандартное отклонение.

было ожидать, при переходе с уровня на уровень не меняется, соответствуя средней точке шкалы (что обнаруживают при измерениях, проводимых в разных странах, – см., напр.: Locke, 2004), очевидно, вследствие естественного для учебного процесса повышения сложности программ обучения по мере роста потенциала обучающихся. Уровень безнадежности в группе учащихся лица является значимо более низким, чем в группах студентов ($p < 0.0001$) и учеников начальной школы ($p < 0.0002$). Уровень надежды в выборке учащихся лица несколько выше ($p < 0.06$), чем в выборке студентов и такой же, как в выборке учеников начальной школы. Эти соотношения дают U-образную картину *межуровневой* динамики позитивно-негативного баланса, величина которого в выборке учащихся лица значимо превышает величину той же переменной в вы-

борках студентов-первокурсников ($p < 0.001$) и восьмиклассников начальной школы ($p < 0.02$). Такую картину, видимо, можно рассматривать как дополнение к аналогичной по форме U-образной зависимости сходного по сути параметра эмоций от стадий освоения ситуации функционирования – культурной (Фернхэм, Бочнер, 2001) и профессиональной (Горбатков, 1981 и т.д.), т. е. зависимости, характеризующей *внутриуровневую* динамику эмоций. Данные об отсутствии линейного роста (или падения) аффективного баланса с ростом образовательного-возрастного уровня дают материал для рассмотрения этой зависимости в рамках проблемы факторов эмоционального благополучия³. Дают также материал для рассмотрения связи баланса и асимметрии. В концепции А. Маслоу (Маслоу, 1999) тезис о связи позитивной

³ Как показывают проведенные к настоящему времени исследования, данные о (линейной) зависимости эмоционального благополучия как от образования, так и, особенно, от возраста являются весьма и весьма неоднозначными (напр., Diener, Lucas, 2005).

асимметрии с уровнем самоактуализации выступает как основание для предположения о том, что самоактуализирующиеся люди имеют больше причин быть счастливыми (можно сказать, иметь больший позитивный баланс эмоций, если придерживаться аффективной трактовки счастья), чем те, которые функционируют на предыдущих уровнях мотивационно-потребностной иерархии. Однако анализ сути баланса и асимметрии показывает, что для таких предположений оснований, вытекающих из природы этих двух параметров эмоций, нет⁴. И хотя существует ряд оснований, вытекающих из анализа некоторых теоретических представлений и эмпирических данных, в пользу существования тенденции их прямой связи, все же можно найти теоретические и эмпирические основания для противоположных гипотез (Горбатков, 2006), не позволяющих в этом вопросе поставить точку над *i*. Полученные в работе данные о нелинейной межуровневой динамике позитивно-негативного баланса могут быть использованы в дальнейшем анализе проблемы и служат еще одним аргументом в пользу возможной продуктивности нелинейных

ожиданий относительно связи между указанными переменными.

Заключение

Предпринятый в предыдущей работе (Горбатков, 2008) анализ проблемы аффективной позитивно-негативной асимметрии в ее связи с субъектно-деятельностным развитием, взятым как в межуровневом, так и внутриуровневом аспектах, позволил сформулировать гипотезу о *возможности* межуровневой динамики эмоций в направлении от позитивной асимметрии к негативной с одновременной внутриуровневой динамикой эмоций в направлении от негативной асимметрии к позитивной. Полученный в настоящей работе эмпирический материал эту гипотезу в основном поддерживает. Сравнение учащихся начальной (8-й класс), средней и высшей школы (1-й курс), а также сравнение слабо и хорошо успевающих учащихся на каждом из этих трех уровней, дало данные, позволяющие заключить, что в процессе субъектного развития изменение соотношения градиентов положительных и отрицательных эмоций относительно их интегральной величины

⁴ Соотношение кривых динамики отрицательных и положительных эмоций относительно их интегральной величины по наклону дает знак и величину асимметрии. Соотношение тех же кривых по высоте можно рассматривать как меру знака и величины баланса. Изменение одной переменной может иметь место при неизменности второй. Например, при первоначально равных по высоте позитивной (реакция на пищу) и негативной (реакция на болевую раздражитель) кривых, усиление пищевой потребности, обусловленное голоданием, может поднять высоту кривой позитивной мотивации (Miller, 1959), в результате чего мотивационный баланс становится положительным. Мотивационный баланс может стать положительным также в результате снижения высоты кривой негативной мотивации, как это бывает при принятии алкоголя (“ослабление тормозов”) (см., напр.: Franken, 2005). При этом углы наклона обеих кривых (а значит, и величина асимметрии) могут оставаться неизменными.

(общей эмоциональной активации) может иметь характер, указывающий на рост степени негативной асимметрии в межуровневом плане при одновременном ее падении в плане внутриуровневом. В целом, полученные в работе данные, согласуясь с гипотезой в аспекте направления изменений изучаемого явления, одновременно соответствуют чаще других встречающимся в литературе данным и представлениям об общей тенденции доминирования негативной асимметрии над позитивной (см.: Горбатов, 2006, 2008). Указанная тенденция обусловила преимущественную локализацию результатов наших измерений в отрицательной части шкалы асимметрии и получение сдвигов, заключающихся в изменении степени ее негативности.

О чем говорят результаты работы в более общем плане? Можно ли сказать, что полученные нами данные (их, разумеется, нужно проверять и проверять в последующих исследованиях) о том, что по мере *межуровневого* субъектного развития растет величина негативной асимметрии эмоций, ставят под сомнение представления типа содержащихся в теории мотивационно-потребностной иерархии А. Маслоу (Маслоу, 1999), из которых следовала бы обратная тенденция. Мы полагаем, что такие радикальные выводы были бы слишком поспешными. Получены, однако, некоторые основания для более внимательного взгляда на такого рода представления и для осознания необходимости более четкого определения условий (в данном случае внутриуровневых), при которых основные утверждения подобных концепций «работают», а при которых

не «работают»; для осознания необходимости более явной и четкой *деятельностной* трактовки базовых мотивационно-потребностных понятий. Очевидно, что только в деятельностном контексте они обретают смысл, однако, не будучи подчеркнутым, этот аспект концепции остается на периферии внимания исследователя, и там же с большой вероятностью останется то, что связывает мотивационно-потребностные аффективные явления с параметрами деятельности (в нашем случае с внутриуровневыми аспектами ее развития). Например, говоря о мотивах аффилиации и самоактуализации и их доминировании в разных возрастах, психолог не может рассматривать эти мотивы вне вопроса об уровне освоения субъектом видов деятельности, к которым они относятся. Иначе останется непонятным, почему (как вышло в нашем случае) более субъектно развитый, чем школьник, в своих возможностях студент оказывается при некоторых условиях как бы имеющим признаки более низкого уровня развития в отношении к конкретной деятельности, к тому же весьма важной в иерархии его активности (вспомним, что, согласно популярным представлениям, в подростковом возрасте учебная деятельность такого положения не занимает).

Небезразличными для проблем развития в рамках психологии эмоций представляются также внутриуровневые аспекты деятельностной динамики *когниций*, поскольку выдвинуто немало предположений о связи когнитивных процессов с аффективными (напр.: Bless et al., 2004). Если, например, принять концепцию

К. Обуховского (Obuchowski, 2004) о том, что конкретно-образный и абстрактно-понятийный виды мыслительной деятельности связаны соответственно с отрицательными и положительными эмоциями, то важным является не только ее соотнесение с фактом имеющей место в процессе познавательного развития сменой доминирования первого из этих видов мышления относительно доминированием второго (межуровневый аспект), но и ее соотнесение с динамикой этих форм мышления при развитии отдельной деятельности (внутриуровневый аспект). И если считать, что здесь имеет место та же последовательность (стадии с доминированием процессов конкретно-образной и абстрактно-понятийной переработки информации)⁵, то мы приходим к могущему произвести впечатление парадоксального заключения, что в регуляции деятельности более высокого уровня может доминировать когнитивный процесс меньшей степени «понятийности», чем в деятельности более низкого уровня, с соответствующими выводами для динамики эмоций.

Итак, представленный в работе теоретический и эмпирический мате-

риал еще раз указывает на то, что, имея дело с проблемами развития, следует иметь в виду наряду с межуровневым его внутриуровневый аспект. Обращение к областям знания и концепциям, специализирующимся на том, что может быть признано релевантным этому внутриуровневому аспекту, как, например, проблематике психологических закономерностей учения, адаптации, вопросам влияния успешности деятельности и других ее параметров (новизны, сложности и др.) на характер и структуру участвующих в ее регуляции психических процессов, может помочь в расширении поля поиска. Так, в случае эмоций к дальнейшему изучению рассмотренных в работе проблем представляется возможным применить не только «линейные» концепции типа разработанных Р. Лазарусом (Lazarus, 1975) и др., как это мы сделали в настоящей работе, но и разного рода «нелинейные» концепции (подробнее см. об этом в работе Горбатков, 2006). От того, какие из моделей внутриуровневой динамики эмоций будут приняты исследователем в качестве валидных, с необходимостью будет зависеть и содержание его межуровневых гипотез (в том числе линейность/нелинейность).

⁵ Есть много свидетельств, полученных в «постпиажжетовских» исследованиях (см. Доналдсон, 1985; Flavell et al., 1993; Siegler et al., 2006) в пользу того, что в лучше освоенных (знакомых) и объективно более простых (быстрее осваиваемых) ситуациях могут быть использованы когнитивные операции более высокого уровня. В результате ребенок, функционируя в хорошо освоенной сфере деятельности, может иметь регуляцию более высокого когнитивно-операционного уровня, чем взрослый (см. Вее, 2004).

Литература

- Горбатков А.А. Шкала надежды и безнадежности для подростков: некоторые аспекты валидности // Психол. наука и образование. 2002. № 3. С. 89–103.
- Горбатков А.А. Образовательно-возрастной уровень индивида как фактор позитивно-негативной асимметрии эмоций // Северо-Кавказский психол. вестн. 2004, № 2. С. 288–294.
- Горбатков А.А. Является ли эмоционально-оценочная сфера негативно-асимметричной? // Вопр. психол. 2006. № 4. С. 82–95.
- Горбатков А.А. Позитивно-негативная асимметрия эмоций на разных уровнях субъектного развития: внутриуровневая и межуровневая динамика // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5, № 1. С. 148–156.
- Доналдсон М. Мыслительная деятельность детей. М.: Педагогика, 1985.
- Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999.
- Фернхэм А., Бочнер С. Психология длительного пребывания за рубежом: студенты // Развитие личности. 2001. № 2. С. 136–167.
- Cacioppo J.T. et al. The affect system: What lurks below the surface of feelings? // Feelings and emotions: The Amsterdam conference / A.S.R. Manstead, N.H. Frijda, A.H. Fischer (eds.). N. Y.: Cambridge University Press, 2004. P. 221–240.
- Bee H. Psychologia rozwoju człowieka. Poznań: Zysk i S-ka, 2004.
- Bless H., Fiedler K., Strack R. Social cognition: How individuals construct social reality. L.: Psychology Press. 2004.
- Diener E., Lucas R.E. Dobrostan emocjonalny // Psychologia emocji / M. Lewis, J.M. Haviland-Jones (eds.). Gdańsk: GWP, 2005. P. 415–425.
- Flavell J.H., Miller P.H., Miller S.A. Cognitive development. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1993.
- Franken R.E. Psychologia motywacji. Gdańsk : GWP, 2005.
- Lazarus R.S. The self-regulation of emotions. // Emotions – Their parameters and measurement / L. Levi (ed.). N. Y.: Raven Press. 1975. P. 553–561.
- Locke E.A. Jak uczyć się efektywnie. Poznań: RK. 2004.
- Miller N.E. Liberalization of the basic S-R concepts: Extensions to conflict behavior, motivation, and social learning // Psychology: A study of a science / S. Koch (ed.). N. Y.: McGraw-Hill. 1959. P. 198–292.
- Obuchowski K. Kody umysłu i emocje. Łódź: WSH-E, 2004.
- Siegler R., DeLoache J., Eisenberg N. How children develop. N. Y.: Worth. 2006.

**Горбатков Александр Алексеевич, Институт педагогики и психологии
Свентокишиской академии (Кельце, Польша), кандидат психологических
наук**

Контакты: a.gorbatkow@pu.kielce.pl

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБНОСТИ

Е.В. ДЕМИНА

Понятие «языковой способности» (ЯС), введенное в психологию вслед за понятием «*faculte' du langage*» Ф. Соссюра, «индивидуальной речевой организации» Л.В. Щербы, «психофизиологических условий, обеспечивающих усвоение, воспроизведение <...> и адекватное восприятие языковых знаков» А.А. Леонтьева, все чаще упоминается в кругу вопросов, так или иначе связанных с обучением языку. В контексте новейших психогенетических исследований ведутся дискуссии о природе «речезыковой способности» (Ушакова, 2004), обсуждаются вклады известных моделей речепорождения (Залевская, 2000), а также методы обучения, адекватные различным типам ЯС (Кабардов, 2001). Пристального внимания сегодня заслуживают исследования, в которых разрабатывается понятие ЯС применительно к дифференциальным аспектам овладения родным языком. «Современному языковому образованию,— подчеркивает Н.Д. Голев,—

му на путь *развития языковой личности* ребенка, необходимо научиться видеть то исходное языковое “данное” ученика, которое подлежит развитию» (Лингвоперсонология, 2006).

И.П. Павлов впервые указал на различия относительного значения первой и второй сигнальных систем в индивидуальном опыте отражения действительности отдельными людьми. Он выделял *специально человеческие типы* (СЧТ) — «художественный», «мыслительный» и «смешанный», которые проявляются в характеристиках многих психических процессов.

Попытки психологических исследований связи СЧТ носителя языка с особенностями его ЯС позволяют сегодня указать на некоторые стороны такой обусловленности. Так, например, М.К. Кабардов исследует вопрос СЧТ в контексте проблематики индивидуальных стилей овладения родным и иностранным языком. Специальные языковые способности автор рассматривает в контексте

эмоционально-познавательных симптомокомплексов (Способности и склонности, 1989; Способности, 1997; Голубева, 2005). Исходя из дихотомии «язык–речь», он выделяет «коммуникативно-речевой», «когнитивно-лингвистический» и «смешанный» типы, обусловленные индивидуальной конфигурацией физиологических, собственно психологических и психолингвистических, поведенческих особенностей (Кабардов, 1997, 2001). *Коммуникативный тип* ЯС автор соотносит с такими индивидуально-типологическими характеристиками, как выраженность невербальных компонентов интеллектуальных способностей, более высокая способность слухового восприятия, более высокие скоростные параметры деятельности, дивергентность мышления, некоторая импульсивность в принятии решения, экстравертированность личности. Асимметрия полушарий мозга выражена либо умеренно, либо в пользу правого, т. е. наблюдается большая реактивность правого полушария. Предпосылками этого типа оказывается сочетание свойств НС — лабильность, слабость, активированность. *Лингвистический тип* ЯС характеризуется доминированием вербально-логических компонентов способностей над образно-действенными, конвергентностью мышления, преобладанием зрительного восприятия, большей произвольностью и опосредованностью деятельности. При этом наблюдается доминантность левого полушария. Биоэлектрические показатели свойств нервной системы говорят о преобладании инертности, силы и инактивированности (Кабардов, 2001). Как видно из приведенного описания,

собственно СЧТ в настоящее время не включаются в характеристики типов ЯС (ранее М.К. Кабардов соотносил «художников» с коммуникативным типом ЯС и «мыслителей» — с лингвистическим), однако узнаются в психологических характеристиках симптомокомплексов.

Типологические особенности и их психологические проявления в сопоставлении с разными способами овладения орфографией родного (русского) языка, *своеобразием орфографической грамотности* изучались Т.Л. Чепель (Чепель, 1988).

К СЧТ все чаще обращаются в современных лингводидактических исследованиях, описывая такие психологические особенности речевого поведения носителя языка, как копильный/креативный тип деривационной способности (Киркинская, 2004), рациональный/интуитивный тип орфографической способности (Авакумова, 2006), репродуктивный/творческий тип языковой личности (Бех, Савилова, Сайкова, 2002) и др.

Однако с возрастанием интереса к проблемам индивидуально обусловленного функционирования языка в речевом опыте человека (в том числе и ученика) остается открытым вопрос о методах диагностики индивидуальной вариативности ЯС школьника, возможностях выявления психологических предпосылок, обуславливающих различные типы его речевого поведения.

Обратимся к полученным нами результатам исследования СЧТ в их связи с ЯС носителя языка, проявленной в свободном ассоциативном эксперименте (АЭ). Подчеркнем, что ассоциативную пару мы рассматриваем

в качестве *акта предикации*, свернутого высказывания, поддерживая положение о *текстообразующей роли словесных ассоциаций*. Действия испытуемого в АЭ, таким образом, выступают в качестве одной из разновидностей естественных речевых актов, результатом которых являются своеобразные «тексты-примитивы» (Сахарный, 1989). Выделим также роль избирательного характера связей вербальной ассоциативной сети, отмеченную в современных исследованиях психологии речи, их «структура сложна и неравномерна, в ней выделяются “сгущения”, “разряжения”, “множественные пересечения”» (Ушакова и др., 1989). С точки зрения структуры речевого высказывания, процессы ассоциирования, по-видимому, могут быть соотнесены с отражением внутренней речи человека, психологические механизмы которой тяготеют к «господству чистой предикативности» (Выготский, 2000, с. 496). Таким образом, исследование затронуло скорее синтаксический уровень ЯС.

Испытуемые и методики

В эксперименте приняли участие учащиеся общеобразовательной и художественных школ (14–16 лет, $n = 47$). Учеников просили в письменной форме ответить на предложенные в списке¹ АЭ слова «первым пришедшим в голову словом». Изучение ЯС в ассоциативном экспе-

рименте сопровождалось оценкой *индивидуально-психологических характеристик испытуемых*:

– *Соотношение первой и второй сигнальных систем* диагностировали по методике М.Н. Борисовой, основанной на запоминании и последующем узнавании или описании зрительных объектов (по 5 серий узнавания и описания) (Голубева, 2005). Вычислялась разность между «узнаванием» и «описанием». Испытуемые ранжировались с учетом полученной разности. В случае положительной разности и «узнавания» 3 и более объектов определялся художественный тип. При отрицательной разности и значении «описания» 3 и более объектов – мыслительный.

– *Коэффициент функциональной асимметрии* определяли по психомоторным показателям с помощью теппинг-теста в модификации М.К. Кабардова (Кабардов, 2001; Елисеев, 2003). Испытуемым предлагалось выполнить по 4 пробы на правую и левую руку, в которых в максимально возможном темпе заполнялись точками четыре круга (время работы с каждым кругом – 10 сек.). По разности скоростных характеристик правой и левой руки (среднее по четырем пробам) рассчитывался коэффициент правой руки (КПР), по формуле $КПР = (НП - НЛ) / (НП + НЛ) \cdot 100\%$. В ходе анализа испытуемые распределились по критерию ведущей руки на «уверенно праворуких»

¹ Список слов АЭ, специально разработанный на основе «Русского ассоциативного словаря» (под ред. Ю.Н. Караулова), включает набор слов-стимулов, предоставляющий испытуемому возможность при говорении/письме производить выбор способов сочетаний слов – тактик предикации.

(КПР > 7) и «леворуких и амбидекстров» (КПР ≤ 7).

– *Полезависимость–полнезависимость* определяли по тесту EFT, методике «Фигуры Готшалдта» (Холодная, 2004).

– *Особенности выраженности черт личности* определяли по опроснику Р. Кеттелла 16 PF (форма С).

– *Меру выраженности в индивидуальной репрезентативной системе основных модальностей опыта* определяли с использованием фрагментов текста, составленных с учетом разных форм восприятия (Холодная, 2004).

– *Проявления индивидуальных особенностей ЯС в речевой деятельности* определяли в лингвистических заданиях: *клоуз-тесте*, в котором ученики восстанавливали до исходного специально деформированный текст (Киркинская, 2004), *лингвистических пробах*, в состав которых вошли 3 серии вопросов на языковой интеллект (манипуляции со звуко-буквенным составом слова, установление классификационных отношений между значениями слов, вос-

становление усеченных русских пословиц). Кроме того, в эксперименте с использованием приемов сравнительного текстологического анализа проведен анализ *вербальных ответов из серии «описание»* по методике Борисовой. В качестве внешней экспертной оценки языковой/речевой компетентности учащихся выступила *анкета для учителя-словесника*, в которой педагоги оценили успешность учащихся по ряду характеристик владения родным языком.

Результаты

При обработке результатов АЭ выделялось несколько параметров: тактики предикации (Н, А, П)² и типы опор испытуемого при восприятии слова-стимула (Ф, М, Сит)³.

Для того чтобы наглядно представить связь между соотношением трех типов ассоциативных реакций и индивидуально-психологическими характеристиками испытуемых в выделенных группах мы воспользовались тернарным графиком: изображением на плоскости с четырьмя

² При проведении анализа ассоциативных связей использована классификация Ю.Н. Караулова: **Н** (номинативная тактика) – дефиниция стимула, вторичная номинация – синоним, гипероним, гипоним, антоним, конверсив; например, *полевой – находящийся в поле, стихия – ураган, глупый – умный*. **А** (тактика пропозиций) – испытуемый отвечает на стимул актантом или актантами, при которых предикация прямо не обозначена, а только подразумевается и вместе со стимулом задает пропозицию, восходящую к некоторому прототипическому для данного испытуемого тексту; например, *загорать – солнце, пляж, река; пчела – улей; гнедой – лошадь, телега*. **П** (предикативная тактика) – приписывание признака предмету и как крайний случай – грамматически оформленная синтаксема: *рябина – гнется, думать – головой, кастрюля – эмалированная*.

³ При анализе типов опор испытуемого мы ориентировались на классификацию различных стратегий идентификации слова Т.Ю. Сазоновой, выделив стратегию опоры на формальные мотивирующие элементы (опора на фонетический образ слова – **Ф**, на морфологические компоненты – **М**) и стратегию опоры на ситуацию – **Сит**.

выделенными точками — нулевой точкой, где все ассоциации представлены равномерно, и трех полюсов — точек, в которых максимальны численные значения соответствующих ассоциаций (П, Н, А). График тернарного типа построен с использованием специализированного пакета статистической обработки данных «STATISTICA-6» (рис. 1).

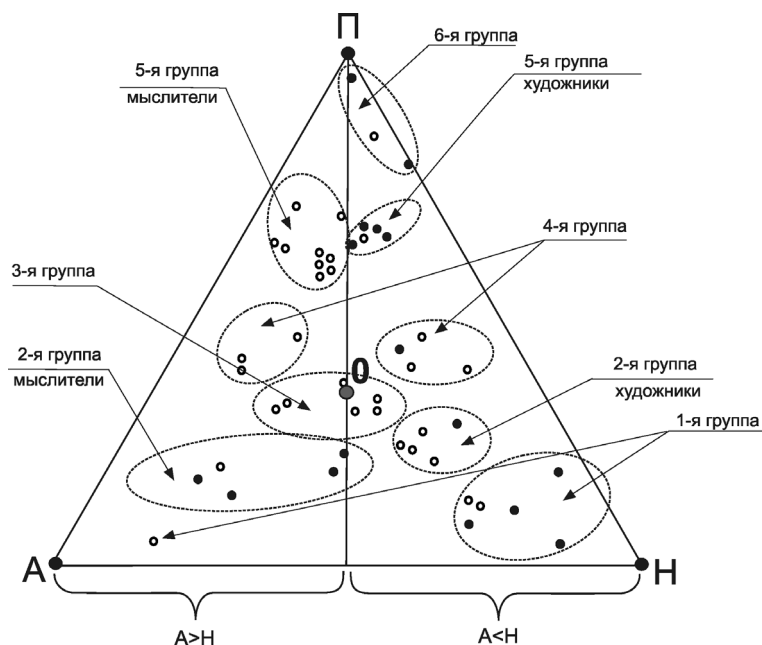
Тестирование по методике Боровой определило группы испытуемых художественного ($n = 29$), мыслительного ($n = 15$) и смешанного ($n = 3$) типов. У художников преобладает ассоциативная тактика Н, а у мыслителей — тактики А ($p = 0.005$).

Установлена инверсия СЧТ относительно парадигмо-синтагматических реакций для леворуких. Так, «уверенно праворукие» учащиеся художественного типа демонстрируют в АЭ чаще парадигматические реакции (66%), мыслительного типа — синтагматические (71%). В то время как для «леворуких и амбидекстров» картина меняется на противоположную: художники демонстрируют чаще синтагматические реакции (72%), а мыслители — парадигматические (71%). Описанное явление контрастно проявляется во 2 и 5 группе (рис. 1).

Наблюдаемая инверсия СЧТ у леворуких, на наш взгляд, может быть

Рис. 1

Распределение групп на поле трех типов ассоциативных тактик предикации (П — предикативная, Н — номинативная, А — пропозиций; белыми точками отмечены праворукие испытуемые, черными — леворукие)

объяснена с привлечением данных Л.П. Павловой, А.Ф. Романенко (Павлова, 1988), давших интерпретацию СЧТ на психофизиологическом уровне [различных типов кортикальных активационных структур (КАС) коры головного мозга].

Обращает на себя внимание группа, расположенная вблизи нулевой точки F, где значения П, Н и А равны (группа 3). По данным психологического тестирования, группа заметно отличается⁴ от остальных по высокому показателю коэффициента полнезависимости (КПНЗ), а также максимальным значениям интеллектуального блока факторов Кеттелла (общий уровень интеллекта В+, уровень развития воображения М-). Анализ анкет учителей-словесников выявил, что детей этой группы учителя высоко оценивают по отношению ко всем обозначенным аспектам освоения языка. Анализ текстов вербальных ответов из серии «описание» (определяющей уровень развития 2-й СС) по методике Борисовой показал, что группу характеризуют малообъемные (минимум текстовой избыточности), но точные тексты, передающие существенные детали отличий. Например, у исп. В.Г. (проба 1): *Черенок повернут вправо. Правая часть лепесточка длиннее, чем левая; она тоненькая. Конус у листочка тоже тоненький, острый.* Можно отметить, что тексты описания здесь связные и лаконичные как на уровне словосочетаний, так и на

уровне предложений. Несмотря на то, что ответы давались учениками в устной форме, в них не наблюдается рассогласованности, грубого нарушения синтаксических связей. Анализ восстановления пропущенных элементов в клоуз-тестах показал, что для учащихся группы 3 характерен учет смысловой целостности на всех уровнях реконструкции текста.

Максимальные значения П в АЭ (группа 6) также встречаются у учеников с повышенными показателями интеллекта (В+), а также высоким КПНЗ. Результаты, полученные по анкете для учителя, показали, что группа 6, так же как и группа 3, оказывается выделенной учителями. Особенностью текстовой деятельности таких учащихся является малый объем текстов «описания». Для них характерна сознательная «забота о понимании», ориентированность на адресата. Так, например, исп. М.М. (по всем пробам) вводит в текст уточняющие слова, привлекающие внимание читателя (*Палочка повернута в правую сторону от меня* или *Лист имеет 7 прожилок, не считая средней*), обороты, отмечающие границу известного и нового («еще вот»). Иногда такие уточнения доводятся до предела, вызывая смех самого испытуемого — исп. К.Д. (проба 4): *В виде листика. Разделен восьмью палочками. Если считать снизу по часовой стрелке, восьмая палочка находится ниже первой.* Анализ восстановления клоуз-тестов

⁴ Здесь и далее по тексту: значимые отличия группы по параметру КПНЗ, факторам Кеттелла приводятся при уровне достоверности $p < 0.05$ по тесту Манна–Уитни. При описании проявлений ЯС учеников группы в речевой деятельности, отличия получены путем качественного анализа с использованием приемов сравнительного текстологического исследования.

показал, что учащиеся склонны реагировать на лексические штампы.

При минимальных значениях П в АЭ (группа 1) наблюдается несколько иная картина: учащиеся, чаще леворукие, со средним показателем КПНЗ, богатым воображением (М–) на фоне низкого интеллекта (В–), что скорее всего связано с невротическим складом личности. Результаты, полученные по анкете для учителя, показали, что группа 1 оказывается расположенной ниже остальных по всем вопросам. Анализ текстов вербальных ответов из серии «описание» методики Борисовой показал, что группу характеризуют констатирующие тексты. Так у исп. П.С. (проба 2): *Стебель повернут влево, а верх — вправо. И левая половина ниже*

правой. Или исп. Ч.С. (проба 1): *Стебелек направлен в правую сторону. Прожилки три, однако.*

Проведенное исследование позволило выявить диагностический потенциал метода АЭ, а также описать некоторые индивидуальные особенности ЯС человека, проявляющиеся в АЭ. Дальнейшая разработка этого метода поможет приблизиться к видению ЯС ученика, его языкового «данного», которое, как подчеркивает Н.Д. Голев, «желательно не просто “учитывать” на периферии учебной деятельности, но класть в основание развития языковой личности, опираясь в этом развитии на сильные ее стороны (это в первую очередь) и подтягивая слабые» (Лингвоперсонология, 2006, с. 25).

Литература

Авакумова Е.А. Типология орфографической способности детей младшего школьного возраста // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. Монография / Под ред. Н.Д. Голева, Н.В. Сайковой, Э.П. Хомич. Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006.

Бех Н.Н., Савилова И.В., Сайкова Н.В. Школьные изложения и тип языковой личности // Естественная письменная русская речь: исследовательские и образовательные аспекты. Ч.1. Проблемы письменной речи и развитие языкового чувства / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2002.

Выготский Л.С. Мышление и речь / Психология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.

Голубева Э.А. Способности. Личность. Индивидуальность. Дубна: Феникс+, 2005.

Голев Н.Д. Лингвистические и лингводидактические проблемы языкового образования: Опыт построения концепции единого курса развития языковой способности // Прикладная филология в сфере инженерного образования: Кол. монография. Т. 1. Методология и методика языкового обучения в техническом вузе / Под ред. Е.Г. Новикова. Нортхэмптон; Томск: STT, 2004.

Елисеев О.П. Определение коэффициента функциональной асимметрии и свойств нервной системы по психомоторным показателям // Практикум по психологии личности. СПб., 2003.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000.

Кабардов М.К., Арцишевская Е.В. Типология языковых способностей //

Способности. К 100-летию со дня рождения Б.М.Теплова. Дубна: Феникс, 1997. С. 259–288.

Кабардов М.К. Коммуникативные и когнитивные составляющие языковых способностей (индивидуально-типологический подход): Дис. ... докт. психол. наук. М., 2001.

Киркинская Т.И. Вариативность русских репродуцированных текстов (системно-функциональный и лингвоперсоналогический аспекты): Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004.

Лингвоперсоналогия: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. Монография / Под ред. Н.Д. Голева, Н.В. Сайковой, Э.П. Хомич. Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006.

Павлова Л.П., Романенко А.Ф. Системный подход к психофизиологическому исследованию мозга человека. Л.: Наука, 1988.

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Под ред. Ю.Н.Караулова и др. М.: Астрель, 2002.

Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.

Способности и склонности. Комплексные исследования / Под ред. Э.А. Голубевой. М: Педагогика, 1989.

Способности. К 100-летию со дня рождения Б.М. Теплова / Под ред. Э.А. Голубевой. Дубна: Феникс, 1997.

Типологические особенности высшей нервной деятельности человека / Под ред. Б.М. Теплова. М.: Изд-во Академии пед. наук, 1956.

Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д., Зачесова И.А. Речь человека в общении. М.: Наука, 1989.

Ушакова Т.Н. Двойственность природы речезыковой способности человека // Психологический журнал. 2004. Т. 25. С. 5–16.

Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб.: Питер, 2004.

Чепель Т.Л. Индивидуально-типические способы и предпосылки овладения школьниками орфографией родного (русского) языка: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1988.

Демина Екатерина Викторовна, Новосибирский государственный педагогический университет, аспирант

Контакты: deminaev@mail.ru

Мы скорбим о них

ОЛЕГ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОНОПКИН

29.05.1931 – 05.06.2008

5 июня скончался

Олег Александрович Конопкин — действительный член Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Психологического института РАО. Он был крупным ученым, известным специалистом по психологии саморегуляции.

Мы будем помнить Олега Александровича, друга и автора нашего журнала.

SUMMARY OF THE ISSUE

Theory and Philosophy of Psychology

V.D. Shadrikov. Psychological Description of a Normal Individual

The article examines ideological, theoretical and methodological issues of psychological description of a normal individual. It offers a substantial interpretation of such issues. It also gives an illustration of all the difficulties of practical work in this field.

Special Theme of the Issue. ***Mentality and economic success of the nation***

E.G. Yasin. Research on Cultural Values – a Common Goal of Humanitarian Sciences

The goal of this paper is to explore the role of culture in the process of civilization and development of various countries. It is argued that scientific research on the effect of social institutions, culture, value systems on the development of innovative economics may improve founding principles of the state politics and environment that facilitates creativity of Russian people. Culture is argued to be accepted by an individual at three levels, specifically: 1) public opinions and moods, 2) concepts and aptitudes, and 3) values; furthermore, a schematic model of a culture is suggested. Following the work of G. Hofstede, R. Inglehart and S. Schwartz four possible scales of measuring cultures are suggested: individualism – collectivism, freedom (equality) – hierarchy (order), openness to changes – conservatism (tradi-

tions), self-actualization (self-accomplishment) – harmony (equilibrium).

S. Schwartz. Cultural Value Orientations: Nature & Implications of National Differences

This paper introduces a theory and methodology for measuring cultural values suggested by S. Schwartz. The nature of cultural values as basic elements of a culture is analyzed. Basing on empirical research conducted by the author in 84 countries of the world, eight cultural regional types are distinguished. It is also suggested that countries vary along seven scales of cultural values, i.e., Affiliation, Intellectual and Affective Autonomy, Hierarchy, Equality, Skills, and Harmony. Correlations between values and the level of socio-economic development, as well as types of economical and political systems are demonstrated.

N.M. Lebedeva. Cultural Values, Economic Settings, and Aptitudes Towards Innovations in Russia

Theoretical approaches and results of empirical research on the relationship between cultural values, economic settings and aptitudes towards innovations in Russia are introduced. Empirical results showed that economic development in Russia is facilitated by acknowledgment of Intellectual and Affective Autonomy, and Skills (in other words, recognition of the values of independence and activity of an individual). From the other side, economic development is impeded by the values of Affiliation and Hierarchy that maintain

settings of economic paternalism and that are negatively correlated with the level of psychological well-being of an individual. It was demonstrated that regardless of age and ethnicity of an individual, the universal cultural factors of Intellectual Autonomy and Skills facilitate a creative and innovative aptitude of Russian people, but the value of Hierarchy impedes it.

R. Lynn. Intelligence and Economic Development

The thesis of this paper is that intelligence is a determinant of income among individuals and populations, and that national differences in intelligence are a major factor responsible for the wealth and poverty of nations. We also examine some other correlates of the IQs of nations, namely ability in mathematics and science, adult literacy, life expectancy and religious belief. Intelligence is defined as «general cognitive ability» expressed as the ability to reason, solve verbal, mathematical and spatial problems, learn quickly, remember, and acquire a large fund of knowledge (Carroll, 1993). Intelligence is measured by tests first developed in France by Alfred Binet and scored to give an IQ (Intelligence Quotient) based on a population mean of 100 and standard deviation of 15.

Work in Progress

V.A. Barabanschikov, A.A. Demidov. Dynamics in Perception of Individual Psychological Characteristics Based on Facial Expressions during Micro-intervals of Time

This empirical study examines perception of individual psychological characteristics judging by facial expres-

sions of an individual. It was demonstrated that different perceptual stages are characterized by different mechanisms of inter-personal perception and presentation of personal characteristics.

T.P. Butenko. A Measure of Understanding of Uncertainty in Life Situations and Coping with them

The article describes the experience of usage of a measure designed to investigate understanding of uncertainty in life situations as an integral phenomenon with its own mechanisms. A measure is designed to ask participants to generate situations with uncertainty on the basis of given stimulus situations. The participants' texts obtained in the study were analyzed within the framework of qualitative approach and «grounded theory» method. Several versions about phenomenon's nature have been proposed as a result, one of the versions is presented in the article.

A.N. Voronin, O.M. Kochkina. Discursive and Linguistic Abilities in the Structure of Human Intelligence

The article is devoted to discursive and linguistic abilities which are essential components of human intelligence that have influence upon adequate and correct understanding of the «flow of speech». The authors invent a new concept of «discursive abilities» and prove the reasonableness of its existence at the theoretical and empirical levels. The development of the discursive abilities and their positioning within a structure of intelligence are examined in the domain of foreign language acquisition. For all that an original measure of linguistic and discursive abilities is used in the research along

with well-established tests of general, verbal and social intelligence.

A.A. Gorbakov. Examination of a Positive-Negative Asymmetry of Emotions at Different Levels of Individual Development

This study examines a hypothesis that during intra-level development of emotions from negative emotional asymmetry towards a positive one, two-directional development of emotions themselves is observed — from negative to positive as well as from po-

sitive to negative. The hypothesis was mostly confirmed for students of elementary, middle and high schools.

E.V. Dyomina. Linguistic and Didactic Experience of Psychological Measurement of Verbal Ability

The article examines the results of psychological studies of interrelation of basic signal systems of a human and the peculiarities of his verbal ability. The article presents the results of verbal ability measurement in older adolescents by means of an associative experiment.

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:
http://new.hse.ru/sites/psychology_magazine/default.aspx